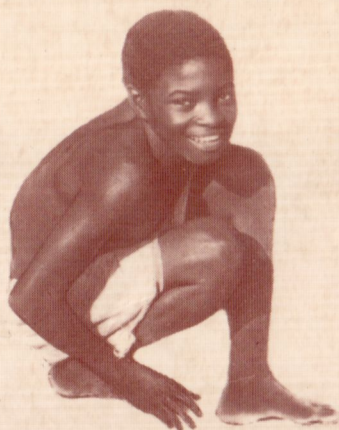

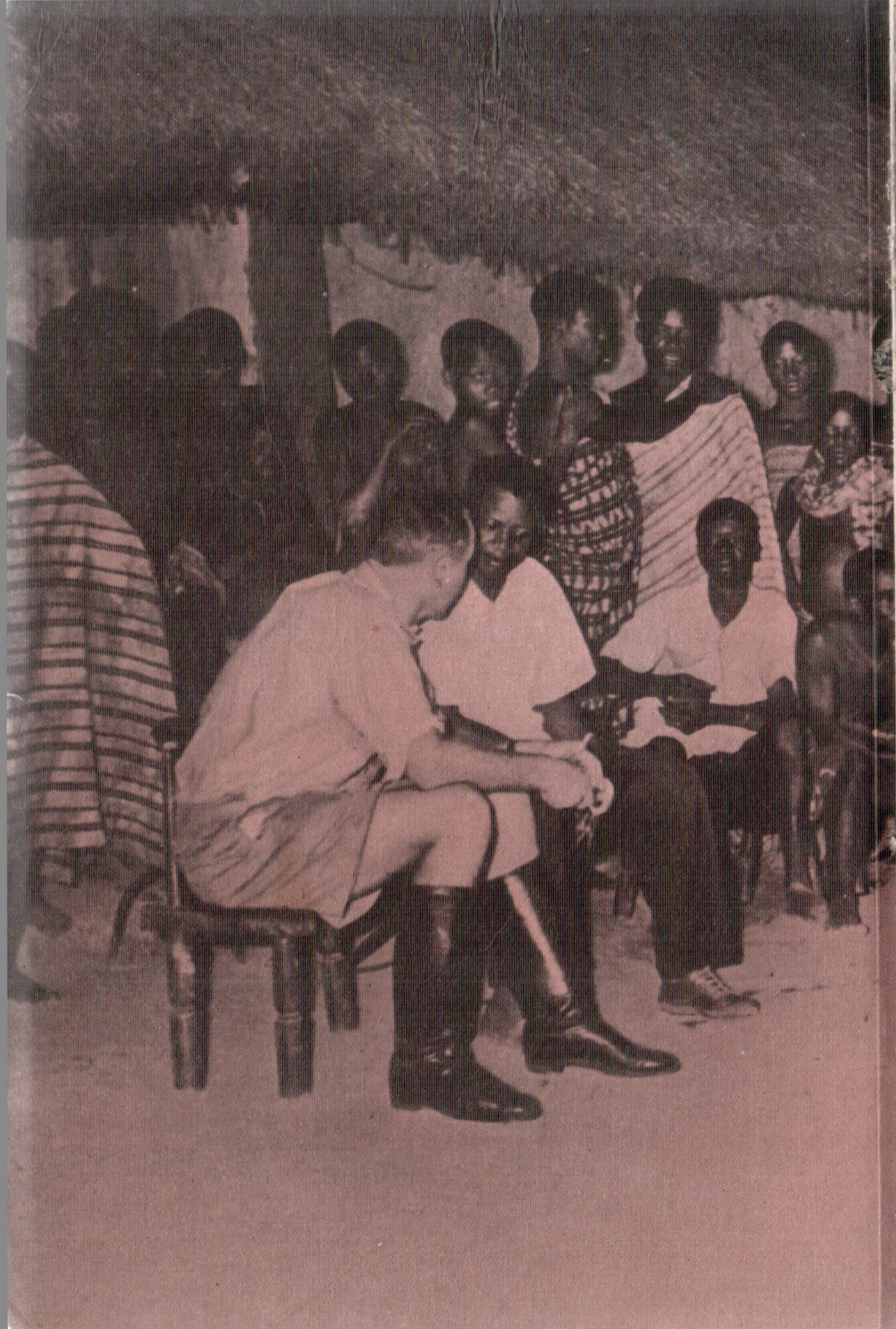
БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

Мы жили среди бауле

●
Издательство
Мысль

БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

**Мы жили
среди
бауле**

Москва «Мысль» 1979

444

Редакции географической литературы

BERNHARD GRZIMEK

Wir lebten mit den Baule

Verlag „Ullstein“
Frankfurt a. Main—Berlin, 1963

Перевод с немецкого с незначительными сокращениями
Е. А. Геевской

Научные консультанты—доктор биологических наук, профессор
А. Г. Банников
и кандидат исторических наук **А. М. Пегушев**

Послесловие и комментарии профессора **А. Г. Банникова**
и кандидата исторических наук **А. М. Пегушева**

Оформление художника **А. А. Брантман**

Гржимек Б.

Г75 Мы жили среди бауле: Пер. с нем./Послесл. и коммент.
А. Г. Банникова и **А. М. Пегушева**.—М.: Мысль, 1979.—
192 с., ил., карт., 16 л. ил.

1 р. 60 к.

Эта книга Б. Гржимека посвящена путешествию в Западную Африку, в Республику Берег Слоновой Кости. В ней автор живо и остроумно рассказывает о поведении, связях с ландшафтом таких животных, как слоны, бегемоты, человекообразные обезьяны и др. Вместе с тем говорится о необходимости охраны исчезающих ценных видов животных и растений. Книга содержит интересный этнографический материал, рассказывающий о самобытном народе бауле. От внимательного взгляда ученого и публициста не ускользают страдания и бедствия народа, длительное время находившегося под колониальным гнетом, социальное неравенство белых и африканцев в этой стране. Книга читается с огромным интересом, богато иллюстрирована.

Г 20901-109 без объявл. 1905020000
004(01)-79

91 (И6)

© Перевод на русский язык.
Издательство «Мысль», 1979

Танцор в ритуальной маске, изображающей демона. Несмотря на то что костюм состоит в основном из крупноячеистой сети, танцор из-за ужасающей духоты время от времени в изнеможении опускается на землю

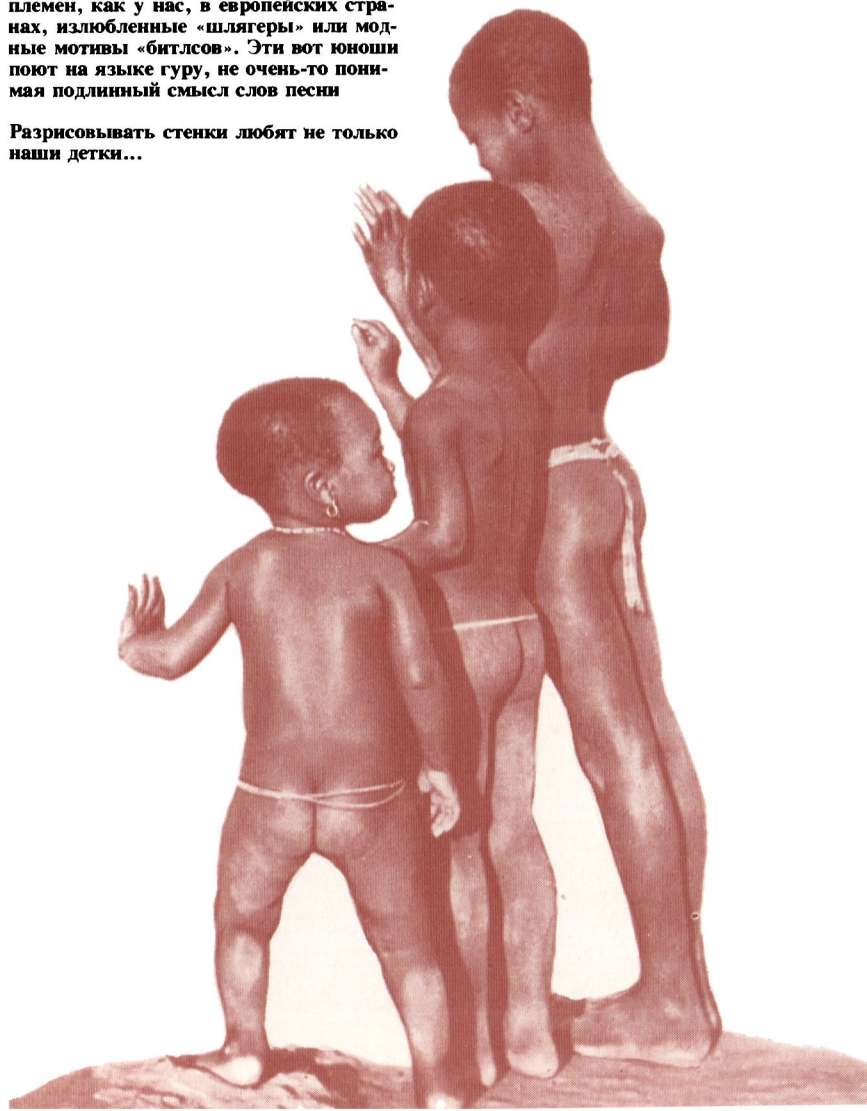

- ◀ Танец с кнутами, изображающий подневольный рабский труд. Мальчики на заднем плане обязаны поддерживать огонь для освещения танцплощадки, но, увлекшись зрелищем, они то и дело забывают о своих обязанностях
- ◀ Маска демона приветствует меня в качестве почетного гостя. Рядом со мной сидит Жан Куадью
- ◀ Популярные танцы и песни распространяются среди различных африканских племен, как у нас, в европейских странах, излюбленные «шлягеры» или модные мотивы «битлсов». Эти вот юноши поют на языке гуру, не очень-то понимая подлинный смысл слов песни

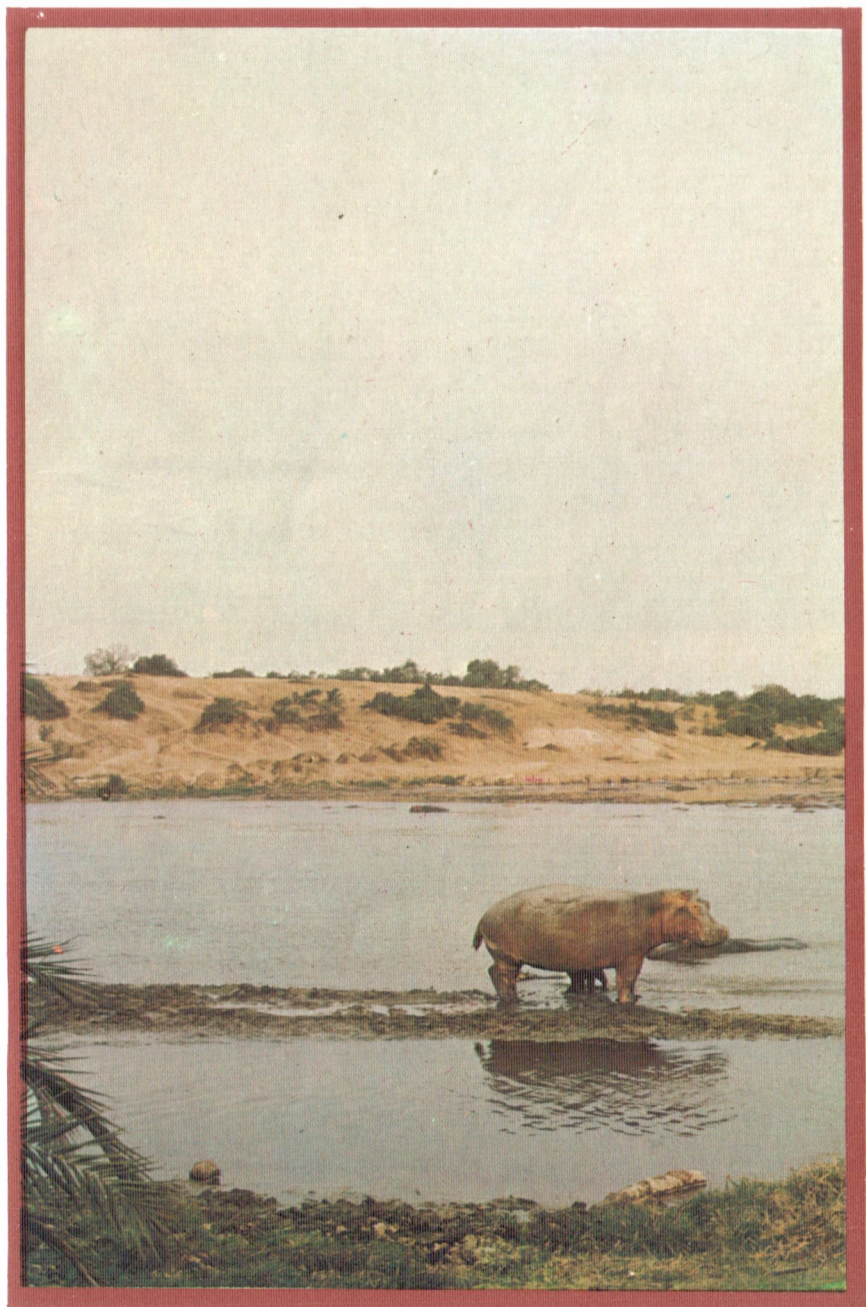
Разрисовывать стенки любят не только наши детки...

Леопарды в стране Берг Слоновой Кости и Гвинеи встречаются только в лесистой местности

Увидеть и заснять бегемота днем «в полный рост» дело отнюдь не простое — это редкая удача. Река Белая Бандама ►

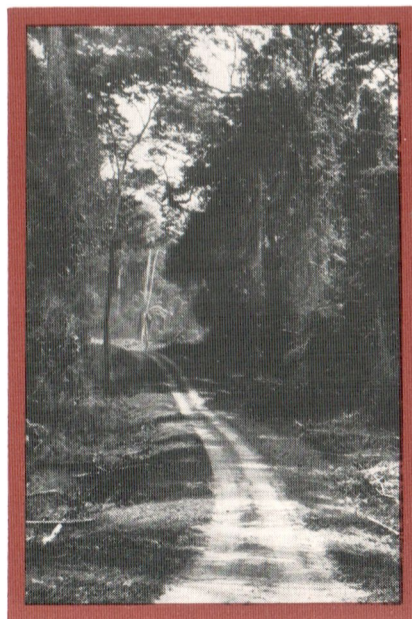
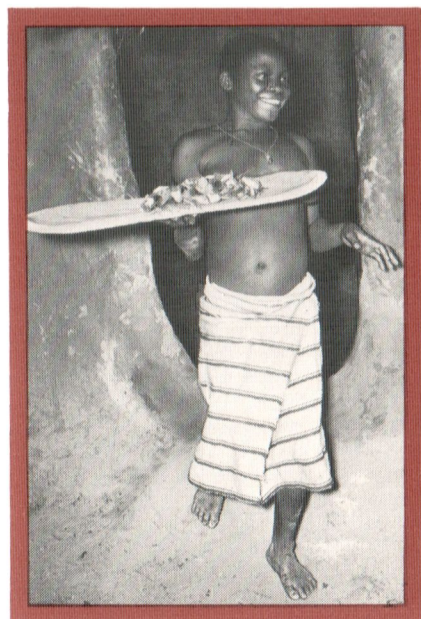
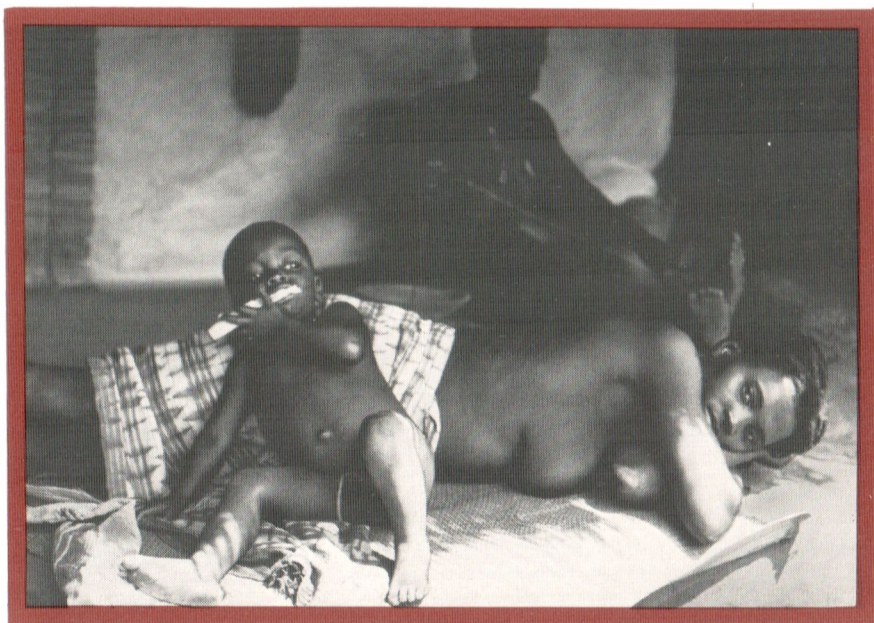
Зебровый дукер (*Cephalophus zebra*)

В то время как старшая жена на заднем плане прядет, молодая отдыхает в тени навеса. Она очень гордится своим первенцем и поэтому, в виде исключения, не возражает против съемок

Молодая гостеприимно сервирует для нас обед. Что бы это могло быть? То ли жареные термиты, то ли вяленая змея — здесь все возможно!

Сотни и тысячи километров катили мы на африканских грузовиках по таким вот лесным дорогам

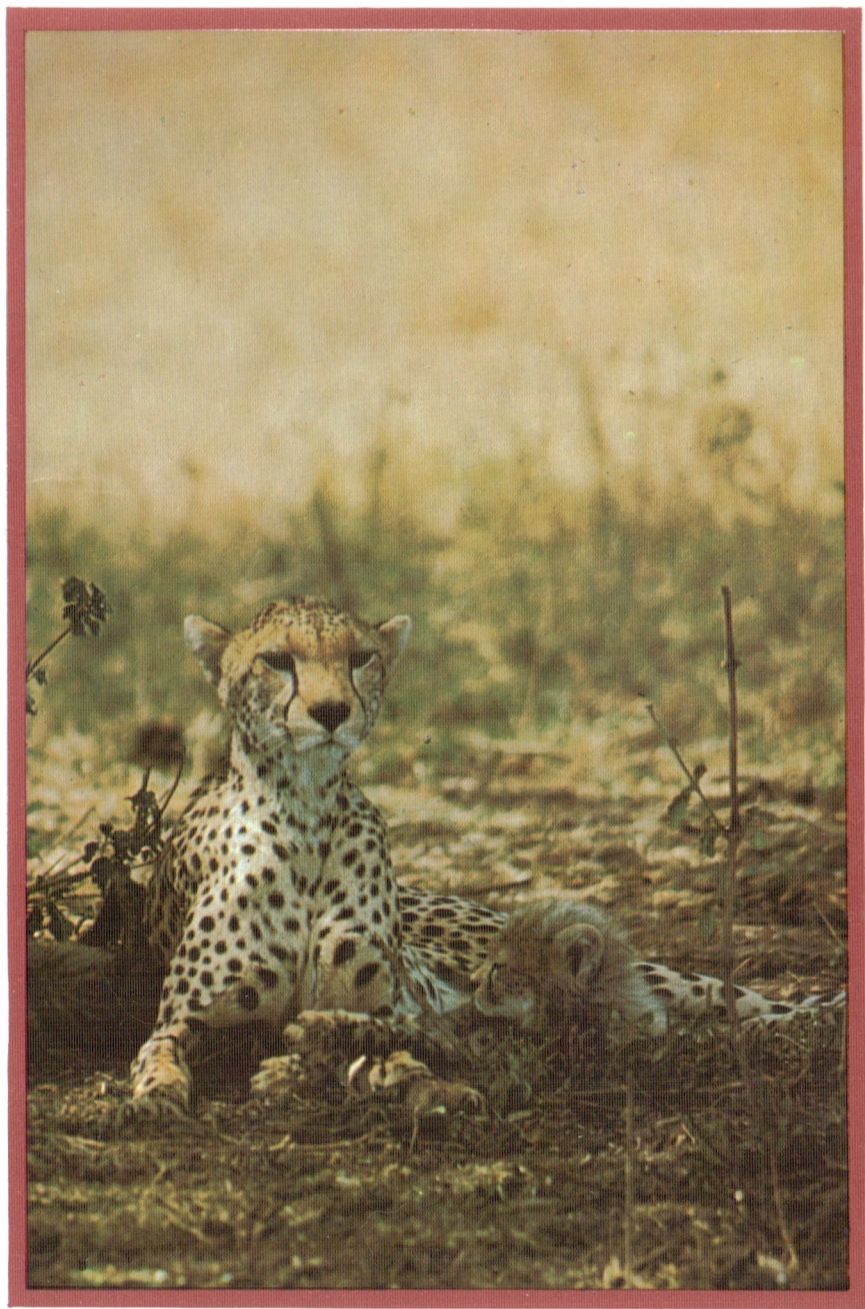

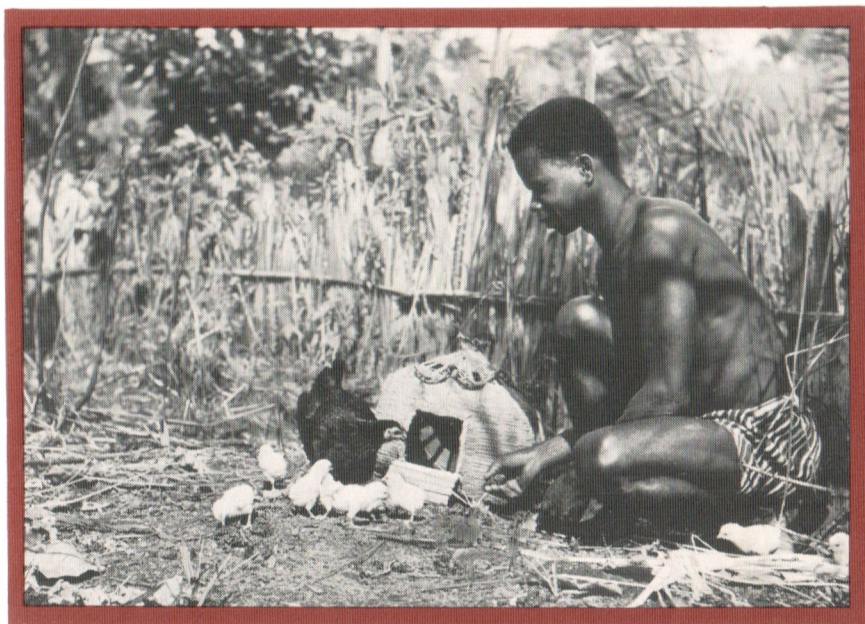
Молодой шимпанзе

Отдыхающий гепард ►

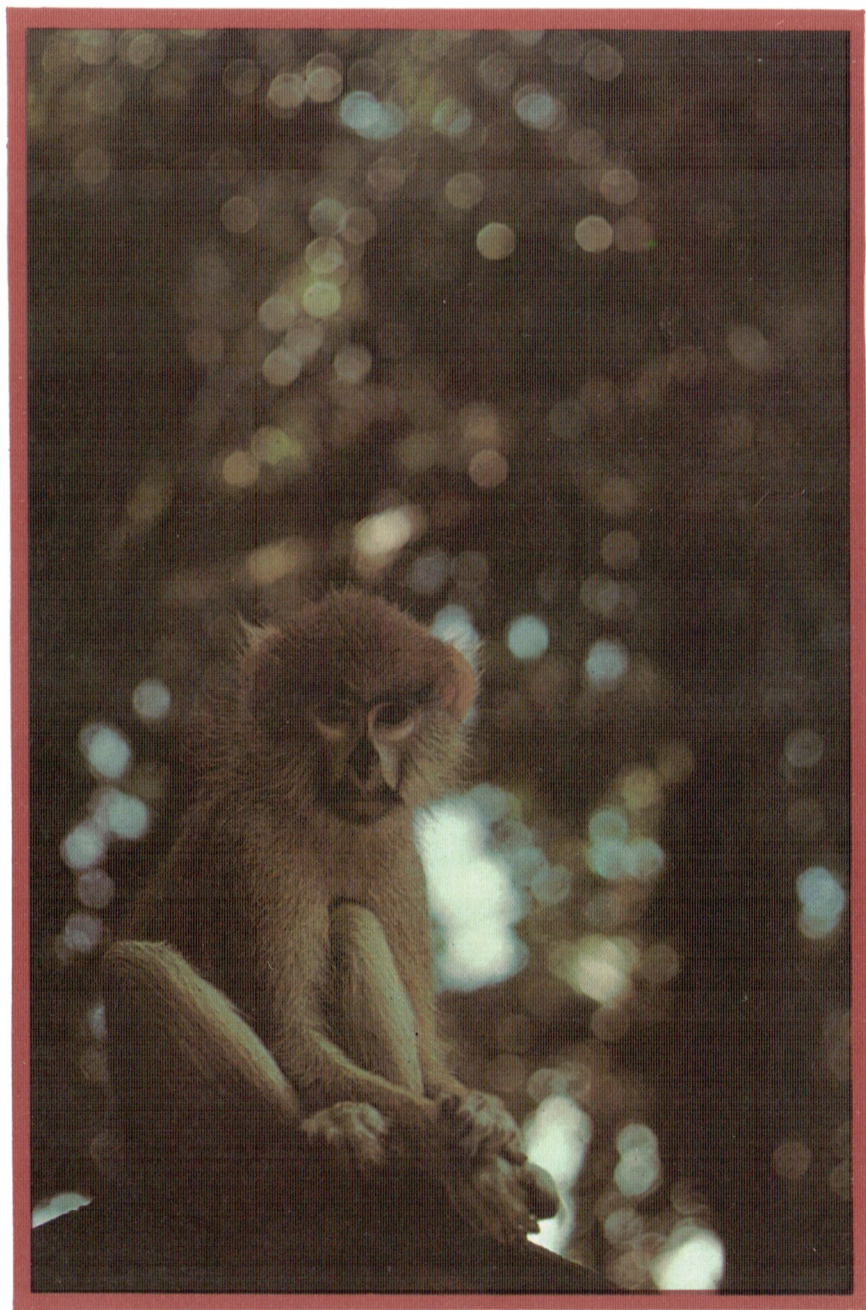
◀ Чем не «мадонна с младенцем»?

Кур здесь носят с собой на поле в плетеных корзиночках. Вечером их уносят домой, чтобы на них не позарились хищники

Гепард на дереве. Этих животных теперь можно встретить лишь в резервате Буна

Маргышка-гусар ▶

Не только ради животных

С животными я начал возиться с очень раннего детства, будучи еще, как говорится, «от горшка два вершка». Многие годы своей жизни я затем посвятил изучению диких животных и проблем их содержания, особенно с тех пор, как стал директором зоопарка, а уж эти годы растянулись в пугающе длинную вереницу...

Когда содержишь в неволе несколько тысяч животных родом с самых разных континентов и несешь ответственность за их благополучие, то частенько задумываешься над тем, а как же чувствуют себя эти «чужеземцы» в непривычных для себя условиях? Отвечают ли условия, созданные для них в зоопарке, хоть частично тому, к чему они привыкли на воле? Такие вопросы задаешь себе гораздо чаще, чем думает какой-нибудь непосвященный воинствующий «любитель природы», обвиняющий зоопарки в том, что это «самые настоящие тюрьмы для животных».

И вот, раздумывая над тем, как же тот или иной постоялец зоопарка вел бы себя на воле, в своей родной стихии, и листая специальную литературу по этим вопросам, внезапно делаешь удивительное открытие! Если вы, например, посмотрите у Брема, каков срок беременности у львиц или живет ли тигр совместно с тигрицей, пока она кормит и воспитывает малыша, то почти на каждой странице можно прочесть, что по опыту Лондонского, Франкфуртского или Берлинского зоопарков это дело обстоит так-то и так-то или что некий господин Майер, содержавший у себя в квартире ихневмона, сделал такие-то и такие-то наблюдения. И тут становится ясно, что большую часть из того, что нам известно о жизни обитателей дикой природы, мы черпаем из наблюдений за пойманными экземплярами, содержавшимися в неволе. Так что зоопарковские животные служат отнюдь не только для удовлетворения любопытства или даже развлечения двуногих зрителей — они служат науке.

И тем не менее о жизни диких животных нам пока еще известно постыдно мало. И это не удивительно, потому что, когда естествоиспытатели прошлого столетия добивались до отдаленных, неизученных частей света, они в первую очередь стремились открыть новые виды животных, описать их, привезти домой их кости, шкуры или тушки. Ведь наука тоже подвержена моде, а в

те времена больше интересовались, как выглядит то или иное животное и где оно обитает, чем условиями его существования.

Не удивительно поэтому, что каждого директора зоопарка обуревают желание увидеть своими глазами, как живут свободные братья и сестры его подопечных на воле. Только у них он может узнать, правильно ли он кормит и содержит своих питомцев.

Счастлив тот, кому это удастся. Но дело это отнюдь не легкое и не простое. Во всяком случае значительно сложнее, чем можно себе представить, судя по некоторым газетным корреспонденциям. Особенно в такой стране, как Берег Слоновой Кости, где долгое время не было ни единого национального парка (их и вообще-то не было в Западной Африке). А увидеть в Африке леопарда ничуть не легче, чем у нас в лесу барсука! Вам ведь, наверное, часто приходилось гулять по лесу — встречали ли вы хоть одного?

И кроме того, только съездив однажды в какой-то район Африки, начинаешь понимать, что же было сделано неправильно во время этой поездки, и как все надо будет устроить во время второй или третьей, и что надо запланировать на седьмую или восьмую...

И кроме того, тот, кто, как я, приехал в Африку из нашей европейской суетни, тесноты и загазованности, попав в тихую и зеленую, еще не застроенную местность, начинает замечать, что помимо интересующих его животных, жизнь которых он приехал изучать, здесь есть ничуть не менее достойные его интереса объекты. Здесь можно встретить людей, которые, подобно нашим далеким предкам, еще живут патриархальной деревенской жизнью, большими семьями прямо посреди леса, буша, и со своими богами. Такой образ жизни скоро капнет в вечность, и я рад, что еще успел познакомиться и подружиться с этими интересными людьми — исконными жителями Берега Слоновой Кости.

Это было первое путешествие в Африку, которое вместе со мной проделал мой сын Михаэль. Было ему тогда всего шестнадцать лет. В то время мы еще не задавались целью чем-то помочь, что-либо изменить или спасти — тогда мы приезжали чему-то научиться, увидеть своими глазами, понять. И ни один из нас тогда еще не знал, что этот континент войдет в нашу жизнь на долгие-долгие годы, а одному из нас суждено будет остаться в этой земле навсегда...

. Бернгард Гржимек

**Знаете ли вы,
как надо
снаряжаться
в Африку?**

Меня издавна влекли путешествия за моря и океаны. Но когда я в 1939 году только что успел договориться о поездке в Южную Америку за новой партией интересных животных и зафрахтовал для этой цели скоростной рефрижераторный пароход, началась война. Первые годы после ее окончания мне было не до путешествий: вместе с другими работниками зоопарка я восстанавливал разрушенные павильоны и вольеры и боролся с городскими властями, пытавшимися мне всеми правдами и неправдами вставлять палки в колеса... Но настал день, когда снова в лицо мне пахнуло ветром дальних странствий и неудержимо потянуло в далекую, загадочную часть света — Африку.

И вот в один прекрасный день мой знакомый приводит ко мне некоего гражданина Абрахама, проживавшего прежде во Франкфурте, но полтора десятка лет назад эмигрировавшего по политическим причинам. Он поселился во французской колонии Берег Слоновой Кости, основал там ферму и открыл магазин. Когда я водил его по зоопарку, он рассказал мне, что многих из этих животных видел на воле, и пригласил меня приехать к нему, в Африку, на пару месяцев.

Не без труда удалось раздобыть визу для въезда в тогдашнюю колонию — Французскую Западную Африку*. Ведь со времени окончания войны там еще не побывал ни один немец. Для этого потребовалось разрешение самого генерал-губернатора, проживавшего в Дакаре. Но мои рекомендации были столь безупречны, а репутация столь незапятнанна, что вскоре все необходимые бумаги оказались у меня в руках. Было это в декабре, накануне рождества, и следовало поторопиться, чтобы не попасть туда в разгар сезона дождей. Но вот где раздобыть денег на поездку?

Ехать один я не мог: у человека ведь только две руки, и если собираешься одновременно делать и цветные, и черно-белые фотоснимки, а к тому же еще и фильм снимать, то двух рук явно не хватит! Так что пришлось мне взять с собой сына, шестнадцатилетнего Михаэля, между прочим отнюдь не новичка в этом

деле: он уже тогда снимал хорошие узкоплёночные фильмы для нашего зоопарка.

Какое это должно быть счастье для мальчишка, если его отец — директор зоопарка! Вот моему отцу, который был юристом в Силезии, никогда не пришла бы в голову идея взять меня с собой в Африку! Уж не говоря о том, что он умер, когда мне было только три года (отчего я и был вынужден сам зарабатывать себе деньги на учебу). Мне кажется, что Михаэлю из-за этой поездки в Африку завидовали больше, чем мне, и в первую очередь, конечно, его соученики по школе.

Я в то время совершенно не знал, какой в тех местах климат, какие встречаются болезни, нужно ли брать с собой пробковый шлем, какие брать рубашки — с короткими или длинными рукавами? И что вообще разрешается провозить через таможенную. Все эти проблемы внезапно возникли передо мною и ввергли меня в некоторое замешательство. (Они и по сей день занимают каждого, кто впервые собирается поехать в Африку. Я это знаю по многочисленным письмам, которые получаю от подобных новичков.) В Дакаре, где я собирался быть проездом, мне предстоял визит к самому генерал-губернатору. Для подобных случаев необходимо иметь легкий белый льняной костюм, который можно недорого сшить у местного портного. Но за такой короткий срок вряд ли кто-то возьмется там сшить костюм. Во франкфуртском же магазине готового платья за изготовление подобного наряда с меня запросили 275 марок. А после поездки такая вещь уже ни на что не годится, потому что в Европе белый льняной костюм носить невозможно хотя бы уж потому, что нет боя, который бы два раза на дню стирал и гладил эти марки и легко мнущиеся изделия... И где вообще во Франкфурте зимой, в декабре, можно раздобыть летние вещи? Каждый продавец, к которому я с этим обращался, сначала растерянно на меня взирал, а потом спускался куда-то в склад, откуда вытаскивал запрятанные на зиму товары, которые на меня (при моем росте 1 м 90 см) абсолютно не годились. К тому же каждый день после обеда нас обоих мучил зубной врач, и мы добровольно на это соглашались, потому что боялись, что зубы разболются там, в африканском буше, и нам придется их лечить у местного знахаря, к тому же безо всякого обезболивания... От прививки желтой лихорадки на меня напал дикий озноб, от которого меня трясло, как грушу, и страшно разболелась спина, а у моего сына сделалось воспаление мозговой оболочки.

Что же касается пробковых шлемов, то они как будто бы вышли из моды...

— Но смотрите, не будьте только легкомысленными, — сказал

мне профессор Г. из Базеля, — хотя некоторые люди и переносят подобный перегрев, но зато другие могут свалиться от него прямо на улице, а затем будут вынуждены 3—4 недели провести в постели, да еще в затемненной комнате!

Весьма возможно, но во Франкфурте ведь все равно не купишь пробкового шлема!

Но вскоре после Нового года мы сидим наконец в самолете. Под нами проплывают предприятия «Опель» в Рюссельсгейме, Рейн, в сумерках — Мозель, затем мигающий разноцветными огнями ночной Люксембург (я вспоминаю, как восемь лет назад сопровождал поезд с больными лошадьми и маневрировал как раз на здешней сортировочной станции). А потом последовало зрелище уже совершенно незабываемое... Создавалось впечатление, что смотришь сквозь дуршлаг на яркий источник света: из бездонной темноты вдруг возникают десятки тысяч светящихся точек, разбегающихся во все стороны... Это Париж.

Когда я проснулся, то почувствовал, что медленно скольжу в лодке по удивительно гладкой и серебристой поверхности озера... Полумесяц каким-то странным образом, горизонтально висит в небе, выпуклой стороной вниз, словно ладья. Лишь окончательно придя в себя, я понял, что все еще сижу в самолете компании «Эр Франс», а море, омывающее побережье Северной Африки, на самом деле находится далеко внизу, в трех тысячах метров под нами.

Разбудившая меня стюардесса приносит ужин на большом черном подносе. Выглядит она так, словно сошла с рекламного плаката французской авиакомпании: высокая, красивая, блондинка. Разговорившись с нею, я узнал, что еще восемь месяцев назад она работала ассистенткой на кафедре института психологии, брат ее — врач. Но ей хотелось во что бы то ни стало попасть в Париж, и она добилась этого, став стюардессой. Работать ей приходится только по 85 часов в месяц, и это вовсе не так страшно, как она себе представляла раньше. Вот, правда, недавно как-то сломался бензопровод, огнеопасная жидкость начала брызгать на корпус самолета, и экипаж очень боялся, как бы не загореться. Пришлось совершить вынужденную посадку в Найроби, в английской Кении, и прошло шесть дней, прежде чем за ними прислали другую машину. Эти шесть дней для молодой девушки из французской провинции стали самыми прекрасными в ее жизни. Вся команда самолета получила возможность разъезжать целыми днями на машинах по степи и любоваться свободно живущими львами и жирафами. Между прочим, этот полет у стюардессы — последний. Через пять недель у нее свадьба: она выходит замуж за одного парижского врача.

Мои соседи, два африканских депутата из Парижа, генерал и декан медицинского факультета в Бордо, встают со своих мест. Где-то далеко внизу замаячили маленькие красные огоньки. Самолет снижается и, как мне кажется, собирается опуститься прямо в море — колеса вот-вот коснутся поверхности воды. Но тут под них подсовывается прибрежный песок и сразу за этим — посадочная полоса, по которой наше крылатое чудовище с шумом катится еще некоторое время, пока не останавливается совсем. В Дакаре — самый красивый и современный аэропорт, который мне где-либо приходилось видеть во время этого путешествия, потому что французские аэропорты ведь почти все были разрушены во время войны и тогда еще не были отстроены.

Когда мы выходим, нас встречает громкая военная музыка. Белый шеголеватый лейтенант и три высоченных черных солдата в белоснежной униформе, украшенной золотыми позументами, и в высоких старинных красных фуражках застыли по стойке «смирно» возле качающегося трапа. Когда мы проходим мимо барьера, за которым почтительно застыли пять рослых черных солдат с кривыми саблями наголо, держа их перед самым своим лицом, публика аплодирует. Но вся эта церемония устроена, разумеется, не ради нас, а ради генерала, который прибыл из Франции в этом же самолете.

Большой дребезжащий автобус доставляет нас далеко за город, в уготованное нам пристанище — каменные бараки, снабженные, однако, водопроводом и душевыми. Все очень примитивно, но чрезвычайно чисто; окна даже затянуты марлей от мух. Правда, двери почему-то не запираются. Но номер в городском отеле стоит, говорят, бешеных денег. Дакар* — большой город с населением более 100 тысяч человек, из которых большая часть — африканцы.

Мы покупаем себе пробковые шлемы по 15 марок за штуку и отправляемся на поиски легкой тропической одежды. Однако здесь нас ожидает неудача: мы, оказывается, слишком длинные для здешних мест. (Может быть, именно поэтому нас так упорно принимают за англичан.) Брюки достают нам только до середины голени. А что касается ботинок местного производства, то они тоже по крайней мере на пять сантиметров короче наших ступней... В каждом магазине, в который мы входим, нам почему-то первым делом предлагают сигареты...

В Дакаре есть нечто вроде зоопарка. Я сажусь в такси и качу по гладкой новой асфальтированной дороге, идущей вдоль побережья, мимо пивоварни под названием «Газель», мимо фабрик, и добираюсь наконец до большого зеленого массива. Шофер требует с меня за ожидание здесь 500 колониальных франков (12

марок), а поскольку с деньгами у нас негусто, я его отпускаю. В небольшом закутке парка расположены вольеры с животными. Тут мне и пришлось увидеть первых двух львов в Африке. Но посетителей что-то не видать: место это расположено слишком далеко от города и добраться сюда сложно. После того как я полюбовался еще и двумя гиенами, марабу, антилопой и маленьким шимпанзе на цепочке, а также дикобразом и африканской виверрой, я захотел вернуться назад, в город. Но как? Такси здесь нет, телефонов — тоже. Сопровождаемый удивленными взглядами грифов, сидящих повсюду на деревьях, я плутаю по парку, пока не обнаруживаю наконец маленькой сторожки и в ней двух служителей зоопарка.

Один из них оказался корсиканцем, живущим уже два года в Африке. Нет, он не в восторге. Почему сюда приехал? Да потому, что не мог найти работы во Франции. Достать здесь такси? Да что вы — это абсолютно безнадежно!

Из вежливости он все же несколько раз пытается дозвониться в диспетчерскую по вызову такси — разумеется, тщетно. Я сижу час, второй и с удовлетворением замечаю, что начинаю действовать ему на нервы. Наконец он не выдерживает, выбегает на шоссе, останавливает одну машину за другой и уговаривает кого-то забрать меня с собой.

Потом, когда мы с Михаэлем уже сидим в ресторане, к нашему столику подходит молодая дама, у которой лоб и верхняя губа густо усеяны капельками пота. Оказывается, она услышала, что мы говорим по-немецки, и решила с нами побеседовать. Родом она из Саарской области, школу окончила в Данциге. Вот уже два года как замужем за очень славным французом. Прежде жила несколько южнее — в Абиджане (как раз там, куда мы направляемся) и довольна тем, что перебралась в «более прохладный» Дакар. В прошлом году она родила в Абиджане своего первенца с помощью африканских акушерок. Родители ее не решаются выбраться из Саарской области даже в Касабланку, боясь, что «в Африке слишком жарко».

— Что только люди в Европе себе не воображают об этой Африке! Просто смех да и только! В Касабланке, ей-богу, не жарче, чем на Ривьере!

Я нанимаю комичную повозку, которой здесь пользуются африканцы. Это двухколесная таратайка на автомобильных шинах, в которую впрягается тощая лошаденка. Зато к козлам прилажен огромный клаксон, которым черный кучер непрерывно пользуется. Под такой неистовый аккомпанемент я подъезжаю сна-

чала к Институту Черной Африки *, чтобы навестить профессора Монода, а затем и к ультрасовременному зданию Пастеровского ветеринарного института, где меня радушно встретил мой коллега профессор Морнэ.

На другой день нам пришлось соскочить с постели в 5 часов утра. Однако в 7 мы еще не вылетели, и, когда начали выкликать по фамилиям пассажиров, нас в списке не оказалось... Испуганно я бегу к служащим аэропорта, но они меня успокаивают, что мы полетим следующим рейсом, через полчаса, в самолете, вылетающем из Дакара в Абиджан *— к конечной цели нашего путешествия. Правда, оттуда нам предстоит еще проехать пару сотен километров по железной дороге, ведущей сквозь девственный лес внутрь страны, до городка Бваке, где и живет господин Абрахам, пригласивший нас к себе погостить.

Вполне спокойно я наблюдаю за тем, как оба наши чемодана, которые я сдал в багаж, загружают в первый самолет, отлетающий в Абиджан, они прилетят туда на полчаса раньше нас — какое это имеет значение? Но по мере того как самолет с нашими вещами исчезает вдаль, меня все больше начинают одолевать сомнения... а точно ли следующий самолет через полчаса прибудет в Абиджан? И, к своему ужасу, узнаю, что вылетает-то он через полчаса, но делает огромный крюк вокруг почти всей Западной Африки, через Сенегал, Судан, Французскую Гвинею и прилетает в Абиджан только через 10 часов. Вот это номер! Причем выясняется, что он даже совершает промежуточную посадку, в городе Бваке в то время как во Франкфурте представители «Эр Франс» меня уверяли, что с городом Бваке нет никакого воздушного сообщения.

Итак, мы наконец летим над настоящей Африкой.

Серые высушенные степи с одиночными деревьями и кустами. От крытых соломой хижин африканских деревень, словно перепутанные между собой паучьи ножки, разбегаются во все стороны пешеходные тропинки. Каждая такая «ножка» цепляется за следующую; ведущую из соседней деревеньки, и таким образом все они соединены меж собой. Правда, иногда я обнаруживаю деревни, тропинки из которых, разбегаясь в разные стороны, ведут в никуда. Человеческие поселения без какой-либо связи с внешним миром... А в течение часа, следовательно над пространствами протяженностью в сотни километров, мы летим, не встречая вообще никаких троп и никаких хижин.

В тех местах, где виднеются поселения, неизменно можно заметить обрамляющие их обширные равнины, зияющие чернотой. Иногда по узкой красной каемке такого пятна можно понять, что оно горит.

Повсюду поднимаются к небу столбы серого дыма, который на высоте свыше двух тысяч метров (это внизу под нами, потому что наш самолет летит еще выше) сливается в неподвижную угарную завесу. Ее пересекает яркая, удивительно синяя горизонтальная полоса. Явление, которое я совершенно не в состоянии объяснить. И хотя поджог степей здесь запрещен, куда ни кинешь взгляд, повсюду горит или только что горело...

Мой сын проникает в кабину пилота, втискивает длинные ноги штатива своего киноаппарата меж ног летчика и радиста и приступает к съемке. Дело в том, что мы как раз начали снижаться над городом Каес в Мали. А у нас в то время была еще столь несовершенная киноаппаратура, что заснять что-либо с воздуха удавалось только во время взлета и посадки.

Машина наша кружит над городом, под нами проплывают церковь, теннисные корты, казармы, несколько прямых улиц, застроенных каменными домами, а затем — предместья с тесными запутанными закоулочками — жилища местной бедноты. За три часа мы одолели расстояние от Дакара до Каеса, а это как-никак 1200 километров! Вообще-то сюда можно добраться и по железной дороге, узкоколейке, по которой ходит даже дизель-электровоз со спальными вагонами. Но тогда поездка займет (согласно расписанию) 29 часов, а в действительности зачастую и гораздо больше.

Когда стюард открывает двери самолета, у меня такое ощущение, будто я попал в духовку. В маленьком ресторане аэропорта нам сервируют завтрак, и поскольку мы еще не привыкли к жесткому, непрожаренному африканскому мясу, то великодушно уступаем его двум породистым щенкам, которых два фермера захватили с собой из Франции. Мы сидим и наблюдаем, как эти смешные, неуклюжие псинки делают свои первые неуверенные шаги по горячей красной африканской земле.

Дальнейшая поездка занимает у нас целый день, потому что самолет то и дело совершает промежуточные посадки: Бамако на берегу Нигера, затем Бобо-Диуласо и, наконец, Бваке. Здесь самый малюсенький аэродром, который мне когда-либо приходится встречать. Это, собственно говоря, даже не аэродром, а частная посадочная площадка фермерского спортклуба, построенная для двух ярко-желтых длинноногих самолетиков.

Разумеется, мы решаем сразу же остаться в Бваке, а не лететь дальше до Абиджана, до которого у нас взяты билеты и куда отправлен наш багаж. Огорчительно только то, что господину Абрахаму напрасно пришлось поехать нас встречать на побережье в Абиджан, да притом за 300 километров по ухабистой проселочной дороге. Он ведь думал, что мы прилетим имен-

но туда. Поэтому дома его нет, и нам приходится волей-неволей въезжать в дом в отсутствие хозяина.

Нелегкая судьба постигла этого человека. Когда-то он жил во Франкфурте, и ему принадлежал один из самых больших ювелирных магазинов на Кайзерштрассе; затем ему пришлось бежать из фашистской Германии, и он, подобно Синдбаду-мореходу, вместе с двадцатью неимущими беженцами, которых он содержал на свои средства, отправился в кругосветное путешествие: из Италии в Южную Америку, затем в Кейптаун, на Маврикий и в Восточную Африку. Пока он наконец не осел здесь, в глубине Западной Африки, где и решил остаться навсегда. У него большой дом, сложенный из красного африканского камня, утопающий среди куш бугенвиллей, один из наиболее красивых и чистых домов этого городка.

Когда мы подъехали к дому и начали выгружать свою аппаратуру, вокруг собрались зеваки из местных жителей. Мой сын смущенно подталкивает меня: «Смотри, папа...» Он еще не привык видеть обнаженных до пояса молодых девиц и женщин. Но ничего — скоро привыкнет и перестанет обращать внимание.

Женщинам здесь живется совсем иначе, чем у нас. Жениться может только тот, у кого есть деньги и кто в состоянии «купить» себе жену. Стоит она от 25 000 до 50 000 колониальных франков, да еще в придачу несколько овец. Цена варьирует — в разных местах она разная. Деньги эти выплачиваются тестю. Но ни один африканец не скажет вам, что «купил» свою жену. Он будет говорить только о «*dôthe*» (приданом). Однако интересно (и необычно для нас), что это приданое жених не получает, а, наоборот, платит. Но ведь в конце концов у нас никто не говорит, что зажиточные люди «покупают» своим дочерям мужей, хотя они и платят им приданое, во всяком случае в прежние времена платили. А здесь, пока жена не оплачена, дети принадлежат родителям жены.

В первое время мы никак не могли привыкнуть к такой картине: муж, глава семьи, беспечно идет с пустыми руками по улице, а три или четыре его жены, тяжело нагруженные, каждая с мешком кофе на голове, следуют за ним. Некоторые еще и с ребенком на спине в придачу. Тем не менее женщины здесь далеко не бесправны — в этом нам предстояло очень скоро убедиться.

Только спустя три дня после нашего приезда господин Абрахам вернулся назад из Абиджана. Дорогой его изрядно растрясло, и настроение у него, прямо скажем, неважное после такой зряшной поездки...

Да и у нас день ото дня становилось беспокойнее на душе. Ведь весь наш багаж, включая коробки с киноплёнкой, находит-

ся где-то в Абиджане, и что-то не похоже, чтобы нам собирались его прислать. На все мои телеграфные запросы — никакого ответа. Спустя пять дней представитель авиакомпании мне смущенно поведал, что «еще ни разу не получал из Абиджана ответа на телеграфный запрос». ...Если я надеюсь когда-либо получить назад свои чемоданы, то должен сам полететь к побережью и на месте все уладить.

Мы ревизуем содержимое нашей скромной дорожной кассы, и я лечу в Абиджан, что занимает целых три дня. Но вот наконец все наши манатки при нас, и мы готовы в дальнейший путь.

**В гостях
у африканского
правителя**

Африканцы племени бауле *, в страну которых мы как раз и отправляемся, испокон веков обитали в районе Золотого берега. Но затем их оттуда прогнало более сильное, воинственное племя. Во время их бегства с насиженных мест им преградила путь широкая река Комоз с кишашими в ней крокодилами. Вместе с женами, детьми и скотом люди племени бауле жались к берегу и не знали, как им поступить. Их преследователи были уже совсем близко. Тогда они обратились к своим жрецам, так называемым марабутам *, за советом. Эти мудрые мужи в свою очередь запросили совета у богов и получили следующий ответ: племя должно пожертвовать богам младенца королевской крови.

Смущенно переглядывались родовитые бауле, а отчаявшийся народ застыл в немом и мрачном ожидании своей участи: никто не смел роптать, потому что в те времена короли и вожди племен еще имели неограниченную власть над жизнью и смертью своих подданных. Любого из них они могли безнаказанно искалечить или обезглавить. Когда авангард преследователей уже стал приближаться, молодая женщина королевского рода, по имени Аура Поку, схватила своего двухлетнего сынишку и со словами:

— Если наши мужчины так трусливы, это сделаю я! — швырнула его в самую гущу крокодилов.

В ту же ночь началась страшная гроза, и буря повалила два огромных дерева, стоявших на берегу. Кроны их уперлись в противоположный берег, поскольку деревья в этой местности зачастую достигают сорока и даже семидесяти метров в высоту. Всю ночь люди племени бауле перебирались по этим «мостам» на спасительный берег, перенося на себе свой скарб, детей и коз, перетаскивая за рога баранов. Таким чудесным способом им удалось спастись и приобрести новую родину, а именно Берег Слоновой Кости, который они с тех пор и населяют.

После того памятного события, о котором вам и сегодня еще расскажет любой бауле, этим племенем правили исключительно только одни королевы, а не короли, потому что Аура Поку вскоре после своего героического поступка была избрана королевой. Постепенно же государственная власть приходила в упадок, и к

моменту прихода белых здесь практически оставались уже одни только деревенские старосты да кантональные вожди*.

К такому вот Chef de Canton, месье Жану Куадью, мы с Михаэлем как раз и направляемся. Я познакомился с этим сорокалетним по-европейски одетым африканцем в Бваке, и он пригласил меня посетить его в деревне. В подвластном ему районе водятся бегемоты, и он поможет мне их разыскать. Взаимная симпатия возникла между нами с первого же знакомства.

Куадью — высокое начальство, ему подчиняется 96 деревень с 76 тысячами жителей (это нечто вроде ландрата — начальника округа у нас дома), но одновременно он является и мировым судьей, который до недавнего времени, когда все местные жители получили французское гражданство, вершил суд над жизнью и смертью своих подданных*. Он владелец фактории, у него несколько грузовиков и две легковые машины.

На мощном грузовике, предоставленном в наше распоряжение господином Абрахамом, мы проезжаем 70 километров по проселочной дороге и наконец добираемся до местечка Беуми. Куадью встречает нас весьма радушно перед входом в свой простой сложенный из необожженных кирпичей дом, построенный, однако, в совершенно европейском стиле. Он ничем не огорожен и расположен прямо среди глинобитных хижин деревенских жителей. Хозяин угостил нас с дороги холодным, со льда, пивом, которое достал из холодильника. Такие холодильники здесь можно встретить почти у всех белых, а в близких к цивилизации местностях — и у состоятельных черных. И, несмотря на то что они работают на керосине, эти холодильники выглядят вполне модными, точно такими, какими мы их привыкли видеть у себя в Европе: белые, эмалированные, с хромированными ручками. Подобный «чудо-шкаф» — ни с чем не сравнимое благо в условиях тропической жары, потому что благодаря нему всегда можно раздобыть кусочки льда для различных напитков.

В столовой на стене яркими красками нарисована мать божья. Куадью — католик, так что у него только одна жена. Она молода, домовита и гостеприимна. Зовут ее Мария. Удивлена, что моему сыну Михаэлю, который с меня ростом (такой же длинный), всего 16 лет. Она приводит своего деверя, затем других своих родственников и их детей, и каждый из них обязательно должен встать «спина к спине» с Михаэлем, что неизменно вызывает бурю восторга и удивления.

— Неужели все немцы такие высокие? — спрашивают меня. — И ваша жена тоже?

Белые люди, общаясь с черными, обычно стараются убедить себя в том, что в чем-то их превосходят. Но в случае с Жаном

Куадью этого никому бы не удалось. Редко можно встретить более порядочного, благоразумного и душевного человека, может быть, даже слишком душевного для властителя над такой оравой людей. Он и его жена Мария воспитывались в миссионерской школе. Куадью показал мне большие фотографии, на которых он запечатлен в момент, когда получает благословение папы римского. На снимке он изображен в старинной тяжелой золотой короне, которую у себя на родине, по всей вероятности, уже никогда не надевает.

— *C'est difficile d'être un bon catholique* — трудно быть настоящим добрым католиком, — говорю я, и он серьезно кивает мне в ответ.

Как мне потом рассказали, он после смерти своей первой жены решил жениться на девушке, которую любил. А поскольку она была из неродовитой семьи бауле, начались всякого рода трудности, препирательства с представителями знати и недовольство подданных.

Все его подопечные — фетишисты *. Это значит, что они поклоняются множеству старых туземных богов, а не одному богу. А все эти христианские миссии, французские католические ордена, протестанты, американские миссии, баптисты и невесть еще какие оттенки христианства, которые конкурируют меж собой, а порой даже вступают в непримиримую борьбу, имеют весьма малый успех на этом континенте. Все шире распространяется здесь ислам. Он больше соответствует старым туземным обычаям, потому что не требует моногамии, а позволяет иметь нескольких жен. Торжественная молитва, произносимая пять раз в день, на коленях и обращенная в сторону обетованной Мекки, больше импонирует африканцам. Мне кажется, что и запрещение Магомета употреблять спиртные напитки благотворно скажется на здоровье местного населения. Ведь мы, белые, в этом отношении, показываем им отнюдь не благодный пример...

У Куадью имеется прекрасный большой радиоприемник со множеством каналов, который, как я выяснил, к сожалению, не работает. С этим я встречался в подобных местах достаточно часто. Объясняется это тем, что электричества здесь все равно что нет, а батареи, как правило, быстро садятся. Пока игрушка нова, аккумуляторы в течение первых недель и месяцев еще перезаряжают, но потом это надоедает, да к тому же посылать их с какой-нибудь попутной машиной, иногда за сотни километров, довольно дорогостоящее удовольствие! Зарядка автомобильного аккумулятора, например, обходится в 20—25 марок. Однажды я повстречал в Африке одного механика, проработавшего прежде пару лет на дирижабельной верфи возле Бодензее, в Германии,

и поэтому говорившего немного по-немецки. Он устроился здесь как нельзя лучше: установил в маленькой будочке старый бензиновый мотор от американской сенокосилки и по два-три раза в день подключал и отключал аккумуляторы. В основном же он просиживал целыми днями в ресторане, так что доходы от своей содержательной деятельности он получал, по-видимому, вполне удовлетворительные...

Куадью показал мне фотографии двух своих взрослых сыновей от первого брака. Оба они учатся в Париже — один получает юридическое образование, другой — медицинское. Африканцы, успешно сдавшие экзамены в местной школе, пояснил он мне, имеют возможность за счет правительства получать высшее образование во Франции.

После обеда мы сидим под сенью раскидистой кроны огромного дерева, стоящего посреди деревни, и пьем банги. Это что-то вроде деревенских «посиделок». Банги — пальмовое вино, прозрачное и пенистое, чем-то напоминающее пиво, впрочем, очень приятное на вкус, особенно когда его только что достали из холодильника. А поскольку европеец в Африке непрерывно потеет, то пьешь гораздо больше обычного. Так и с этим банги: пьется оно легко, и не замечаешь, как пьянеешь. Добывается это вино из определенного вида пальм. Ствол их надрезается, а сок по длинным деревянным трубкам, привязанным к стволу, стекает в подставленные сосуды. За несколько дней пальма «истекает кровью» и погибает. А качество банги меняется в зависимости от дня, в который оно было собрано. Добыча пальмового сока вообще-то запрещена, однако повсюду нам встречались эти высокие высохшие стволы пальм, без листьев, снизу тонкие и раздутые посередине, с все еще привязанными к ним деревянными трубками... Этому виду пальм в местностях, расположенных вблизи африканских деревень, по-видимому, скоро суждено вымереть.

Вместе с нами под деревом сидят братья и родственники Куадью; поверх их обнаженных черных тел накинута лишь красочная накидка из домотканой материи, белые в синюю полоску, и по кругу ходит так называемый калebas — чаша из высушенной оболочки плода, напоминающего тыкву. Я поинтересовался, почему у одного из родственников хозяина забинтованы обе ноги.

— А у него лепра, проказа, — пояснили мне самым безмятежным тоном, и наша беседа потекла дальше как ни в чем не бывало.

Неподалеку от нас топчется в нерешительности молодая женщина. Я заметил, что ей явно хочется поговорить с кантональным вождем, но она не решается, видимо, стесняется нас. Мне

пояснили, что это жена, которая хочет развестись со своим мужем, потому что он ее бьет. Послезавтра должно состояться судебное разбирательство, но она уже заранее пришла сюда из своей деревни, чтобы поговорить с кем нужно и склонить общественное мнение в свою пользу.

Женщина здесь совсем не обязана покоряться мужнине произволу. Она имеет право уйти от своего супруга, если в течение двух лет женитьбы не забеременеет и не родит ребенка. Может она его покинуть и в том случае, если он не считается с ее «тотемным животным» и ест в присутствии жены блюдо, изготовленное из какого-либо животного, считавшегося в доме ее родителей священным и неприкосновенным. От такого нечестивца тоже разрешается уйти. Разумеется, родителям в подобных случаях приходится возвращать неудачливому зятю выкуп, который он уплатил за их дочь. Но это в свою очередь далеко не всем родителям по душе. Поэтому чаще всего они заинтересованы в том, чтобы сохранить брачные узы дочери и не допустить развода, даже если зять слишком стар или не в меру груб. В прежние времена, даже еще не так давно, браки закреплялись старейшинами рода. При этом половина выкупа за невесту вносилась из общинного фонда, а другую половину должна была вносить ближайшая родня жениха из собственных средств. С тех пор как закончено с междоусобными войнами и отпала необходимость держаться скученно, своим кланом, отдельные семьи стали дальше разъезжаться друг от друга и обрабатывать уже индивидуальные участки. А прежде вся деревенская община обрабатывала одно поле, принадлежащее всем. Урожай предводитель общины делил затем между отдельными семьями по своему усмотрению. В наше время молодые люди имеют возможность уходить на заработки, на плантации и, накопив денег, покупать себе жен по собственному вкусу, не считаясь с родней. При этом они видят в кино, что браки заключаются по любви. Однако нельзя сказать, чтобы браки от этого стали счастливее. Сплошь и рядом узнаешь здесь о трагических любовных историях, разыгрывающихся между негритянскими Ромео и Джульеттами, ничем не уступающих нашим знаменитым европейским драмам...

Так, мой гостеприимный хозяин Абрахам рассказал мне историю, как однажды к нему на грузовик попросилась компания из восьми или десяти разгневанных родственников, которые как раз изловили такую убежавшую из дома молодую жену и, вырвав ее из объятий любовника, увозили назад к ненавистному мужу. В операции принимали участие и жадные родители беглянки. Несчастную девчонку связали веревками, она орала во всю мочь, рыдала и ругалась, но была абсолютно беспомощна. Господину

Абрахаму от души было жаль несчастную. И вот, когда милые родственнички попросили остановить машину, чтобы удалиться по нужде в кусты, он незаметно перерезал ножом веревки, стягивавшие руки и ноги беглянки. С быстротой лани та соскочила с машины и кинулась бежать к лесу, а родственники, вопя и чертыхаясь, бросились ее догонять. Что же касается Абрахама, то он побыстрее дал газ и оставил эту теплую компанию в лесу, тем более что деньги за дорогу ему были уплачены вперед...

Я не знаю, разве ли мой друг Куадью тогда ту молодую женщину из Беуми с ее супругом. Но мне кажется, что эти африканские деревенские суды судят, как правило, вполне справедливо и разумно. Хотя бы уж потому, что действуют не торопясь, во всех подробностях разбираясь в каждом отдельном случае и предоставляя возможность высказаться каждому желающему выступить по данному делу. Это не то что в наших судах, где за одно утреннее заседание рассматривается до полдюжины гражданских дел...

В каждой деревне существует два выходных дня: один — настоящий, как у нас воскресенье, и один — «день суда», когда тоже не работают. В такие дни с утра до вечера идут судебные разбирательства, выслушиваются прения сторон; часто это происходит в просторном здании, построенном специально для этих целей. Суд у кантонального вождя — это вторая инстанция. Разбор более сложных случаев, вроде убийств и покушений, остается привилегией правительственных судов, если только место преступления не находится слишком далеко, в «глубинке», и улаживается самими аборигенами меж собой. Поэтому на долю деревенских и районных (кантональных) судов переппадают обычно такие гражданские дела, как супружеские измены, разводы, оспаривание границ между соседями. В соответствии с нормами африканского обычного права за непреднамеренное убийство полагается платить денежный штраф, в случае намеренного убийства родственники убитого обязаны сами выследить убийцу и прикончить его. Притом ответственность за убийство несет не только сам преступник, но и вся его родня. Самоубийство тоже рассматривается как убийство, и родственники самоубийцы обязаны платить за это серьезные штрафы*.

Шеф Куадью обещал отвезти нас на грузовике в глубь страны, туда, где расположены такие деревни бауле, которых еще не коснулась цивилизация. Нам рассказали, что там водятся бегемоты, и обещали их показать. Но неторопливая беседа под деревом явно затягивается, всех приятно разморило под действием пальмового вина «банги», и никто и не думает отправляться за грузовиком. Когда мы вежливо намекаем, что пора, мол, соби-

раться в дорогу, то, к величайшему своему удивлению, узнаем, что наш любезный хозяин вовсе не собирается нас так скоро отпустить, он хочет оставить нас у себя почевать, более того, он готов уступить нам свои собственные постели, а еще лучше, если мы согласимся погостить у него пару дней...

Вот так всегда в Африке. У людей есть время, они никуда не торопятся, и благодаря здешнему гостеприимству можно было бы недели и даже месяцы проводить в гостях, переезжая из одного дома в другой, пользуясь любезными приглашениями хозяев. Но у нас времени в обрез. Мы благодарим, отказываемся, извиняемся и наконец уже сидим в громоздком грузовике «камьон» и катим по узкой пыльной проселочной дороге. На дороге этой почти не заметно движения. Куадью едет с нами. Он захватил с собой нескольких провожатых и четыре охотничьих ружья. Он собирается познакомить нас с несколькими деревенскими старостами, а те уже в свою очередь будут передавать нас «из рук в руки» следующим, с соответствующими рекомендациями. И так на всем пути, от деревни к деревне, пока мы не доберемся до самых глухих местностей, где никогда не видели ни пробкового шлема, ни солнцезащитных очков.

За рулем всех грузовиков здесь (чаще всего это «ситроены» или американские) обычно можно увидеть африканских водителей. Но вот что интересно. В обязанности шофера входит только одно: крутить баранку и больше ничего. Для всех же остальных, более грязных и неприятных дел, связанных с машиной, у него всегда с собой два или три подручных, так называемых «арргептис» — учеников. Ведь и у африканских ремесленников, таких, как резчики по слоновой кости или по дереву, ткачи, кузнецы, с незапамятных времен полагается от шести до семи лет ходить в учениках, прежде чем стать профессионалом. Это правило перешло теперь и на такие «модные» профессии, как, например, вождение автомобиля. Так, эти грузовики марки «камьон» можно остановить с помощью тормоза только при включенном моторе. Если же машина идет под горку на холостом ходу, то при каждой остановке подручные должны спрыгивать на землю и подкладывать под колеса здоровенные брусья. В их же обязанности входит вести предварительные переговоры с пассажирами, желающими поехать в грузовике. Но только — предварительные. Последнее слово остается за шофером, и, если сделка состоялась, он же получает с пассажиров деньги. Подобные переговоры с пассажирами зачастую затягиваются — обе стороны отчаянно торгуются, и именно по этой причине по африканским дорогам продвигаешься ужасающе медленно. К тому же еще и скорость, с которой здесь передвигаются грузовики, равняется примерно

сорока километрам в час. Сколько раз мы проклинали эти непрерывные посадки и высадки попутных пассажиров в каждой придорожной деревне и нескончаемую торговлю с ними относительно стоимости проезда!

День клонится к вечеру. Мы едем по бесконечной красной пыльной проселочной дороге, ведущей то вверх, то вниз. Испуганные земляные белочки во весь дух скачут перед самыми колесами нашей грохочущей махины, пока не сообразят наконец соскочить на обочину и скрыться в придорожном кустарнике. Точно так же ведут себя у нас дома, в Европе, дикие кролики. Здесь, между прочим, дикие кролики тоже встречаются. Однажды дорогу нам пересекла змея — словно черная лента, просвистела она прямо по воздуху. В другой раз метровый варан поспешно бросился прочь от нашего тархтящего чудовища. Это каждый раз вызывает ужасный переполох и крик. Шофер в таких случаях моментально тормозит, и все соскакивают, стараясь поймать убегающее животное.

Так и сейчас. Я спрыгиваю первым и пытаюсь схватить удирающую огромную ящерицу за хвост. Но она ускользает от меня и исчезает в непролазном кустарнике. У подбежавших ко мне черных попутчиков разочарованные лица. Но цели у нас были разные: мне варан нужен был живым, им же — для еды. Каждое дикое животное здесь съедается, включая термитов, мышей и ящериц. Когда шоферу удастся задавить какую-нибудь живность, это встречается ликующими возгласами пассажиров.

Зато по отношению к домашним животным водители, как правило, проявляют трогательную осторожность. Мне ни разу не приходилось видеть, чтобы здесь задавили козу, овцу, курицу или собаку, хотя они и очень часто выбегают на проезжую часть дороги.

Как-то, когда мы проезжали очередную деревню, на самой середине дороги уселся хорошенький щенок, которого невозможно было согнать с облюбованного им места никакими душераздирающими гудками. Тогда наш водитель резким рывком (от которого я срываюсь с места и падаю прямо на колени сидящей напротив меня черной матроны) останавливает машину, вылезает и относит упрямую собачонку в сторонку. Кстати, на обратном пути нам в той же деревне повстречался тот же щенок, разлегшийся на своем излюбленном месте. Интересно, сколько раз за прошедшие за это время дни озабоченным водителям пришлось оттащить к обочине этого маленького глупышку? Причем мне объяснили, что делается это не столько из любви к животным, сколько из нежелания нанести ущерб чей-либо собственности.

(Приведу справку. В американском штате Вирджиния за один год было задавлено на дорогах 10 000 собак, 11 600 кошек, 10 800 кроликов, 10 000 енотов и 4 скунса. Целиком во всех штатах за один только 1960 год автомобилями было задавлено 41 311 оленей. На самом же деле их могло быть вдвое или даже втрое больше, потому что страхованию подлежат лишь повреждения, оцениваемые свыше ста долларов. А цифры эти взяты из статистики страховых компаний. В тот же год там погибло сорок человек в результате столкновений автомашин с дикими животными, перебежавшими дорогу. Что касается ФРГ, то у нас тоже всего лишь за девять месяцев 1953 года было зафиксировано 6499 несчастных случаев, происшедших на дорогах по вине животных. В противоположность этому в Африке редко можно увидеть на дороге раздавленное животное. Кроме разве что змей. Большинству туристов в Африке удается увидеть змей именно только в раздавленном виде, хотя перед поездкой их особенно запугивали возможными нападениями ядовитых змей... Разумеется, по африканским дорогам разъезжает значительно меньше машин, чем по европейским и американским. А поскольку дороги эти далеко не так хороши и удобны для езды, как наши, то и ездят по ним в большинстве случаев на грузовиках и вездеходах, не развивающих здесь обычно больших скоростей. Легковым машинам по таким дорогам тоже не приходится мчаться с оголтелой скоростью. Однако это не дает еще полного объяснения тому факту, что на африканских дорогах почти не встретишь раздавленных животных. Скорее всего это объясняется тем, что во многих частях Африки, где белковое голодание населения чрезвычайно велико, каждое задавленное съедобное животное забирают с собой. Но главная причина все же, видимо, кроется в том, что в Африке с наступлением темноты никто не ездит на автомобилях. Каждый старается к семи часам вечера попасть домой. А в богатых дичью национальных парках езда на машинах в темноте вообще строгойше запрещена.)

Смеркается здесь обычно ровно в половине седьмого. Вот и сейчас начинают сгущаться сумерки, и перед самым носом нашей машины взлетают какие-то странные птицы, до того лежавшие плашмя посреди дороги. В каких-нибудь десяти метрах от колес они вспархивают, мечутся в свете фар из стороны в сторону, а затем, трепеща крыльями, пролетают над самыми нашими головами и исчезают.

Почему они для своего ночлега выбирают именно дорогу, мне не совсем понятно. Может быть, она дольше сохраняет тепло после захода солнца? А может быть, на гладкой, голой поверхности труднее подкрасться различным мелким хищникам? Кто знает.

Во всяком случае я наугад ловлю рукой в воздухе, и на самом деле мне удается схватить одну из этих птиц. Жаль только, что от удара об обшивку она оказалась уже мертвой. По виду птица напоминала ночную ласточку, нечто похожее на нашего козодоя. Поскольку она мне совершенно ни к чему, я шутки ради тихонько засовываю ее в карман спящему Михаэлю. Мои африканские попутчики смеются над этим до упаду — шутить здесь любят и веселятся от души.

А машина наша тем временем, грохоча и подпрыгивая на кочках и ухабах, катит дальше в ночь, в глубь страны бауле.

**Мирный доктор
из Европы
без оружия**

На другой день наш грузовик останавливается на узкой едва наезженной боковой дорожке. Мы вместе с нашими провожатыми вылезаем, выстраиваемся гуськом (Михаэль, разумеется, во главе колонны) и идем прямо через степь, мимо куртин и термитников по одной из протоптанных веками троп Африки, замысловатую сеть которых мы наблюдали еще с самолета. К вечеру мы добираемся до низины, в которой раскинулась большая африканская деревня: беспорядочное скопление соломенных крыш, нахлобученных на прямоугольные глиняные домики. Издали их можно принять за обычные европейские, но они без окон.

Первыми выбегают навстречу ребяташки. Потом нас обступает толпа из мужчин и женщин, что-то возбужденно восклицающая на непонятном нам языке бауле. Несколько пожилых мужчин подходят к Куадью (который все еще с нами) и радостно трясут ему руку.

Нас ведут по деревне. Голые, утопанные дворики между хижинами чисто выметены, повсюду стоят большие, выше человеческого роста, резервуары из глины, напоминающие огромные пузатые вазы, покрытые крышами из тростника. Они служат для хранения зерна; здесь эти запасы недоступны для вредителей — грызунов и птиц.

Жители деревни, завидя нас, бросают свои костры, разведенные для приготовления ужина перед входом в их жилища, выбегают из-под крытых навесов и присоединяются к нашей группе. К сожалению, из их оживленных приветственных возгласов я не могу понять ни единого слова.

Нас заводят в нечто напоминающее большой двор, окруженный низкими, беспорядочно разбросанными строениями. Там нам предлагают сесть (для этой цели у нас с собой захвачено два складных стула), а для третьей «уважаемой персоны», шефа кантона Куадью, приносят резной стул, но не обычный, африканский, совсем низенький, высотой не более 10 сантиметров, а нечто среднее между африканским и нашим обычным стулом. Михаэль (как вежливый молодой человек) вынуждает Куадью занять более высокий стул, а сам садится на его место. Жители деревни располагаются около нас полукругом: их здесь пятьде-

сят — шестьдесят человек; есть среди них и женщины, но детей почти нет. Зато дети, явно сгорая от любопытства, выглядывают из всех щелей между домами и из-за углов. Время от времени мужчины прогоняют их недовольными окриками, но те возвращаются все снова и снова, пока старшим не надоедает обращать на них внимание, и тогда они, довольные, остаются насовсем. Все-таки это совершенно необычное для них зрелище — два белых человека, которые как будто бы даже собираются здесь заночевать!

Мужчины захватили с собой свои низенькие стульчики, на которых сидят, высоко подняв к подбородку колени, и молчат. Молчим и мы. Вся эта сцена освещена беспокойно мечущимися языками пламени костра, разведенного посреди чистого глинобитного дворика. Один из молодых парней бауле сдвигает с трех сторон сучья вершинами к середине так, чтобы все время горели одни только их концы. Замечательно простой и удобный прием, позволяющий регулировать пламя, чтобы оно во время приготовления еды постоянно оставалось одинаковой высоты. Даже обидно как-то: мы, которые так много путешествуем, не додумались до такого удобного способа!

Я смотрю на часы: мы сидим уже двадцать пять минут в полнейшем молчании. Наклоняюсь к Куадью и тихонько спрашиваю его по-французски, что это все должно означать? Отчего это все молчат? «У нас, у бауле, так принято,— отвечает он мне.— Мы проделали нелегкий путь, устали с дороги и должны сначала немного отдохнуть. Было бы невежливо сразу же засыпать нас вопросами».

Ну что ж, помолчим. Через некоторое время деревенский староста — «chef de village» обращается на языке бауле к Куадью. На вид я дал бы ему лет сорок, хотя и не уверен, потому что определить на глаз возраст африканца очень трудно. Куадью произносит в ответ длинную речь, из которой я понимаю только отдельные выражения, такие, как «камера», «кинематограф», «фильм», «Германия», «Михаэль», «доктор», и еще несколько слов. Это иностранные слова, вошедшие в язык бауле из французского. Обмен репликами становится все оживленнее, в беседе участвуют теперь уже и старейшины рода — в основном почтенные старцы.

Куадью меж тем объясняет мне коротко по-французски, о чем идет речь. Он рассказал своим соплеменникам, что привез к ним в гости доктора из Европы с его шестнадцатилетним сыном. Что я не собираюсь ни вымогать у жителей деревни денег, ни склонять их к трудовой повинности, ни вербовать рабочую силу, не собираюсь я с ними и торговать. Я очень миролюбивый, достой-

ный человек, никому не причиню ни малейшего вреда, и даже оружия у меня с собой нет. А те ружья, что мы привезли, принадлежат ему, Куадью, верховному предводителю кантона, и его черным спутникам. А европейский доктор не стреляет даже в животных. Это сообщение в свою очередь вызывает новые недомыслимые вопросы. Неужели такое возможно? Даже по животным не стреляет? Ни на кого не охотится?

Многое можно понять и без переводчика по одному лишь выражению лиц, потому что различные чувства, к примеру, такие, как радость, удивление, гнев, недоверие, презрение, и многие другие у всех людей выражаются совершенно одинаково, независимо от цвета их кожи. Более того, у нас схожее выражение лица и гримасы даже с дальней нашей родней — человекообразными обезьянами.

Потом Куадью достает из кармана путеводитель по Франкфуртскому зоопарку, который накануне у меня выпросил (к сожалению, у меня с собой был один-единственный экземпляр). Маленькая брошюра пошла по рукам, и многочисленные цветные фотографии в ней тщательно обсуждались. Особенно потрясающее впечатление произвел на всех снимок, на котором запечатлен служитель зоопарка, прогуливающий на цепочке взрослую львицу; и второй, запечатлевший служителя нашего слоновника, по фамилии Экк, в момент, когда он в бассейне, в одних плавках, катается верхом на мощном самце-бегемоте, по кличке Тони. Нет, надо же! Удивление, недоумение, восторг. Я понял, что хотя местное население здесь и знает крупных африканских животных, однако и не допускает мысли о том, что их можно приручить.

Мой авторитет в глазах окружающих сразу же непомерно возрос: шутка ли сказать — мужчина, обладающий огромным состоянием — имением, где водятся слоны, львы, леопарды, шимпанзе, страусы и еще бог знает что!

Замечательно, что франкфуртский путеводитель по зоопарку все это документально подтверждает фотоматериалами. И куда бы я впоследствии ни попадал, впереди меня бежала молва как о человеке, укрощающем львов и катающемся верхом на слонах. Самолеты, автомобили и поезда импонируют этим людям значительно меньше, на них они и сами ездят. А вот на слонах...

Такие вот «беседы-смотрины» повторялись в каждой следующей деревне, а удивление и восхищение становились тем больше, чем дальше мы удалялись от цивилизации. Попадали мы и в такие захолустные места, где только отдельные пожилые люди вообще-то видели белого человека.

Часто во время наших долгих бесед с людьми племени бауле

ко мне обращались с вопросом, правда ли, что в Либерии черные сами управляют своей страной, без белых. Во время этих бесед нужно старательно избегать слова «негр» — оно здесь воспринимается как оскорбление. Разговаривая между собой по-немецки, мы с Михаэлем тоже старались избегать этого слова, потому что по-немецки оно звучит почти так же, как по-французски.

Однако мне хочется подробнее описать нашу первую встречу с крестьянами племени бауле. Я заметил, что во время нашей беседы даже сам деревенский староста постоянно обращался как бы за одобрением или советом к почтенному старцу, одному из так называемых нотаблей (Notablen) *. По-видимому, он здесь служил наставником для доброй половины деревни. Его длинная редкая бородка и даже брови были ослепительно белого цвета, что на черном лице выглядело весьма необычно; еще более удивительное впечатление производила белая растительность на его груди. Но в остальном он ничем не напоминал дряхлого старика: был мускулист и бодр. Я узнал, что он десятками лет трудился на плантациях южной части Берега Слоновой Кости, следовательно, на более облесенном берегу океана. Состарившись там, он решил вернуться в свою далекую родную деревушку, поскольку каждый африканец сохраняет за собой «право прибежища» в том месте, где он родился. Он хочет дожить свои дни там, где впервые увидел свет. И, несмотря на то что он много времени проработал вместе с белыми, на нем не было ни малейшего намека на европейскую одежду: через плечо, на манер тоги, был переброшен домотканый платок, белый в синюю полоску. Старик был рассудителен, умудрен опытом и при этом достаточно приветлив.

Нашу уютную беседу внезапно прервала тощая девчонка, примерно четырнадцати лет, которая подошла и встала перед нами в чем мать родила. Заплетающимся языком она принялась что-то лопотать, а окружающие улыбаясь смотрели на меня, поскольку понимали, что я растерян и не знаю, что предпринять с этим несчастным существом. Квадью советует мне дать ей пару франков, что я охотно и делаю, и девчонка, слава тебе господи, кланьясь удаляется. Я вижу, как где-то сзади возникают родители, и деньги сейчас же переходят к ним.

Подобных «деревенских дурачков», пользующихся здесь, как, впрочем, и повсюду в мире, известной «свободой шутов», я и позже встречал неоднократно.

Затем один из парней приносит живую курицу и, преклонив колено, протягивает ее мне. Я беру ее в руки, а затем отдаю ему обратно. Так надо. Затем несчастному куренку сворачивают шею, и, после того как птица перестает дергаться, ее бросают в кипя-

ток, бурлящий в черном котле, по форме напоминающем пушечный снаряд. После этого курицу ощипывают, потрошат, режут на части и варят вместе с «игнамом» * — картофелеподобными клубнями. Конечно же, и это блюдо (как принято здесь одинаково у черного и белого населения) изрядно сдабривается «пиментом». Это нечто вроде красного перца, только стручки круглые, по форме напоминающие плоды шиповника. (Между прочим, свое первое знакомство с этими плодами мы с Михаэлем запомнили надолго. Сразу же после нашего приезда господин Абрахам, решив над нами подшутить, угостил нас этой чертовщиной, рекомендуя ее как «совершенно неподобный, вкусный африканский фрукт». Мы доверчиво откусили по кусочку, а потом плевались как бешеные и выпили не один литр воды, прежде чем сумели унять жуткое жжение во рту. Разумеется же, мы захватили с собой домой, во Франкфурт, несколько таких заманчивых и аппетитных на вид «фруктов» для подобных же шуток...)

Африканцы ужасно любят вести длинные, пространные беседы, притом не спеша, с участием множества собеседников. Но я должен заметить, что при этом они придерживаются вполне парламентских правил. Так, если кто-то из присутствующих хочет обратиться к какому-то определенному лицу, он не кричит через все помещение, а берет свой низенький стульчик, подходит к выбранному собеседнику, садится перед ним и вступает в негромкий разговор. Никто никогда здесь не орет, стараясь перекричать других, так что беседа не перерастает в беспорядочный шум.

Я попросил Куадью объяснить мне, как осуществляется управление деревнями. Угостив меня предварительно сигаретой, он не спеша поведал мне следующее. Сельский староста, «chef de village», который нас сегодня принимает, на самом деле только «вице-староста», заместитель. А настоящий «предводитель деревни», насчитывающей около 700 душ, уехал в другую деревню, где у него умер брат. Он должен привезти оттуда доставшихся ему в наследство четырех жен покойного. Подобное наследство отнюдь не удовольствие, скорее тягостный долг, потому что все эти жены — престарелые дамы, лет на двадцать старше «наследника», и он обязан позаботиться об их содержании.

Сельский староста — должность выборная. Однако человек, которого выбирают на это место, должен принадлежать к роду, ведущему свое начало от основателя данной деревни. Выбирают его главы отдельных родов. Если у такого главы рода имеются взрослые сыновья, которые уже сами в свою очередь имеют большие семьи, т. е. являются главами своих собственных семей, то такой человек вправе считаться старейшиной в деревне. Если сельский староста ведет себя не так, как положено, его можно

переизбрать, назначив новые выборы. Ну что ж, это своего рода смешение демократии с феодализмом никак нельзя назвать неразумным!

Потом мы приступаем к еде. Но еда эта превращается в настоящий спектакль для присутствующих. Мы с Михаэлем достаем свои тарелки и приборы, а более сотни внимательных черных глаз молча провожают каждый кусок, который мы отправляем в рот. Ужасно неудобное положение — мы чувствуем себя так, словно сели есть в витрине магазина прямо посреди людной площади. Но такая же история повторяется затем во всех без исключения деревнях, которые мы посещаем на своем пути, и, чем дальше от цивилизации, тем больший интерес и удивление вызывают эти «показательные трапезы». Правда, скоро мы перестаем замечать зрителей и смущаться. Ведь морским слонам у нас в зоопарке в конце концов приходится отнюдь не легче: там посетители тоже провожают восхищенными возгласами каждую рыбешку, исчезающую у них в глотке, и тем не менее аппетит у животных от этого не портится...

Уже во время ужина до нас издалека начали доноситься звуки барабана. Некоторые африканцы стали подниматься со своих мест и исчезать. И вот, как только мы вытерли платками рты и руки, староста знаками пригласил нас следовать за собой. Он привел нас на танцплощадку, освещенную беспокойным пламенем костров, расположенных по четырем ее углам. На площадке уже выстроились в ряд молоденькие девушки, а напротив них — мужчины; ноги у всех так и подергиваются в такт звукам барабанов и рожков. Нас снова сажают на почетные места, и представление начинается.

Какая-то устрашающая маска выпрыгивает на середину площадки и начинает скакать по кругу. На ряженном надето нечто вроде рыболовной сети с огромным воротником из мочала и такими же «манжетами» на руках и ногах, а сзади у него болтается мочальный хвост. Маска на его лице изображает лик злого духа. Следом за этим страшилищем пританцовывает молодой парень, держа в руках его хвост, словно шлейф. Этот парень — прямо виртуоз! Вся его стройная, высокая фигура извивается в ритме танца, точно змея, ритмично подергиваются не только ноги и руки танцора, но и лопатки, даже каждый палец двигается в такт музыке. Что-то потрясающее! Потом выходят двое-трое могучих мужчин, один из которых трубит в рог. Они, щелкая бичами, заставляют отступать все дальше и дальше шеренгу молодых людей, приготовившихся для танца. Но затем танцоры под неистовое хоровое пение бросаются вперед и заполняют всю танцевальную площадку.

«Демон» тем временем сник и опустился на землю. Маску он сдвинул на лоб, а «прислужник» «демона» обмахивает его платком (как это делают тренеры с боксерами во время передышки между раундами). Я могу себе представить, как этот бедняга вспотел под своей глухой деревянной маской! Потом взрывается внезапная россыпь барабанной дробы, «демон» вскакивает, подбегает ко мне и, приплясывая на месте, протягивает мне руку. А Михаэль тоже вскочил и старательно фотографирует со вспышкой все происходящее.

Это отнюдь не простое дело — фотографировать в таких условиях. Во-первых, свет от костров слишком слаб, во-вторых, дети, обуреваемые любопытством, подходят вплотную к аппарату и заглядывают в объектив, мешая снимать. Но против этой помехи Михаэль быстро придумал способ защиты: он предложил самым настырным из мальчишек смотреть на зеркало вспышки. А когда они на него уставились, щелкнул, и яркий свет заставил всех моментально зажмуриться и убежать от страха. Это вызвало взрыв радостного удивления у всех остальных ребят, злорадный смех, а на будущее — желание держаться подальше от этого дьявольского аппарата...

Я решил узнать у убеленного сединами старейшины о значении этого танца и сопровождающего его пения. К своему удивлению, я услышал, что он и сам не очень-то понял, что все это должно означать. Дело в том, что исполняемый танец не исконный танец бауле, молодежь переняла его у гуро, какого-то совсем другого племени *. Даже маски скопированы с масок гуро, и текст песен поется не на языке бауле, а на гуро. Это весьма обычно для Африки: понравившиеся танцы и песни повсюду копируются и переходят от одного племени к другому. Впрочем, с нашими европейскими танцами происходит ведь то же самое!

Снова заиграла музыка, и появилась следующая маска. Но на сей раз лицо не черное, а розоватого оттенка. Судя по одежде, эта фигура сильно смахивает на европейскую дамочку тридцатых — сороковых годов. Я высказал подозрение, что это, вероятно, пародия на белых, но мои хозяева стали уверять меня, что нет, это не так...

Когда барабаны начинают звучать глуше и слабее, барабанщики держат их некоторое время над огнем, а шкуры снова натягиваются — простой и практичный способ!

Как жаль, что все эти ритмично извивающиеся в танце, блестящие как антрацит тела мы способны зафиксировать лишь на фото, а не на киноплёнке! Снимать ночью фильм, к сожалению, дело совершенно безнадежное: куда бы мы здесь могли подключить осветительную аппаратуру?

Барабаны и ноги работают без усталости. Чего не скажешь о нас — скоро нас окончательно сморило, и мы отправились спать. Нам отвели целый дом, состоящий из трех маленьких квартир. Хозяин освободил его, а сам вместе с двумя женами переселился на это время в какое-то другое помещение.

Дом этот устроен весьма оригинально. Он имеет вид удлиненного прямоугольника, на продольной стороне которого находятся три двери, завешенные циновками. Каждая такая дверь ведет в просторное помещение (примерно 5×6 метров) с гладким глинобитным полом. Однако переборки между этими тремя комнатами до потолка не доходят, они не выше человеческого роста. Такими же глинобитными стенками в углу каждого помещения отгорожено нечто вроде «спальной кабины». Дверь такой «спальни» запирается на ключ. Так что дом состоит как бы из трех небольших квартир, и каждая жена имеет, таким образом, свою отдельную квартиру. Мебели мы в доме не обнаружили, только в каждой «квартире» в углу были сложены разные предметы домашней утвари, а в «спальнях» имелся деревянный ларь (тоже под замком). Муж спит в среднем помещении. А по сторонам расположены «апартаменты» его двух жен: каждая ведет свое собственное хозяйство и владеет своим собственным имуществом. Как видно, и многоженство должно быть разумно организовано. Ведь давно известно, что «общий суповой котел» легко ведет к раздорам...

Я забираюсь в осиротевшую спальню одной из жен и некоторое время еще переговариваюсь через переборку с Михаэлем. В спальной кабине устроено нечто похожее на диван, только это ложе из глины. На нем имеется даже возвышение для головы — все как полагается. Но жестко. Чертовски жестко спать! Я кручусь с боку на бок и наконец выясняю, что могу лежать только на спине, не иначе; никоим образом нельзя поворачиваться на бок, иначе начинаешь болезненно ощущать свою анатомию, особенно тазобедренный и плечевой суставы... Кроме того, это ложе рассчитано на субтильную маленькую негритянскую женщину, а не на такого долговязого верзилу, как я; поэтому я вынужден разместиться на нем по диагонали — из угла в угол. Я накрываюсь тонким шерстяным одеялом, какими пользуются здесь, в Африке, и чувствую, что, несмотря на то, что в деревне все еще не смолкает барабанный бой, и на все неудобства своего твердого ложа, я все равно скоро усну.

Последнее, о чем я еще успеваю подумать, это — о замках. Осветив карманным фонарем дверь, я убедился, что она действительно закрывается на ключ. И притом замок — европейский. Но вот что удивительно: в Африке все замки врезаются в двери

вверх ногами, то есть так, чтобы ключ вставлялся бородкой кверху. Причем это делается одинаково как у черного, так и у белого населения. В этом есть, правда, и преимущество: если дверь захлопывается, ключ не выпадает. Но я никак не могу привыкнуть к тому, что для того, чтобы отпереть, нужно повернуть ключ в обратную сторону. Ведь автоматизм подобных движений у каждого вырабатывается с детства.

Не знаю, додумал ли я до конца эту мысль, потому что под далекий глухой стон барабанов мои глаза закрылись, и я сладко уснул.

**В гостях
у бегемотов
реки Бандама**

Километр за километром мы удаляемся от самого последнего, затерянного на краю света африканского поселения, направляясь прямо в открытую раскаленную солнцем степь... Движемся мы по-прежнему гуськом, потому что тропинка, вытоптанная в пожухлой траве либо охотниками, либо рыболовами, слишком узка, чтобы идти иначе. Наш черный проводник, возглавляющий колонну, задает довольно-таки быстрый темп. То слева, то справа, на некотором расстоянии от нашей тропинки, возникают манящие прохладой маленькие рощицы или куртины деревьев, произрастающие здесь в низинах, где грунтовые воды подступают близко к поверхности земли, или возле небольших, в этот сезон почти пересохших, ручьев.

Я собираюсь впервые в жизни понаблюдать за свободно живущими бегемотами. Момент для меня очень волнующий. Ведь увидеть бегемотов в стране Берега Слоновой Кости — дело отнюдь не простое: здесь ведь повсюду охотятся. Поэтому эти колоссы ушли из всех более или менее населенных мест и стали очень пугливыми и осторожными. Вот почему нам и пришлось так далеко забираться в глубь страны в надежде, что все-таки удастся их повидать. Неужели наши усилия окажутся напрасными?

Вот уже несколько дней мне почему-то больно садиться — может быть фурункул? Но все это время я не раздевался и поэтому не имел случая посмотреть, в чем там дело... А кроме того, у меня еще и гвоздь в сапоге объявился — колет проклятый всю дорогу! Но останавливаться я не хочу — мы ведь решили еще до обеда добраться до реки Бандама.

Один из наших черных спутников хватает меня за руку и указывает на высокое сухое дерево на краю рощицы. Обезьяны!

В бинокль мне их отлично видно. Это две белобородые обезьяны колобусы — очень редкий вид, находящийся под охраной. Ни в одном европейском зоопарке их не увидишь. Вид у этих животных всегда степенный и достойный (по манере держаться), у них длинный хвост и лицо, окаймленное белой шерстью. На руках у них отсутствует большой палец; это травоядные животные с огромным, как у коровы, желудком, необходимым для перева-

ривания обильной растительной пищи. И чтобы организм мог лучше усваивать малопитательные и волокнистые растительные корма, обезьяны эти подолгу сидят неподвижно, спокойно переваривая пищу. Отсюда их степенный и важный вид. Ведь важничанье зачастую зависит не от того, что в голове, а от того, чем набит желудок (кстати, не только у животных...).

А мы топчем дальше по степи, молчаливые и потные. Мы топчимся. Гербы почти бежим. Я иду, а в голове у меня все вертится история, рассказанная мне неким господином Гербертом, у которого мы гостили несколько дней назад. Этот Герберт — владелец собственной фактории, тем не менее еще два года назад был управляющим на кофейной плантации, расположенной в глухом и диком месте, в двадцати пяти километрах от ближайшего населенного пункта. Занимался он тем, что сводил все новые и новые леса под плантации, и по восемь месяцев ему не приходилось видеть ни одного белого человека. Два черных охотника ежедневно «делали мясо», что означало: отстреливали в округе диких животных для пропитания работающих на плантации людей. Вот что он мне поведал.

«Патрон», работодатель Герберта, отправляя его на плантацию, посоветовал ему не давать черным охотникам в руки крупнокалиберных ружей. Пусть стреляют только в птиц, обезьян, антилоп и подобных мелких животных. Но однажды к Герберту явились местные жители, умоляя о помощи — спасти их от нашествия бегемотов: толстокожие топчут и уничтожают их посадки. Один из черных охотников, очень старательный и отважный парень, три дня подряд ходил за Гербертом по пятам, уговаривая и упрашивая дать ему крупнокалиберное ружье, чтобы он мог сразиться с бегемотами. Наконец Герберт сдался — ладно уж, бери.

На другое же утро прибежал человек с тревожным сообщением: из леса раздаются вопли охотника о спасении!

Герберт с шестью провожатыми бросился в лес. Он захватил крупнокалиберное ружье, а второе дал своему первому помощнику. До них доносились уже не вопли, а только стоны, и, следуя этим душераздирающим звукам, они вскоре добрались до места происшествия. Им предстала чудовищная картина: несчастный охотник лежал на земле со вспоротым животом, из которого вывалились наружу внутренности, и все это было усеяно мухами... Тучами мух! Человек был уже без сознания, но еще дышал прерывисто и хрипло. Время от времени из его груди вырывался протяжный стон. Пока его провожатые сооружали носилки, Герберт обшаривал окружающий кустарник в поисках ружья, которое накануне дал несчастному, и вскоре обнаружил

его недалеко от места происшествия. Но когда он нагнулся, чтобы его поднять, то в десяти шагах от себя увидел бегемота, злобно уставившегося на него... В крайнем возбуждении он выстрелил, промахнулся, но животное не пошевелилось. Тогда он выстрелил по нему еще трижды, выждал несколько минут и затем осторожно приблизился: бегемот был давно мертв — в пасти у него уже ползали черви.

Герберт не был охотником. Поэтому легко представить себе его испуг, когда, обернувшись, он увидел позади себя в кустах голову другого бегемота! Он снова выстрелил и снова напрасно: второй бегемот тоже был мертв. Впоследствии удалось выяснить, что здесь произошло. Охотник ранил бегемота-самца, и тот замертво упал на месте, где его настигла пуля. Самку же он ранил только в спину. Она вернулась и нанесла обидчику страшный удар клыком, вспоров ему при этом живот. Однако после этого она тоже далеко не ушла: свалилась замертво.

У людей Герберта не было с собой перевязочных материалов, поэтому они просто закинули вывалившиеся внутренности назад в брюшную полость, затянули лианами, положили раненого на наскоро изготовленные носилки и принесли в лагерь. Там они разорвали несколько простыней на бинты и, перевязав несчастного, так и не пришедшего в сознание, понесли в ближайшее поселение, где имелся врач. Но донести его туда живым им не удалось: он скончался еще по дороге.

Недалеко от места, где лежали убитые бегемоты, бегал детеныш. Герберту со своими людьми удалось изловить его и привезти на плантацию. Его даже пытались выкормить молоком. Но молока было мало, и спустя два дня детеныш умер. А туши взрослых бегемотов притащили в лагерь африканских рабочих. Сделать это было совсем не просто: пришлось вырубать в лесу специальный проход, на что потребовалось целых три дня. Так что к моменту, когда мясо поступило в распоряжение рабочих, от него уже воняло так, что запах доносился аж до дома Герберта, находящегося в двух километрах от лагеря. Тем не менее африканцы ели его в течение почти двух недель. А вдова охотника с тремя детьми получила от «патрона» 200 франков (что на сегодня соответствует пяти маркам)...

Что же касается Герберта, между прочим выходца из Германии, то у него все, как говорится, «о'кей». Дела его идут хорошо, он удачно женился на мулатке — дочери европейца и африканки. Зовут ее Луиза. Она хороша собой, воспитанна, получила образование в миссионерской школе. Отличная хозяйка и весьма деятельно принимает участие во всех делах мужа. Преимущество ее перед европейскими женами заключается в том,

что она говорит на нескольких языках местных племен. Очень удачная жена, ничего не скажешь!

Вот так я иду и размышляю на все эти темы, стараясь не замечать изнуряющей жары, боли от вероятного фурункула и гвоздя в сапоге... Но терпение мое на исходе.

Наконец проводник кричит: «Бандама!» — и указывает рукой на полосу леса впереди. Слава тебе господи, добрались. Вот она, широкая река, отвесные берега которой обрамляют узкая полоса леса и кустарника. Однако мы не идем к ней напрямик — тут нет прохода, поэтому вынуждены идти дальше, вдоль прибрежной полосы леса, в каких-нибудь тридцати метрах от нее, все по той же голой, знойной степи. Вот кошмар! Проходят еще томительные полчаса, и мы наталкиваемся наконец на тропинку, ведущую к воде. Наш проводник останавливается, указывает на нее и произносит:

— Нию-сю!

На языке бауле это означает «речной слон». По-немецки это животное называется «речная лошадь» (Flußpferd). Оба названия весьма неудачны, потому что бегемот отнюдь не родня ни слону, ни лошади. Это скорее родич свиньи.

Тропинка, на которой мы стоим, действительно протоптана не людьми, а бегемотами. Она ведет от самого берега, напрямик, через прибрежный лесок в степь. Примерно через 80 метров она разветвляется, и оба ее конца теряются где-то вдали. В одном месте трава сильно помята: здесь животные недавно отдыхали. Мы идем по «бегемочьей» тропе к реке. Внезапно она резко обрывается и спускается по почти вертикальному пятнадцатиметровому обрыву вниз, к воде. Тропа втоптана в почву так глубоко, что образовалось нечто вроде узкой ложбины. Какое бесчисленное число поколений бегемотов протоптало ее здесь за многие столетия! Трудно даже представить себе, как эдакие махины, весом в 20—30 центнеров, могут спускаться и взбираться по такой крутизне! Тут и там тропу пересекают толстые корни деревьев, возвышаясь над ней иногда до полуметра, и тогда их приходится перешагивать. Там, где дорога ведет резко вниз, в каменистую почву «врезаны» как бы короткие ступеньки: их тоже пробилю бегемоты своими мощными ногами, снабженными копытами. В узком, тесном проходе бегемотам приходится ставить ноги близко одну возле другой, и поэтому на дне тропы отчетливо видны две широкие колес с узкой перемышкой посередине.

— Да они же прямо настоящие скалолазы — эти бегемоты! — думал я в то время, как неуклюже спускался по их отвесной тропе. Тут-то мне впервые и пришла в голову мысль, что мы можем у себя в зоопарке значительно увеличить объем бассейна для бе-

гемота, упразднив широкие ступени, ведущие в воду. Спуск можно сделать гораздо круче, а ступени — короче.

Вот по этой головокружительной «бегемочьей тропе» мы и спускались вниз к реке, скользя, спотыкаясь и цепляясь за корни и ветки, чтобы не упасть. Внизу мы тихонько садимся у самой воды и ждем. Главное — не шуметь. Однако тишину то и дело нарушают огромные птицы-носороги, с их длинными загнутыми клювами, шумно перелетая с одной вершины дерева на другую, а то и пересекая реку. Шум во время их полета происходит от того, что маховые перья на их крыльях расположены так, что образуют большие зазоры, сквозь которые во время полета со свистом прорывается воздух. Иногда прямо кажется, что по лесу мчится паровоз...

По заверению нашего проводника, охотника из последней посещенной нами деревни, бегемоты встречаются именно в этом отрезке реки. Он знает это точно, поэтому нас сюда и привел. Кстати, он единственный среди наших провожатых, кто говорит по-французски. Так что с ним можно общаться. И если действительно бегемоты здесь на самом деле водятся, то мы их сейчас непременно увидим — в этом я уверен. Потому что бегемоты, или гиппо (как их еще называют от слова «гиппопотам»), — водные животные; дом их — река, там они живут, а на берег выходят только пастись. Притом у каждого семейства бегемотов — свой стрезок реки, который они считают своей собственностью, своей законной территорией. За ее пределами начинаются уже владения следующей семьи, и туда заплывать нельзя. Строжайше запрещено. Пастись бегемоты выходят только по ночам. При этом они пользуются как раз этими тропами, по которым мы с таким трудом спускались. Ведет каждая тропа на постоянное «пастбище» данной семьи, куда доступ особям из другого «клана» тоже воспрещен. Ведь животные в природных условиях отнюдь не бегают как попало и куда попало. У них обычно твердо установленные участки, границы которых помечены и переступать которые не рекомендуется, потому что пограничные владения «принадлежат» уже другим животным того же вида. Так что у них наблюдается нечто похожее на погранзаставы, с их таможнями и паспортами... Только бегемоты в отличие от нас маркируют границы своих владений пахучими метками. Делается это так: вертя своим коротким хвостом, словно пропеллером, самцы разбрасывают испражнения в радиусе нескольких метров; с этой же целью используется и моча, которую самец с силой выбрызгивает назад, орошая ею кустарник и траву. Так что каждый пришлый бегемот без труда может «прочитать»: «Это место занято!» В случае если пришелец, несмотря на предупреждение, пы-

тается остаться, ему предстоит выдержать кровопролитные бои с «законными» владельцами территории.

Но в то время как другие животные в момент опасности убегают и прячутся в свои норы или берлоги, расположенные, как правило, посредине принадлежащего им владения, у бегемотов это происходит несколько иначе. Ведь у них «дом» находится в конце их владения, а именно в воде. И вот, будучи потревоженной на суше, такая махина мчится без оглядки по своей проторенной дороге к спасительной воде. В такой момент не рекомендуется стоять у нее на пути, в особенности в узком, врезанном глубоко в почву, проходе! В воде же бегемоты чувствуют себя в безопасности и никуда не удирают. В лучшем случае — нырнут и скроются из виду. Так что на катере к ним можно приблизиться даже вплотную. Некоторые путешественники рассказывают, что бегемоты при подобных обстоятельствах несколько не беспокоятся, наоборот, проявляют полное безразличие и от скуки даже зевают.

Должен сказать, что это опасное недоразумение. Дело в том, что разевание пасти у бегемотов означает отнюдь не равнодушные или скуку — это поза угрозы, демонстрация силы. Подобное же поведение можно наблюдать у некоторых видов обезьян, например у павианов или макак-резусов, у которых выработалась даже специфическая «зевота гнева». Противнику показывают при этом зубы, а они у бегемота, как известно, огромные.

Что касается зоопарковских бегемотов, то у них такое разевание рта превратилось в обычное попойшничество, потому что посетители вечно им что-нибудь бросают.

Стоящий рядом со мной африканец подталкивает меня под руку и показывает пальцем на поверхность воды. И действительно, оттуда что-то появляется! Правда, только две ноздри, затем глаза и уши, но прежде, чем я успеваю навести свой телеобъектив, раздается громкое фырканье, и голова снова исчезает под водой. Ноздри, глаза и уши у «гиппо» расположены все в одной плоскости, при этом под водой они плотно закрываются. Так что животному достаточно приподнять над поверхностью воды крошечную часть своей головы, чтобы привести в действие все органы чувств.

Я смотрю на часы и жду. Бегемоты, как правило, не в состоянии пробыть под водой дольше четырех — шести минут. Детеныши, которые появляются на свет под водой, выдерживают всего только 20 секунд. Начало их жизнедеятельности вне организма матери начинается именно с того, что они сейчас же всплывают кверху и запрокидывают легкие воздухом. Сосать молоко тем не менее им приходится под водой. При этом самка ложится на бок,

словно свиноматка. Бегемоты предпочитают глубины около полутора метров, где они могут свободно расхаживать по дну. Но здесь, например, явно значительно глубже.

Над поверхностью снова появляется голова, трясет ушами, выбрасывая воду. Но прежде чем я на матовой пластинке моего длинного телеобъектива нахожу нужную точку, наваждение снова исчезло, как будто бы и не было!

Ну что ж, подождем. Я устанавливаю камеру на штатив, навожу объектив на то место, где выныривала голова, и оставляю ее в таком положении. И действительно, через пару минут голова появляется на том же самом месте; щелк — и готово: она запечатлена на фотопленке. По-видимому, бегемот облюбовал себе именно это место для «проветривания».

Их здесь — шесть, а то и восемь на этом отрезке реки. Через пару часов наблюдений мы садимся в пирогу — узкую лодку, выдолбленную из целого древесного ствола, и осторожно плывем в ней вдоль берега, стараясь поближе подобраться к семейству бегемотов.

Вообще-то говоря, кататься на этих штуковинах — занятие не из самых приятных: у них нет киля и по форме они скорее напоминают сигару — совершенно круглые. Поэтому сидеть надо прямо на дне лодки и при этом еще стараться удерживать равновесие, чтобы не перекувырнуться. А на дне пироги всегда набирается немного воды. Голым африканцам это, разумеется, нипочем, а вот нам... Впрочем, я слишком взволнован происходящим, чтобы обращать на это особое внимание. Зато после я обнаруживаю, что бумажник со всеми документами и деньгами, который лежал у меня в заднем кармане брюк, намок как губка... Что касается Михаэля, то он привязал ради безопасности кинокамеру веревкой к себе, на случай если эта шаткая посуда опрокинется и он очутится в воде. Ведь при таких обстоятельствах ее ничего не стоит потерять: канет на дно — и пиши пропало! Не очень-то ее найдешь там, в глубоком, вязком иле. Да и вообще устраивать на подобных реках состязания по прыжкам в воду не рекомендуется — из-за крокодилов. Словом, лучше не опрокидываться — так спокойнее.

Но нам повезло. Мы не опрокинулись, а сумели подплыть ближе чем на десять метров к этим водным чудовищам. Камера Михаэля стрекотала вовсю, а я без усталости щелкал затвором фотоаппарата.

Вода в реке Бандаме относительно прозрачная, даже с несколько голубоватым оттенком. За это она и зовется «Белая Бандама».

Ну до чего же хочется в эту жару в ней искупаться! Вот пря-

мо так и прыгнул бы в прозрачную прохладную воду! И бегемоты нас наверняка бы не тронули, просто отплыли бы подальше, вот и все. Но крокодилы! От них никто не застрахован. Могут появиться в любой момент — и тогда... Вот именно из-за крокодилов так опасно купаться во многих африканских реках. Даже когда моешься на берегу, надо зорко следить, как бы кто-нибудь из них не ухватил тебя за ногу и не потащил в воду.

Дальше, вниз по течению, раздается какой-то неясный глухой рокот. Что бы это могло значить? Для удовлетворения своего любопытства мы проходим по берегу еще некоторое расстояние, и вскоре нашим глазам предстает совершенно великолепное зрелище: огромные круглые валуны, лежащие прямо посреди реки, преграждают дорогу стремительному потоку, и он, вихрясь и пенясь, поднимается на дыбы и с силой протискивается сквозь узкие щели меж скал...

Карабкаясь и перепрыгивая с камня на камень, мы добираемся почти до самой середины реки и, к своей великой радости, убеждаемся, что именно отсюда, с высоты, как с обзорной площадки, открывается чудесный вид на всю эту прародину бегемотов. Что касается нашего огромного бегемота-самца по кличке Тони, живущего во Франкфуртском зоопарке и рожденного в неволе, то тот и не подозревает, в какой сказочной красоте обитают здесь его братья! Зато, правда, у Тони тоже есть свои преимущества: он может всплыть, когда только ему вздумается, и дремать на воде, не опасаясь получить пулю в голову!

Стоя на своей импровизированной «смотровой площадке», мы обнаружили совсем рядом, среди скал, спокойный бочажок, глубиной не более двух метров, сообщавшийся с рекой совсем мелкой и узкой протокой. Отсюда, сверху, бочажок хорошо просматривается до самого дна: крокодилов в нем нет, значит, — ура! — в нем можно искупаться. Мы поскорее сбрасываем свои одежды, но, пока мы возимся, африканцы нас уже давно опередили: они стоят голышом в воде и старательно моются мылом сверху донизу. Когда я разделся, то обнаружил, что на моих трусах полно запекшейся крови, а на левой ягодице зияет изрядная дырка... Вот, оказывается, в чем дело, почему мне все время было так больно! Я вспомнил, что, когда три дня назад ехал в кабине местного грузовика, почувствовал, как меня что-то сильно укололо. Осмотрев рваное сидение машины, я обнаружил торчащую из него сломанную пружину. Она-то в меня и впилась. Но я никак не ожидал, что она пробуравила меня настолько глубоко и нанесла такое серьезное ранение!

Но к черту ранения, я бросаюсь в воду, Михаэль — за мной, и мы наслаждаемся желанной прохладой, возимся, как дети, в

воде, толкаем и топим друг друга и африканцев, а они нас. Удовольствие для всех огромное! К сожалению, приятное ощущение от купания остается очень ненадолго: стоит только натянуть на себя одежду, как снова весь вспотеваешь. И при этом, несмотря на жару, невозможно просохнуть — влажность воздуха очень высока.

В то время как мы одеваемся, раздается выстрел. Он гулко разносится по всей реке. За ним второй и третий. Мы бежим вдоль берега. Оказывается, один из африканцев выстрелил в огромного самца-бегемота и попал ему в затылок. Тот от неожиданности вынырнул на полкорпуса из воды и тут же получил еще две пули в голову. После этого он затонул и исчез из виду. Какая жалость — погиб такой чудесный, огромный зверь! Теперь он будет лежать на дне, пока трупные газы не вздуют тушу и она не всплывет на поверхность.

Один из африканцев остается дежурить около этого места, чтобы затем подтащить тушу к берегу. Однако ничего из этого не получилось. Как мне позже стало известно, мертвого бегемота течением снесло куда-то вниз по реке, и найти его так и не удалось. Значит, бессмысленное убийство! Но что тут скажешь? Не будешь же ругаться — в конце концов мы ведь здесь только гости. А ведь в Дакаре вам с гордостью покажут закон, по которому бегемоты во всех французских владениях Западной Африки подлежат строгой охране и отстрел их категорически запрещен.

Жаль только, что в стране никто об этом ничего не знает...

Мы решили несколько изменить свои планы и не возвращаться сегодня ночевать в деревню, как было договорено. Дело в том, что проводник сообщил нам, что в другом рукаве этой же реки наверняка удастся увидеть еще больше бегемотов, а если повезет, то и понаблюдать за ними на суше. Поэтому-то мы и решили не возвращаться, а переночевать прямо здесь, под открытым небом. Мы отошли подальше от берега, в степь, чтобы нас ночью не загрызли комары, которых здесь, у реки, великое множество. И не только комаров, но и мух цеце, переносчиков сонной болезни.

У нас нет с собой оружия, зато двое из африканцев вооружены — у них имеются государственные охотничьи лицензии, во всяком случае они так утверждают, а я и не старался особенно вникать в подобные вопросы. Короче, один из них убежал в расположенный неподалеку лесочек, откуда вскоре раздалось два выстрела, и охотник вернулся, гордо неся перед собой двух птиц-носорогов.

Мы устраиваем привал под куртиной низкорослых деревьев,

прямо посреди степи. Уже шесть часов вечера, и скоро стемнеет. Наши спутники разводят костер, ощипывают и потрошат птиц. Поскольку у нас нет с собой котелка, то жарится нечто похожее на шашлык: сердце, печень, голова, желудок,— и просто куски мяса нанизывают на длинные тонкие деревянные щепки и держат над огнем. Нам, как гостям, стараются отдать самые вкусные кусочки, но съедается буквально все: из черепной коробки старательно выскребается мозг, обгладываются жесткие ноги — ничто не пропадает даром! Потом мы все заворачиваемся в свои домотканые негритянские одеяла и ложимся прямо на голую землю. Через четверть часа уже совершенно темно.

Из соседнего леса непрерывно доносится один и тот же протяжный и громкий крик: «Аю-у, аю-у!»

— Кто это? — спрашиваю я у нашего проводника.

— А это аю,— отвечает он мне,— просто аю. Зверек такой.

Из последующего его описания я заключаю, что это скорее всего потто, маленькая полуобезьяна. Проводник поведал мне заодно, почему этот зверек так кричит. Вот его рассказ:

«Бежал зверек однажды вечером по лесу и повстречал голодного леопарда, который тут же, разумеется, решил им закусить. Маленький неповоротливый потто стал умолять не губить его: у него дома большая семья, детки голодные, не откажет же добрый, великодушный леопард ему в такой пустяковой просьбе — повидаться с ними напоследок, проститься перед смертью... Он говорил так красноречиво и убедительно, так душераздирающе и слезно умолял, что голодный леопард наконец сжалился — сердце не камень — и разрешил ему напоследок сбегать домой. Но с одним условием: к ночи потто должен добровольно вернуться и вызвать леопарда условным криком. Что он и сделал. И делает до сих пор. А хитрость заключалась вот в чем: у подножия полого древесного ствола потто тихонько прокричал «аю-у!» и пополз по дуплу вверх. И чем выше он забирался, тем громче он кричал, а добравшись до самой верхушки дерева, он завопил уже во всю мочь так, что крик его огласил весь лес: «Аю-у, аю-у, аю-у!» Ведь там, наверху, его никакой леопард не достанет...»

Потом мне еще не раз, во время моего путешествия по Западной Африке, приходилось не только слышать, но и видеть это животное. Научное его название *Perodicticus potto*, подвид потто Ботсмана. Чаще всего потто днем спят, повисая на ветке, уцепившись за нее всеми четырьмя ногами (или руками — если хотите); при этом висят они неподвижно за счет судорожного оцепенения сухожилий, без какого-либо участия мышц. Но хотя их и называют полуобезьянами, похожи они скорее на плюшевых мишек, только с длинным цепким хвостом.

Одного такого «плюшевого мишку» мы обнаружили сидящим на пне срубленного дерева, из которого появились новые побеги, образовав небольшой зеленый кустик. Поймать этого красавчика в таком удобном месте не представило бы никакого труда, тем более что зверек этот, как ни странно, не умеет прыгать с ветки на ветку, и движения его вообще крайне замедленны, но... Каждый раз происходило одно и то же: наши африканские спутники никак не могли взять в толк, что звери нужны нам именно в живом виде, а не мертвом. Они же видели в них мясо, и только мясо, а поэтому, завидя какое-либо животное, бросались на него с лихорадочной поспешностью и убивали. Так и на этот раз: не успели мы вскрикнуть от радости, что увидели живого потто, как он уже был убит. А может быть, местные жители просто боятся взять потто в руки? Для этого есть свои причины. Во-первых, на каждом позвонке у потто имеется острый отросток, выступающий сквозь кожу, но снаружи незаметный, поскольку спрятан в густом меху. А кроме того, потто известен своей «мертвой» хваткой — считается, что если он что-нибудь схватил лапами, то уж не отпустит. Я разглядывал лапы этих животных. По своему строению они весьма своеобразны: на них не хватает указательного пальца на «руках», а на «ногах» он не только имеется, но вдобавок еще снабжен длинным острым когтем, в то время как на всех остальных пальцах растут самые обычные ногти, как у нас *.

Мы лежим на земле возле догорающего костра, завернутые в свои одеяла, и мирно беседуем. Наш проводник рассказывает разные истории на языке, представляющем собой смесь французского с бауле. Однако все понятно. Понимают его и наши африканские спутники: во всяком случае, они тоже слушают и смеются.

В нескольких метрах от нас, в слабом свете костра, я заметил нечто странное. Это «нечто» качалось, словно маятник, из стороны в сторону, причем именно с неутомимостью часового механизма. На мой вопрос, что бы это могло быть такое, последовал ответ: «Это «танцующий паук»».

И действительно, это оказался паук, сидящий в центре крепкой ловчей сети и быстро раскачивающий ее движениями своего тела: туда-сюда, туда-сюда. Резкая качка эта и на самом деле напоминала маятник. Если дотронуться до ловчей сети, паук приходит в такое волнение, что начинает уже как бешеный раскачивать свое сооружение, все убыстряя и убыстряя темп, пока вконец не уморяхнетесь и на некоторое время затихнет, чтобы набраться новых сил.

С помощью двух щепочек мы осторожно сняли этого боль-

шого паука с паутины и принесли его к своему костру, чтобы получше разглядеть; относительно ядовитости различных видов пауков на сегодняшний день даже у специалистов нет особой ясности. Но зато известно, что паук — самое умное среди всех животных; так считает во всяком случае наш проводник, и вот что он рассказал:

«Когда все животные еще жили вместе с богом Ньямье на небе, тот показал им однажды зернышко кукурузы и спросил:

— Кто из вас сумеет спуститься на землю и выменять это зерно на нового раба для меня?

Очень хотелось зверям угодить своему повелителю, но они только смущенно переглядывались. А вот паук встал и заявил, что он готов это сделать. Выпустил длинную нить и спустился по ней на землю (в то время как остальным зверям, а также людям и духам, чтобы спуститься на землю, каждый раз требовалась громоздкая тяжелая цепь, разматывать которую было очень трудно).

Спустившись на землю, паук присел отдохнуть на краю пашни, которую как раз обрабатывал один крестьянин. Своих кур он принес с собой в корзинке и выпустил здесь попасться¹. Паук положил свое кукурузное зерно на дорогу и стал терпеливо ждать. Через некоторое время одна из кур действительно подошла и проглотила его.

— Караул! — закричал паук. — Спасите! Ограбили! Разорили! Украли мое замечательное кукурузное зерно!

На шум прибежал хозяин и, узнав, в чем дело, предложил пауку взамен одного его зерна целый початок кукурузы. Но тот не унимался, крича, что никакой початок на свете не заменит ему его зерна, потому что оно было волшебным... И единственное, на что он может согласиться, — это забрать его вместе с курицей, в которой оно сейчас находится. Растерянный хозяин пытался возразить, что не может отдать ему этой курицы, это как раз самая упитанная из его несушек, но паук и слушать ничего не хотёл. Он скандалил и вопил до тех пор, пока хозяин курицы не плюнул и уступил.

Паук взял курицу и пошел дальше. Вскоре он добрался до одной деревни, где и попросился ночевать.

— Моя курица такая большая, что она в курятнике может заклевать ваших мелких кур, заприте ее лучше на ночь в хлеву с козами, — заявил он хозяевам.

---

¹ Носить своих кур с собой в корзинке и выпускать их попасться в удобных местах — способ, и по сей день распространенный среди многих африканских племен. — *Прим. перев.*

Разумеется, на утро курица оказалась затоптанной козами. Тут паук поднял такой вой и крик, причитая, что у него, бедняка, всего-то и было имущества — одна эта курица и теперь он лишился и последнего... Крестьяне этой деревни никак не желали огласки такого дела, не хотелось им и того, чтобы о них шла дурная молва, будто они нанесли ущерб гостю. Это считается очень неприличным. Поэтому они, скрепя сердце, решили отдать пауку ту козу, которая затоптала его курицу.

А паук взял козу и направился в следующую деревню. Там он потребовал, чтобы его козу поместили на ночь вместе с волами. В хлеву он привязал ее веревкой к косяку, а волы, которые, как правило, терпеть не могут коз, так долго гоняли и бодали ее рогами, пока она не удавилась на своей веревке...

Таким образом паук добился того, что взамен убитой козы получил вола. К вечеру следующего дня он добрался вместе со своим волом в одну деревню, где как раз только что скончался маленький ребенок. Паук высказал свои соболезнования безутешным родителям и предложил им забрать у них трупик ребенка, оставив взамен живого вола. Не сразу бедные родители согласились на такую, более чем странную мену, но ведь вол всегда пригодится в хозяйстве, а ребенка все равно уже не вернуть, поэтому — была не была...

А паук с мертвым ребенком отправился в следующую деревню, в которую и прибыл на ночь глядя. Там он выдал себя за бедного путешественника и испросил разрешение положить своего спящего ребенка вместе с детьми хозяев дома.

— Там, где уже семеро спят, может поспать и восьмой! — сказал хозяин дома.

— Вот только мой ребеночек еще не просится, поэтому с ним может ночью что-нибудь приключиться, — предупредил паук. — Ваши дети не будут на него обижаться?

Но отец семейства заверил, что дети наверняка поладят меж собой.

Какой же поднялся крик и вой на утро, когда ребенка паука нашли мертвым в постели! Это даже трудно себе представить.

— Твои дети убили моего! — кричал паук. — Ты обязан возместить мне мою невозвратимую утрату!

Один из маленьких сыновей хозяина, который накануне как раз поссорился со своим братом, стал утверждать, что видел, как тот подрался с этим чужим ребенком и убил его насмерть. Родителям было очень тяжело расстаться со своим отпрыском, но справедливость ведь должна торжествовать!

Итак, паук вместе с живым ребенком, которого выторговал себе хитростью и обманом, отправился восвояси. Он залез вместе

с ним на небо и торжествуяще предстал перед светлыми очами своего повелителя.

— Смотрите-ка! — воскликнул бог Ньямье, буквально не веря своим глазам. — Паук и на самом деле выменял кукурузное зерно на раба для меня! Вот это паук!

И он наградил паука волшебным калебасом, с которым потом приключилось еще много-много других удивительных историй*.

Когда я писал эту главу, один мой добрый знакомый, доктор Химмельхебер, этнограф, объездивший весь Берег Слоновой Кости, прислал мне свою небольшую брошюру под названием «Аура Поку», в которой собрано множество сказаний племени бауле. Это хорошо, что они теперь собраны в одном месте и опубликованы, потому что совершенно неизвестно, как долго их еще будут передавать из уст в уста в селениях бауле, как долго там еще будут греметь барабаны и танцевать ритуальные маски, освещенные фантастическим светом ночных костров? И как скоро исчезнут последние на земле бегемоты и слоны? Кто это может знать?

Бегемоты — совершенно удивительные животные, не перестающие восхищать зоологов, наблюдающих за ними в зоопарках. Известно, что первого живого бегемота привезли в Рим за 58 лет до нашей эры, и с тех пор их все снова и снова доставляли туда вместе с другими дикими животными, чтобы затем убить в амфитеатрах на глазах у восхищенных зрителей. Во время правления императора Трояна в течение четырех месяцев в цирках уничтожалось до одиннадцати тысяч животных. Набожный и добродушный император Антоний заставлял убивать по сто львов за один «сеанс». Поэтому все бегемоты, обитавшие ниже порогов Нила, вскоре были полностью истреблены. Только двенадцать столетий спустя их снова удалось обнаружить в дельте Нила; но должно было пройти полтора тысячелетия, прежде чем в Европу снова привезли живых бегемотов. Было это в середине прошлого века.

Правда, теперь уже не за тем, чтобы дать возможность гладиаторам разрубить их на части. Нет, теперь их, наоборот, сажали в отопливаемые помещения с бассейнами с подогретой водой и таким образом впервые удосужились узнать кое-что об их образе жизни.

Два бегемота, впервые выставленные для обозрения в Германии, прожили после этого целых 36 лет в Амстердаме. Там же у самки, после восьми месяцев беременности, родился детеныш, и размножение бегемотов в неволе на сегодняшний день отнюдь

не считается редкостью. Поэтому ни один европейский зоопарк теперь не старается вывозить этих толстокожих из Африки.

К величайшему удивлению, было обнаружено также, что бегемоты «потеют кровью», если их продолжительное время продержат на суше. На самом же деле эта красная слизистая жидкость, выделяемая крупными, хорошо различимыми простым глазом порами, разумеется, никакая не кровь, а окрашенный в красноватый цвет пот.

Держатся эти гиганты в зоопарках большей частью вполне миролюбиво, более того, подчас они могут даже подружиться с ухаживающими за ними служителями. Так, наш четырнадцатилетний самец Тони, живущий во Франкфуртском зоопарке, послушно сажился по нашей просьбе, чтобы мы могли сделать ему необходимую прививку. Он терпеливо разрешал всадить себе в кожу толстую иголку шприца, но, когда ее однажды никак не удавалось вытащить обратно и нам пришлось прибегнуть к помощи щипцов, Тони вздрогнул, вскочил и бросился бежать. Ему ничего не стоило бы отбросить нас коротким движением своего мощного черепа, но ничего подобного не произошло. На зов своего служителя он послушно вернулся, сел, словно большой щенок, на свою толстую попку и разрешил лечить себя дальше.

Когда стадному животному приходится в зоопарке жить в одиночку, меня всегда мучают угрызения совести. Именно поэтому я и решил перестроить помещение, в котором содержался наш бегемот Тони. Поскольку, побывав в Африке, я увидел своими глазами, по каким отвесным склонам способны взбираться эти тяжеловесы, я велел выломать широкие, плоские ступени, ведущие в бассейн. Их так построили восемьдесят лет назад, когда считалось, что для подобных «неповоротливых, громоздких» животных иначе и нельзя. Я заменил их отвесными короткими ступеньками и выиграл этим много места в бассейне. Теперь в нем вполне могли разместиться два бегемота.

Невеста для Тони, весившего к тому времени уже 20 центнеров, должна была быть уже взрослой особой. После некоторых поисков я остановился на Гретель из Нюрнбергского зоопарка. Гретель пережила войну, хотя потеряла во время бомбежки «мужа» и сына, а сама тоже едва спаслась, нырнув на дно бассейна и переждав там воздушный налет. Таким образом она отделалась только незначительными ожогами на задней ноге, шрамы от которых можно разглядеть еще и сегодня.

Для перевозки бегемота нам пришлось в Нюрнберге над бассейном, расположенным в открытой вольере, построить целое сооружение из железных балок и стропил, чтобы по этому «мосту» перекатить эту тучную особу в специально изготовленный

крепкий бокс. Разумеется, мы воспользовались этой возможностью и взвесили Гретель вместе с грузовиком. В ней оказалось 15 центнеров.

Поначалу я боялся, что здоровенный Тони при знакомстве может как-нибудь поранить гораздо более «миниатюрную» вдову, но все произошло совсем иначе. Ведь Тони ни разу в своей жизни не видел ни одного своего сородича, кроме матери, которую давно забыл. Он всегда видел вокруг себя одних только людей и их-то, по всей вероятности, и принимал за свою родню. Поэтому он испытывал непреодолимый ужас перед этим непонятным существом, которое бесцеремонно вселилось в его апартаменты. Воспользовавшись его замешательством, гораздо более опытная вдовушка Гретель сразу же взяла над ним верх и принялась его гонять. Когда вечером первого дня знакомства я запер Гретель в отгороженный отсек, Тони даже не решался спуститься в бассейн для вечернего купания, боясь, видимо, что драчливая «невеста» спряталась где-то под водой.

И тем не менее они очень быстро свыклись друг с другом и уже на третий день знакомства отпраздновали свадьбу. В течение последующих одиннадцати лет, вплоть до 1962 года, Гретель и Тони произвели на свет девять детенышей, живущих ныне в зоопарках всех континентов, даже в Токио и Канзас-Сити. Небезынтересно, что одного бегемотика приобрел у нас зоопарк города Монровии, столицы Либерии. Таким образом, «гиппо из Франкфурта» вернулся назад в Африку.

Но зато с «человеколюбием» Тони (которое было запечатлено на фотографии в путеводителе по зоопарку и так впечатлило наших африканских знакомых) вскоре после «свадьбы» было покончено. Теперь у него была «жена», которую он ревниво оберегал ото всех. В одно прекрасное воскресенье он, шутя и играя, ухватил своего служителя Экка зубами за локоть, разорвав при этом мускул и повредив кость. И, несмотря на то что господин Экк через 25 минут уже лежал на операционном столе под наркозом, тем не менее из больницы он выписался только спустя шесть недель.

Если диких бегемотов напугать, случается, что они бросаются в воду с высоты шести метров, поднимая в воздух целые каскады воды. В природоведческих книжках всегда повторяют одни и те же старые рассказы путешественников о столкновениях с самцами-бегемотами, во время которых те опрокидывали лодки или просто откусывали у них нос или корму. Однажды один бегемот напал на четырех волов, привязанных на берегу возле водяной мельницы. Он разорвал их на части и растоптал. Другой бегемот неожиданно напал на двух женщин, пришедших за водой к реке,

и убил обеих. Какой-то араб хотел прогнать из своего сада бегемота, повадившегося приходить туда и раскусывать своими мощными челюстями дыни — одну за другой. Но получилось так, что не он прогнал бегемота, а, наоборот, разъяренный гигант погнался за ним и убил.

Но это ведь все стародавние истории, правдивость которых к тому же уже трудно проверить. Кроме того, и среди людей встречаются сумасшедшие, маньяки и убийцы, но тем не менее никому не придет в голову объявлять человека как вид социально опасным (хотя для этого имелись бы значительно более веские основания, чем в случае с бегемотом!).

А каким варварским способом промышляли бегемотов во времена, когда еще не было изобретено огнестрельное оружие! Один исследователь Африки так описывает эту «охоту». Два отважных африканских охотника в утлой лодчонке спустились вниз по бурлящему течению и подкрались к купающемуся стаду бегемотов. Тут они нырнули и, подплыв под водой к берегу, бросили в стоящего на берегу бегемота два гарпуна. Один из них глубоко вонзился в тело животного и застрял там. К веревке гарпуна был прикреплен здоровенный поплавок. Раненое и разъяренное животное бросилось в воду, сопя и пуская пузыри, нырнуло, а поплавок, разумеется, повсюду следовал за ним. А поскольку бегемот принимал эту штуковину за своего преследователя, то боялся всплыть к поверхности за необходимой порцией воздуха, и силы стали его быстро покидать. Тем временем охотникам удалось накинуть петлю на поплавок и с помощью длинного каната медленно подтянуть его к берегу. Несчастливая жертва, страдая от боли и потери крови, взвилась над водой, громко вопя и взбивая вокруг себя розовую пену. Когда бегемот подплыл ближе к берегу, в него вонзилось еще два следующих гарпуна. Тем не менее, почувствовав под ногами твердую почву, он бросился на своих мучителей с открытой пастью. Копья, заброшенные ему в пасть, мало повредили бегемоту, но зато каскад песка, которым охотники встретили его появление, совершенно ослепил его. Бегемот неистово тряс головой, но, ничего не добившись, повернулся и поплелся назад, к воде. И так продолжалось в течение трех часов, во время которых каждая попытка животного выбраться на берег отражалась целым шквалом песка. Под конец наблюдавшему эту сцену белому путешественнику надоело ждать, и он одним выстрелом прикончил несчастную жертву.

Местных охотников в бегемоте привлекает в первую очередь мясо, которое африканцы в случае удачной охоты поглощают огромными порциями. Оно и на европейский вкус совсем непо-

хое. Кожа у бегемота толщиной в несколько сантиметров. Ее нарезают на 400—500 тонких полос, которые смазываются жиром и затем высушиваются. Кожа эта идет на изготовление страшных кнутов, носящих название «шамбок» или «курбарь». Как-то я получил пакет от гессенской скорняжной мастерской. В нем был кусок кожи погибшей много лет назад в зоопарке самки бегемота. Оказывается, дубление такой кожи требует не менее шести лет! Кожа была твердая как камень и даже в дубленом виде имела толщину в 4,5 см. Используется она прежде всего для шлифовки алмазов, поскольку отличается особо прочным строением волокон.

Большие клыки бегемота покрыты толстым слоем желтоватой, твердой, как стекло, эмали. Для того чтобы добраться до дентина, сначала приходится эмаль растворять в кислоте. При этом зуб теряет примерно треть своего веса. Тем не менее крупные клыки бегемота представляют собой ничуть не менее, а даже более дорогое сырье для изготовления изделий из кости, чем знаменитые бивни слонов. Дело в том, что эта кость в отличие от слоновой не желтеет со временем. Именно поэтому из нее в течение долгих лет изготовляли искусственные зубные протезы и челюсти для людей.

Зубы у бегемотов, так же как у лошадей и многих других травоядных, растут в течение всей жизни: от постоянного жевания они непрерывно стачиваются о противоположный зуб. В случае, когда противоположный отсутствует, другой зуб, беспрепятственно отрастая, может вознестись в десну и начинать причинять животному нестерпимые боли. Так, у нашей Гретель один из клыков рос неправильно: он торчал вбок изо рта и загибался назад. А поскольку он все время рос, то грозил уже травмировать кожу на морде животного. Я ломал себе голову, каким бы мне образом спилить этот зуб? Ведь для подобной операции бегемота надо предварительно связать или усыпить на время — но как и чем? К тому же нам не известна доза наркотика, необходимая для анестезирования подобной махины, а всякое превышение допустимой дозы смертельно для животного. Как быть?

Думал я, думал, пока однажды утром Гретель сама не решила эту проблему: обломала мешающий ей зуб об железные прутья своего загона. А у меня свалился камень с души.

Длина кишок у бегемота вдвое больше, чем у слона, хотя слон значительно крупнее бегемота. Слоны ведь относительно плохо усваивают пищу — ветки и твердые части растений; зато они, подобно многим другим африканским животным, в засушливые сезоны совершают миграции, кочуя вслед за сочными кормами. А бегемоты никуда не уходят со своего постоянного «места

жительства» — определенного участка реки. Питаются они при этом водорослями, тростником, побегами бамбука, но прежде всего по ночам — травой на близлежащем берегу. И когда эта трава засыхает, становится практически непригодной для пастьбы других копытных, бегемот вынужден продолжать питаться на протяжении всего засушливого сезона тем, что других не устраивает. Его желудки (а их у него несколько!) и кишечник устроены так, что способны усваивать даже подобную засушенную целлюлозу, превращая ее в полноценные животные белки, то есть, попросту, в мясо. Ни слонам, ни каким-либо другим диким животным не удастся нагуливать такой вес на столь скудных питательными веществами кормах. А уж о домашнем скоте и говорить нечего!

Сколько африканских детей, погибших от белковой недостаточности, на совести у колонизаторов, которые за восемьдесят лет своего господства безжалостно перестреляли бегемотов почти во всех водоемах Африки, причем просто так, из желания «пострелять» или позабавиться, просто ради того, чтобы убить ни в чем не повинное существо...

В зоопарках бегемоты легко переходят на питание сеном, крупой, отрубями, хлебом, овощами и др. Если эти увальни живут возле самого устья реки, то они зачастую не прочь порезвиться даже в соленой морской воде. Известно, что они не раз добровольно переплывали расстояние в 30 километров, отделяющее остров Занзибар от африканского побережья.

Несмотря на свою видимую флегматичность, бегемоты при случае умеют за себя постоять. Так, в цирке Саррасани, где бегемот содержался совместно со слоном, несовпадение взглядов у толстокожих выразилось однажды в коротком, сильном ударе мощным бегемотчим клыком по ноге слона: прочная слоновья кожа оказалась при этом вспоротой!

Когда старый Гагенбек * выгружал одного из первых бегемотов, прибывших в его зверинец, он недоучел силу и резвость этого животного. Выйдя из транспортной клетки, бегемот мгновенно опрокинул раму с натянутой на ней железной сеткой, придавив ею двух служителей зверинца. Несчастные лежали на земле, не имея возможности выбраться, а бегемот уже собрался заняться ими вплотную (и наверняка убил бы), если бы Гагенбек, не потерявший присутствия духа, в этот момент не дал бы ему ногой пинка под зад. Взбешенный таким оскорблением бегемот, широко разинув пасть, повернулся и бросился на обидчика. Гагенбек кинулся бежать, вскочил в открытую дверь вольеры, предназначенной для этого бегемота, и, протиснувшись с противоположного конца между редкими толстыми прутьями решетки, обжал

с быстротой молнии вокруг и запер снаружи дверь. Бегемот оказался в ловушке. Он бешено озирался по сторонам, ища исчезнувшего куда-то противника, и еще долго не мог успокоиться. И нельзя сказать, чтобы это был какой-то особенно злобный экземпляр. Просто долгая дорога, видимо, истрепала ему нервы. Уже на другой день он проявил себя совершенно миролюбиво, когда гигантский кенгуру, живший в соседней вольере, лихим прыжком перемахнул через отделявшую его от бегемота перегородку высотой в 2,5 метра и начал отвешивать ему одну затрепину за другой. Оплеухи так и сыпались градом на морду озадаченного великана, а тот даже не пытался сопротивляться. А между прочим, одним только резким рывком своей огромной головы он мог бы на месте убить своего противника. По-видимому, неслыханная дерзость этого незнакомого субъекта совершенно озадачила толстокожего.

На сегодняшний день бегемоты обитают только южнее Сахары; в Египте и Судане они давно истреблены. Пока в отдельных странах Африки не взялись всерьез за их охрану, дело начинало принимать совсем трагический оборот: еще немного, и наши внуки знакомились бы с этими животными только по книжкам...

Несчастные прокаженные

Был такой случай. Не так давно в Париже в один из самых феешенебельных ресторанов заявился господин, который, сев за столик, заказал себе самые дорогие и изысканные блюда, имевшиеся в меню. Поев в свое удовольствие, он совершенно спокойно заявил, что в кармане у него нет ни единого су и что к тому же он болен проказой...*

Можно только представить себе ужас официанта и метрдотеля! Стараясь по возможности не прикасаться руками к опасному гостю, они поскорее выдворили его за дверь. Об оплате никто уже и не думал! И только много позже полиция удалось выяснить, что тот же самый трюк этот субъект проделывал и в ряде других ресторанов и что он, между прочим, абсолютно здоров!

И наоборот. Я уже рассказывал о том, как однажды сидел в очень приятной африканской компании, где по кругу ходила чаша с пальмовым вином, и как я совершенно случайно узнал, что один из участников застолья болен проказой... Вот так поразному относятся в разных странах к этой ужасной болезни.

Нам с Михаэлем приходилось потом бывать в деревнях, где живут одни только прокаженные. Эти люди съехались туда добровольно, потому что в прежних французских колониях их там бесплатно лечили. Помню, как из домов выползали на четвереньках тяжелобольные калеки с обрубками изъеденных проказой рук и ног, а другие, у которых болезнь находилась еще в начальной стадии, охотно разрешали осматривать и ощупывать первые признаки проказы на своей коже, с явным удовольствием соглашались фотографироваться, развлекались игрой в кости. Находились среди них и целые семьи, где болен был только муж, а жена и дети здоровы, однако жили они здесь все вместе.

Только много позже мне стало ясно, что мы путешествовали тогда именно в том краю земли, который больше всех других поражен этой страшной болезнью.

Но не думайте, что это заболевание, вызывающее у нас почти мистический ужас, такая уж большая редкость на нашей планете! Прокаженных, по весьма приблизительным подсчетам, около семи миллионов, а под врачебным наблюдением находится только незначительная их часть. Из них в Восточной Азии про-

живает два миллиона, в Индии — один миллион, в Европе — двадцать тысяч, в Центральной Африке — тоже один миллион. Но поскольку эти области Африки населены отнюдь не густо, то в процентном отношении зараженность населения здесь значительно выше, чем в других частях света, хотя общее число больных вроде бы и ниже. Так, у отдельных негритянских племен число больных доходит иногда до десяти процентов.

Время от времени у нас, в Германии, начинали ходить слухи о каких-то детях, заразившихся этой страшной, считающейся неизлечимой болезнью; заразились они якобы, поев бананов, собранных руками прокаженных, или от того, что играли на персидском ковре...

На самом же деле проказа отнюдь не так заразна, как это принято считать. Во всяком случае среди медицинского персонала, обслуживающего лепрозории, случаи заражения встречаются чрезвычайно редко: не более чем в 3—6%. Чаще всего достаточны самые минимальные санитарно-гигиенические меры, такие, как мытье рук, отдельная постель, отдельное белье и посуда, а еще лучше — отдельная комната для больного, чтобы избежать заражения.

В прошлом столетии одно время даже утверждалось, что эта болезнь вообще не передается контактным путем; более того, что ею при всем желании невозможно заразиться! Чтобы это доказать, один врач* в 1844 году додумался до безумной идеи привить себе и нескольким добровольцам из персонала больницы гнойные выделения, взятые из узлов на коже прокаженных. Более того, он производил неоднократно переливания крови от больных проказой здоровым людям — и ничего. Но и этого оказалось мало: даже после того, как этот врач вшил себе под кожу гнойный узел, взятый у прокаженного, даже тогда не произошло заражения... Как нам сегодня известно — всего лишь из-за счастливой случайности. Потому что когда в 1884 году на Гавайях одному осужденному на смертную казнь преступнику перелили кровь от девятилетней прокаженной девочки, он через некоторое время заболел тяжелой формой этой болезни и спустя уже пять лет был мертв. Подобная же судьба постигла одного заключенного, взятого для временной работы в лепрозорий. Поскольку ему ни за что не хотелось возвращаться в тюрьму, он сам привил себе проказу. И заболел ею. Правда, у обоих этих людей в роду имелись родственники, больные проказой, поэтому долгое время оба эти случая считались бездоказательными.

Если кто-то заразился проказой, то в течение двух с половиной лет он, как правило, ничего об этом не знает. Только спустя столь долгое время болезнь начинает проявляться, и больной ощущает ее признаки. Но по прошествии такого продолжительного срока

большинство людей уже не помнят, в какой именно момент и при каких обстоятельствах они могли ее подцепить...

Весьма убедительный, хотя и невольный, опыт проделали два американских матроса, которые в 1943 году в Мельбурне, в Австралии, будучи «на подпитии», решили сделать себе «на память» татуировку на руке. Исполнитель этих «высокохудожественных произведений» (тоже полупьяный) очень старался. Но спустя два года и семь месяцев у одного матроса и два года и девять месяцев у другого на месте татуировки образовались очаги проказы.

Первый признак проказы (или лепры, как ее еще принято называть) — это появление четко очерченного пятна, особого кожного раздражения; часто отмечается резкое побеление отдельных участков кожи, которая постепенно теряет чувствительность; в таких местах можно вонзать иголки — прокаженный не почувствует никакой боли.

В Европе, где врачи редко сталкиваются с лепрой, случается, что диагноз ставится неверно, и больного годами лечат от совершенно других болезней. Если в наши дни европеец заболевает проказой, то, как правило, это означает, что он затащил ее с собой откуда-то из тропиков или из стран, где еще имеются очаги этой инфекции.

В наше время в Европе очагов проказы нет, однако это не значит, что их никогда и не было. В прежние времена в Германии, например, проказа встречалась отнюдь не редко. Средневековые лекари неоднократно проводили поголовный медицинский осмотр населения на предмет выявления лепры на ранней стадии развития. Обнаруженных больных немедленно изолировали от общества.

А затащили это страшное чудище — проказу в Европу еще в первые столетия после рождения Христа, то есть в первые века нашей эры. И вскоре эта болезнь достигла ужасающего размаха. Поначалу больных лечили в многочисленных в ту пору специальных госпиталях для прокаженных, притом обращались с ними с поистине «христианским милосердием», жалея в постигшей их беде. Содержались эти госпитали за счет пожертвований разных католических орденов. Однако болезнь все ширилась и множилась, больных становилось все больше, и вскоре сострадание перешло в страх и ужас: по отношению к прокаженным стали применять все более суровые меры изоляции. Их подвергали различным унижительным процедурам вроде «гражданской смерти при жизни». Больному при этом сыпали на голову землю, что должно было имитировать погребение; он вынужден был безропотно присутствовать при том, как его имущество делилось ме-

жду наследниками, а жену его публично объявляли вдовой, и ей разрешалось выйти замуж за другого. Участь таких несчастных бывала поистине страшной: им разрешалось доживать свои дни только далеко от городов, в поселениях, внушающих всем окружающим священный ужас, которые все обходили стороной. Если прокаженный пользовался общественными дорогами, то обязан был уведомлять здоровых граждан о своем приближении, звоня в колокольчик или вертя трещотку. Ему запрещалось посещать рынки, бани, церкви, постоянные дворы, а подаяния разрешалось принимать только на расстоянии — с помощью длинной палки. А в Шотландии пошли еще дальше: прокаженных кастрировали и загоняли в леса, а когда они умирали там с голоду, то клали в гроб лицом вниз. И тем не менее участь этих больных в средневековье не была столь безотрадней, как в наши дни в некоторых странах (в основном — колониях), где их насильственно сгоняют либо на уединенные острова, либо в какую-нибудь затерянную глушь, где они вынуждены прозябать в нищете и убожестве, вдали от своих родных и близких...

Примерно к концу средних веков страшная болезнь в Европе стала отступать и постепенно затухла почти окончательно. В то время как прежде временами приходилось содержать более тысячи приютов для прокаженных (что при тогдашней малой населенности Европы было неслыханно много), картина вскоре резко изменилась: так, во Франции, например, последний лепрозорий был закрыт в 1695 году.

Чем объяснить исчезновение проказы в Европе? Одной лишь строгой изоляцией больных? Вряд ли. Скорее всего свою роль в этом деле сыграла, как ни странно... чума. Ведь одна только эпидемия чумы в 1349 году унесла в Европе двадцать пять миллионов человеческих жизней, что составляло огромную часть тогдашнего ее населения. Вполне вероятно, что первыми жертвами чумы сделались ослабленные своим продолжительным недугом прокаженные.

Всего лишь несколько лет назад много разговоров было вокруг гипотезы, утверждавшей, что заражению проказой способствует якобы хроническое отравление организма определенного рода «сапотоксинами», особенно часто встречающимися в семенах некоторых сорняков, например в куколе обыкновенной (*Agrostemma githago* L.). Там, где зерно перемалывается на современных мукомольных предприятиях, то есть в цивилизованных странах, все сорняки механически отсеиваются и в муку не попадают. Именно потому в этих странах и затухли очаги проказы. Однако исследования последних лет доказали, что подобное предположение безосновательно. Совершенно беспорно лишь

то, что проказа — такая болезнь, распространение которой в современных развитых странах, где население живет в более или менее гигиенических и санитарных условиях, сильно затруднено. Проказе всегда вольготнее там, где грязно и тесно, а это значит — у народностей, живущих в антисанитарных условиях, притом преимущественно в перенаселенных местностях. Все эти народности имеют, например, привычку плевать и сморкаться на пол. А у прокаженных особенно часто бывает поражена слизистая оболочка носа и гортани. Бациллы проказы же, попав в землю, могут там долго сохраняться. Кроме того, в тропиках зачастую расхаживают босиком, а порой и фактически без одежды. Поэтому при заражении проказой пораженными местами чаще всего оказываются ноги, ягодицы или руки. Вероятнее всего, бациллы проказы проникают в кожу через случайные царапины, ссадины или ранки. Поэтому уже одно только ношение обуви и длинных брюк может в этих странах служить достаточно хорошей защитой от заражения. В то же время, если прокаженный прочтет газету, то по прошествии десяти минут после этого на ней можно сосчитать от 40 тысяч до 185 тысяч бактерий!

Существующие у нас в стране на сегодняшний день законы для прокаженных не столь суровы, как в прежние времена, что вполне соответствует сравнительно небольшой возможности заразиться этой болезнью. Тем не менее больной обязан зарегистрироваться в лечебном заведении; он не имеет права посещать общественных бассейнов или бань, парикмахерских, школ, театров, гостиниц, а также пользоваться городским транспортом. Лица, проживающие совместно с таким больным, даже совершенно здоровые или вылеченные, обязаны находиться в течение пяти лет под постоянным врачебным контролем.

Однако встает вопрос: нельзя ли поступать по отношению к этим, ни в чем не повинным людям более гуманно? Ведь проказа гораздо менее заразна, чем, к примеру, туберкулез или сифилис!

Нелеченные случаи проказы через восемь — двенадцать лет оканчиваются, как правило, мучительной смертью; однако известны также многочисленные случаи, когда люди, заболевшие этой болезнью, болеют ею всю свою жизнь и умирают в глубокой старости от совсем другого недуга. Наблюдается «доброкачественная» и «злокачественная» форма заболевания. Так, при «доброкачественной» форме чаще поражается нервная система, происходит скрючивание пальцев на руках и ногах, приводящее впоследствии к их отторжению. При такой форме целые участки кожного покрова тела становятся полностью нечувствительными. «Злокачественная» же, опухолевая, форма образует на теле ужасные язвы, желваки и нарывы, так страшно обезображивающие

прокаженных. Наиболее часто встречающееся искажение лица больного известно под названием «львиный лик». Злокачественная форма проказы поражает, равно как и туберкулез и сифилис, почти все органы человеческого тела. Больные часто слепнут. Реже всего поражаются половые органы и органы слуха. Глухота у прокаженных, как правило, никогда не наблюдается.

Врачи теперь отнюдь не так беспомощны против этой болезни, как в прежние времена. Открытие средства, приобретающего все большее признание в мире, приписывается индийскому королю Рама из Бенареса. Узнав, что он болен проказой, Рама удалился в джунгли, где, как гласит предание, питался различными травами и кореньями, особенно же много он поедал плодов и листьев дерева «кала». Вскоре он оказался совершенно здоровым. В лесу же он повстречал принцессу по имени Пия, тоже прокаженную. Рама вылечил и ее, после чего они произвели на свет шестнадцать пар близнецов.

За прошедшее с тех пор время были выявлены целебные свойства этого растения и родственных ему видов и изготовлен препарат *Chaulmoogra*, который сегодня можно найти в арсенале всех лепрозориев мира. Правда, лечение требует непрерывных инъекций в течение многих лет.

Но в то время как пенициллин и стрептомицин оказались бесцельны против проказы, новые препараты из группы сульфонов в борьбе против страшной болезни не потерпели поражения, а, наоборот, уже намного приблизили день окончательной победы. Правда, и они требуют непрерывного применения в течение долгих месяцев и даже лет, большей частью в комбинации с *Chaulmoogra*.

Японец Митсуда открыл реакцию, с помощью которой можно выявить, был ли человек уже однажды инфицирован проказой и есть ли в организме больного защитные свойства, способные бороться против этой грозной инфекции. С этой целью человеку делают прививку, вводя под кожу сыворотку из умерщвленных бактерий лепры. У пациентов, в организме которых имеются противоядия против возбудителей лепры, на месте прививки образуется небольшое вздутие. У прокаженных, страдающих доброкачественной формой болезни, как правило, после прививки образуются аналогичные вздутия, указывающие на то, что в их организме имеются противоядия против этой болезни. У больных со злокачественной формой заболевания подобной реакции на прививку не наблюдается. Если же такая реакция у этих больных все же наступает, то это признак того, что злокачественная форма у них вскоре должна перейти в доброкачественную. По-

казатели эти чрезвычайно важны для установления необходимых методов лечения в каждом отдельном случае.

В самое последнее время французские врачи обнаружили, что «реакция Митсуда» протекает положительно и у больных туберкулезом. И наоборот, положительная реакция на туберкулин, должствующая указывать на зараженность организма туберкулезом, наблюдается, как оказалось, и у прокаженных, несмотря на то что в их организме нет ни единой туберкулезной палочки... Судя по этому, можно предполагать, что проказа и туберкулез — болезни весьма родственные. Тот, кто обладает невосприимчивостью к проказе, может не опасаться и туберкулеза, и наоборот. Многие говорят за то, что проказа в Европе только потому затухла, что на ее место заступил туберкулез, получивший такое массовое распространение.

Успешное лечение проказы зависит от ранней диагностики и своевременно принятых мер. Полная ликвидация болезни в течение первых двух лет происходит в десять раз чаще, чем в случае четырехлетнего срока заболевания. Однако на сегодняшний день стало почти невозможно лечить все те миллионы больных, имеющих сейчас на земле, и в первую очередь, разумеется, в странах, где к этой болезни относятся достаточно равнодушно, часто даже не рассматривая ее как заразную. В стационары для лечения проказы там, как правило, попадают лишь полностью отчаявшиеся, изуродованные и покалеченные люди, которые, словно утопающий, хватаящийся за соломинку, отдают себя в руки белых врачей.

А можно ли вообще брать на себя ответственность за такие действия, как насильственная изоляция больных, которых отрываю от родных и близких и фактически при жизни хоронят, обрекая на вечное заточение в лепрозориях, устроенных на необитаемых островах? Кому дано такое право? Такие действия приводят только к тому, что больные на ранней стадии развития болезни, когда она для постороннего глаза, как правило, не заметна, прячутся от врачей и скрывают всеми силами свой недуг. А ведь именно в этой стадии больные наиболее опасны для окружающих, гораздо опаснее, чем несчастные изуродованные калеки, которых и сами все сторонятся!

Поэтому госпитали для подобных больных должны быть организованы так, чтобы люди не боялись туда приходить: с хорошим питанием и уютными палатами; больным должна быть предоставлена духовная пища, кино, какая-то трудовая деятельность; а изуродованных, вызывающих ужас у окружающих, запущенных больных необходимо изолировать от других, чтобы не подавлять тех морально и не пугать безутешными перспективами.

В подобные образцовые лепрозории, которые, кстати говоря, уже имеются в различных частях света, больные идут охотно. В средневековые отдельные бездомные нищие даже нарочно симулировали болезнь, чтобы попасть в лепрозорий, который богато и сытно содержался на обильные пожертвования благотворительности.

Но содержать подобные образцовые учреждения безумно дорого, а больных слишком много. Поэтому сейчас стараются идти по линии разъяснения населению пользы лечения болезни на ранних стадиях и бесплатно лечить больных амбулаторным путем, тем более что необходимые для лечения лепры медикаменты стоят недорого.

Ужасно сознавать, что сейчас, в наше время, в которое мы с вами живем, на земле есть миллионы прокаженных, которые обречены медленно и мучительно загнивать, несмотря на то что у современной медицины есть средства им помочь! Во всяком случае большинству из них. И не делается это только потому, что недостает денег, хорошей организации и, главное, человеколюбия! Как легко можно было бы покончить с этим «адам на земле», если бы вместо гонки вооружения направить свои усилия на борьбу с человеческими недугами, и в частности снабдить врачей необходимыми (весьма скромными!) средствами лечения проказы, чтобы спасти этих несчастных и отверженных...

**О ценах,
заработках,
золотых слитках
и удивительных
поваренных
рецептах**

— Мое сердце еще слишком разгоряченное, я должен подождать, пока оно немного остынет,— говорит африканский крестьянин после того, как битый час провел в лавчонке, отчаянно торгуясь.

С этими словами он забирает назад свои четыре мешка с обжаренным кофе, которые только что предлагал купить хозяйну лавки и которые тот тщательно и долго взвешивал. Нет, он раздумал. Не спеша крестьянин водружает мешки с кофе на головы своих четырех жен и вместе с ними уходит, причем сам идет пустой. На нем старый пробковый шлем, нос его украшен синими солнцезащитными очками, и на фоне своих полуголых молодок, покорно бредущих следом за ним, словно груженные ослики, он выглядит, я бы сказал, даже щеголевато.

Да, нелегко такому вот черному мужичку здесь, в городке, выгодно сбыть свой урожай, да чтобы его при этом еще и не надули! Его женам сейчас придется не менее чем в двадцати лавчонках сгружать, взвешивать и снова водружать себе на голову эти мешки, пока их хозяин и повелитель решится наконец продать свой товар. Но цену ему повсюду предлагают примерно одинаковую — несколько больше двух марок за килограмм, потому что минимальная цена установлена государством и занижать ее никому не разрешается. Дело все в том, сколько товар потянет на весах, а тянет он на всех весах по-разному...

Я сижу в задней комнате лавчонки, которые носят здесь французское название «бутик» («boutique»). Лавчонка принадлежит сирийцу, у которого мы остановились на пару дней. С того места, где я сижу, мне очень удобно наблюдать за всем происходящим в лавке. Африканская клиентура подолгу торгуется с хозяином этого торгового заведения, усиленно жестикулируя и горячась. Притом одни обращаются к нему по-французски, другие на днула* — широко распространенном здесь языке магометанских купцов; с третьими, говорящими только на каком-то никому не ведомом племенном наречии, торговцу приходится объясняться на пальцах. (В этой стране существует около семидесяти раз-

личных наречий, и французский язык играет здесь как бы роль эсперанто. Даже в самых отдаленных деревушках всегда можно найти кого-то, кто переведет с местного на французский.)

У каждого покупателя свой интерес: один покупает десять флаконов дурно пахнущих духов, разливает их по маленьким пузыречкам и закупоривает, с тем чтобы потом, где-то в «глубинке», на базаре, выручить за них вдвое. Другие приобретают длинные тяжелые ножи, типа «мачете», необходимые для того, чтобы прорубать проход в лесной чаще, или напоминающие пушечные ядра чугунные горшки, так называемые мармиты, в которых над открытым огнем готовится пища. Покупают здесь и красное вино, разливаемое из бочки по немывтым пивным бутылкам; продается и страсбургское пиво и набивные ситцы. А какой-то клиент вываливает на прилавок гору грязных скомканных бумажных денег — целых десять тысяч марок — и пытается уговорить владельца лавки уступить ему его грузовик.

Я тем временем пробегаю глазами целую кипу писем, которую мне переслали сюда из Франкфуртского зоопарка, куда они начали поступать буквально пачками, как только в газетах появилось сообщение о моем намерении лететь в Африку. Еще бы! Ведь прошло всего несколько лет после окончания войны! Тут нашлось немало желающих сопровождать меня в качестве экспедиционного врача, ветеринарных ассистентов; молоденькие девицы предлагали свои услуги в качестве помощниц на охоте или поварих... Но я ведь во всем этом нисколько не нуждаюсь. Все представления о подобных экспедициях черпаются из американских приключенческих фильмов или книжек о «героических путешествиях» по Африке...

Но многие мои корреспонденты хотят лишь знать, каким способом можно попасть в Африку и можно ли там устроиться; им надо только одно: выбраться, и как можно скорее, из тяжелой обстановки послевоенной Германии.

Нынешние времена в Африке напоминают золотую лихорадку на Аляске. Различные европейские фирмы ввозят сюда капитал и образуют здесь свои филиалы. Дома вырастают как грибы; земельные участки вдоль основных дорог даже в небольших городках, расположенных вдали от побережья, скоро будут стоить дороже, чем в Париже или Мюнхене. Ведь никто еще всерьез не думает о том, что скоро все африканцы станут самостоятельными и независимыми.

Я разговорился с одним поселенцем из Европы, неким господином Шмоурло. Он здесь давно.

— Да, то были времена! Я имею в виду десять лет тому назад, — вздыхал он. — Тогда здесь все еще было просто. Пра-

вительство выделяло тебе кусок девственного леса, притом, заметьте, столько, сколько захочешь. Потом достаточно было пойти к вождю ближайшего племени, угостить его водкой, сыграть с ним в кости и — сторговаться относительно рабочей силы. Обычно это обходилось так: одна бутылка водки за пятерых рабочих, которые, согласно уговору, обязаны были проработать на плантации два года. Их привязывали за руку веревкой и уводили с собой. Таким способом скоро удавалось собрать четыре или пять сотен батраков. Теперь же все эти черные — свободные граждане, и ни один деревенский староста не может принудить их работать. Мы платим теперь по две марки в день за работу на плантации плюс жилье и прокорм, и все равно ни один черт не хочет к нам идти! Вместо прежних трехсот рабочих у меня, на сегодняшний день, всего двадцать пять. Это как раз столько, сколько необходимо, чтобы срезать и упаковать спелые бананы, а о том, чтобы полоть и раскорчевывать новую землю под плантации, не может быть и речи! Вот такая ситуация. Плантации мои постепенно снова зарастают лесом. А черные тем временем сами научились выращивать кофе и бананы. Сажают же они ровно столько, сколько им нужно, чтобы на вырученные деньги приобретать тот хлам, которым мы, белые, их здесь «осчастливливаем»: ботинки, очки, велосипеды, пару европейских платьев...

Для того чтобы прокормиться, им ведь не больно-то много нужно — тут почти все растет само собой. Надо быть дураком, чтобы при подобных обстоятельствах еще надрываться на чужих плантациях...

И вот послушайте, что я вам еще скажу. «Земля принадлежит африканцам», — говорит французская администрация. Значит, тот, кто хочет приобрести участок земли, сначала должен согласовать это с деревенским старостой, а затем и с начальником округа. И только если оба эти лица ответили утвердительно, только тогда правительство соглашается отмерить вам кусок земли. Раньше черных ничего не стоило надуть с помощью пары бутылок водки, теперь же они обычно хорошо осведомлены, какова истинная цена их земли. Вот, к примеру, в портовом городе Сасандре проживает одно-единственное африканское семейство, предки которого испокон веков жили на этом месте. Все остальные черные здесь — пришлые, точно так же, как и мы, белые. Поэтому каждый, кто хочет в городе построить дом или гостиницу, должен сначала получить согласие этого семейства. Можете себе представить, как эдакая семейка там процветает и благоденствует?

Каждый «*planteur*», как здесь именуют плантаторов или фермеров, если он достаточно «пробивной» и энергичный, непременно

по открывает в ближайшей деревушке еще и лавчонку — «бутик», где при помощи черного продавца торгует пивом, вином, контрабандными французскими сигаретами, солью, сахаром, спичками, консервами, маслом, запечатанными в банках сосисками; кроме того, у него всегда имеется пара рулонов материи и шерстяная пряжа. Сам же он скупает какао и кофе. Основной доход приносит именно эта торговля. (Я часто вспоминаю, как моя квартерная хозяйка, у которой я жил в студенческие годы, всячески убеждала меня в том, что «даже самая маленькая лавчонка позволяет прожить более безбедно, чем любая работа честных трудовых рук»...)

В небольших городишках и на базарах можно продать фактически все что угодно. Основная трудность заключается в том, чтобы раздобыть достаточное количество тех европейских товаров, которые в данный момент в моде у африканцев. Это могут быть самые неожиданные вещи. Например, поношенные мужские жилеты, вышедшие из моды в Европе, здесь, в Африке, нашли свое применение в качестве «нарядных детских пальтишек», в которых негрятя бегают во время сезона дождей. Большой спрос здесь на дешевые самопишущие ручки, эмалированные кувшины и кастрюли, карманные фонари, старые иллюстрированные журналы для обклеивания стен в хижинах; неменьший спрос на пробки для винных и пивных бутылок. На всяком базаре можно встретить торговцев велосипедами, причем у каждого их по пятьдесят — восемьдесят штук. Велосипеды — новенькие, всех цветов, с тремя скоростями, фарой, зеркальцем и вообще со всеми атрибутами, которые только можно придумать для велосипеда. Нет у них только ножного тормоза, точно так же, впрочем, как и на итальянских велосипедах.

С моим другом Абрахамом, у которого был немецкий велосипед с ножным тормозом, произошел здесь, в Африке, смешной случай. Однажды он оставил свой велосипед на улице, и его угнали. Угонщик не знал о существовании ножного тормоза и не умел им пользоваться. Поэтому, когда дорога пошла сильно под уклон и он решил притормозить, то не нашел на руле ручного тормоза. Он так разогнался, что сшиб женщину, а сам врезался в дерево. Вор, хромая, убежал, а моему другу благодаря ножному тормозу удалось вернуть свой велосипед.

Сейчас стало очень модно надевать на хорошеньких негрятских младенцев шерстяные вязаные чепчики и такие же носочки. И это в такой-то палачий зной! Я ловлю себя на том, что внутренне посмеиваюсь над этим, но, поразмыслив, прихожу к выводу, как несправедливо рассматривать все с нашей снобистской европейской позиции. Чем мы-то лучше, скажите? Разве наши

дамы не разгуливают в двадцатиградусный мороз в нейлоновых чулочках и шелковых трусиках? А пробковые шлемы и синие очки, которые сейчас в большой моде у африканцев, носят здесь, как, впрочем, и у нас темные очки, больше «для форсу», потому что «так интереснее». Африканцы наряжаются в них обычно после пяти вечера, когда самый солнцепек уже позади...

Правда, все это относится только к поселениям, расположенным вблизи проезжих дорог. Стоило же нам, в поисках животных, отойти от дороги на самое незначительное расстояние, как перед нами во всей красе предстала голая, старая Африка в своем естественном облике.

Белый человек в Африке может легко прожить лишь «только с одного грузовика», как здесь говорят. Для этого достаточно ездить взад и вперед по африканским дорогам, подвозить пассажиров, перевозить грузы вроде кофе, колы, канистр с бензином и другие подобные товары. Легковые машины по этим дорогам не ходят. Во-первых, в них можно задохнуться от жары, а во-вторых, они слишком легко могут застрять в здешнем бездорожье. Черные торговцы тоже охотнее покупают себе грузовые машины.

С тем же Абрахамом был однажды такой смешной случай. Когда он уступил свой старый грузовик по дешевке одному деревенскому старосте, тот через две недели явился назад со страшными проклятиями по его адресу. В чем дело? Оказывается, он был возмущен тем, что «эта штукавина не желает двигаться с места, когда ее заправляешь водой вместо бензина...». Он повсюду ходил жаловаться и до того всем надоел, что в каком-то учреждении ему подарили двадцать литров бензина, чтобы только отстал...

Очень выгадывает государство, по-моему, на том, что деньги здесь сделаны из страшно тонкой бумаги. Монет в обиходе вообще нет. Купюры легко рвутся и приходят в негодность. (Кстати, они всегда безумно грязные — через столько рук они проходят!) Подержав их, всегда хочется поскорее побегать и вымыть руки...) Копить эти бумажные деньги у себя дома здесь, как правило, небезопасно. Так, один мой знакомый продал целый грузовик соли какому-то вождю деревни, причем торговался с ним в течение часа, пока выторговал себе желаемую цену; и только после того, как все мешки выгрузили из кузова и разместили по разным хижинам, «вождь» полез за ящиком, в котором хранились его сбережения. Каково же было всеобщее удивление, когда там вместо денег — нескольких тысяч франков — оказалась бумажная труха! Это была работа термитов — деньги им явно

пришлись по вкусу. Вы думаете, этот человек расстроился? Ничуть. Он только произнес:

— Dieu le voulait — такова воля господня! — и повелел загрузить всю соль снова на машину.

Так что термиты, мыши, муравьи и прочая живность, заселяющая негритянские хижины, заботится о том, чтобы изымать из оборота добрую часть выпускаемых денег, приводя их в полную негодность.

Впрочем, африканец вообще не склонен копить деньги. Он охотнее покупает вещи, причем и они у него долго не задерживаются. Например, кто-то покупает велосипед, катается на нем, а через пару месяцев дарит его одному из своих братьев, а себе покупает новый. Это идеальные покупатели, так о них по крайней мере отзываются здешние торговцы.

Во время наших бесчисленных поездок по удаленным от цивилизации негритянским деревушкам мы не переставали восхищаться замечательными украшениями девушек и женщин, которые они надевали на себя во время танцевальных вечеров. Такие украшения висели у них на шее, спускаясь на обнаженную грудь, были вдеты в мочки ушей и вплетены в волосы. Они из чистого золота, которое в этой части Африки находят еще достаточно часто. Кто знает, что еще лежит под землей в этих бесконечных лесах и степях, где и африканцы-то сами никогда не бывали? Какие никому не ведомые богатства? И только недавно несколько иностранных компаний организовали здесь промывку золота с помощью современной механизации, а еще одна приступила к добыче алмазов.

Не то чтобы африканцы не знали ценности золота. Оно просто здесь дешевле, чем в Европе; временами оно стоит лишь треть того, во сколько котируется на европейских биржах. Купить его здесь можно по относительно твердым ценам у магометанских торговцев или местных «золотых дел мастеров». Продают они его на вес, в золотых зернах, так называемых nuggets, знакомых нам по приключенским книгам о золотой лихорадке в Калифорнии.

Какое, должно быть, приятное ощущение испытываешь, сидя глубокой ночью в какой-нибудь уединенной негритянской хижине, перебирая и просеивая сквозь пальцы горку этого грешного желтого металла или взвешивая на руке маленькие шершавые самородки! Но вывозить его запрещено.

Так что черные ювелиры превращают эти слитки в длинные, тонкие золотые нити, из которых плетут красивые цепочки, или изготавливают искусные, часто довольно громоздкие, ювелирные изделия типа кулонов, или выковывают серьги в форме полуме-

сяца, которые у многих африканок мерно покачиваются в ушах или укреплены в волосах.

Я разговаривал с одним французом, начальником округа, ответственным за дорожные работы. Он страшно ругался, что не в силах больше завербовать в подведомственном ему районе необходимое число рабочих, требующихся для починки дороги и мостов. Стоит же ему привезти рабочих из какого-то другого района, как они через два-три дня бесследно исчезают.

— Почему же? — интересуюсь я.

— Да очень просто, — поясняет он. — Дело в том, что в девственном лесу, всего в каких-нибудь восьмидесяти или ста километрах отсюда, куда никто из нас, белых, еще не забирался, африканцы нашли золото. Весть эта с необыкновенной быстротой разлетелась в разные концы, и разразилась самая настоящая золотая лихорадка, только на африканский манер. Тысячи африканцев приезжают сюда издалека, из Судана, из совсем других колоний — для них же не существует ни паспортов, ни границ! Они прибывают в качестве «попутных пассажиров» на любых грузовиках, а здесь соскакивают и бесследно исчезают в лесу, в том числе и завербованные мной для дорожных работ рабочие! Местные жители сами не принимают участия в этом психозе, они не роют землю, не промывают ее вдоль речных берегов, нет, им это ни к чему. Но свой «бизнес» на этом всеобщем безумии они все равно делают, и я бы не сказал, что худший, чем у «золотонискателей». Они сдают свои халупы этим искателям счастья за баснословные цены...

— Тот, у кого есть время разбогатеть, вполне может это здесь осуществить, — сказал мне один старый местный торговец. — Притом самым удобным, нетрудоемким и надежным способом!

Я поинтересовался, каким же это образом?

— А очень просто. Здесь ведь всякий бросается возделывать кофе, бананы и какао, потому что это дает быстрый доход. Но все это иностранные, ввезенные в Африку растения, и на них то и дело нападают вредители и болезни, против которых у них нет иммунитета.

— А когда в Европе начинается война, то им там не до нашего кофе и в особенности не до наших бананов, и всему этому приходится гнить на корню. И вот тот, кто молод, у кого еще много времени впереди, тому в таком случае следует немедленно поступить на службу в какую-нибудь фирму, не тратить заработанные деньги на алкоголь или любовные увлечения, а вкладывать их в землю. Покупать ежегодно по небольшому земельному участку и высаживать на них по несколько сотен де-

ревьев кола *. Это ведь исконное африканское растение, с которым здесь ничего худого произойти не может. Правда, должно пройти целых семь лет, прежде чем дерево начнет плодоносить. Но зато уж потом оно остается плодоносящим в течение десятков лет, а главное, что с ним нет ни забот, ни хлопот — знай только собирай урожай да следи, чтобы у тебя не поворovali орехи. При том орехи кола не обязательно вывозить за границу. На них и в самой стране колоссальный спрос. Ведь любой африканец от Каира до Кейптауна жует в виде жвачки именно орехи кола. Спрос на них так велик, что торговцы орехами готовы на своих машинах приезжать непосредственно на плантацию и увозить весь урожай, скупая его на корню. Так что тот, у кого достаточное количество деревьев кола, может безбедно проводить остаток своих дней где-нибудь на Ривьере,— закончил старик свой рассказ.— Жаль только, что я теперь уже слишком стар для того, чтобы семь лет ждать, а не то бы я непременно занялся этим доходным делом, месье!

Однако это не значит, что в Африке действительно каждый приезжий может легко разбогатеть. И, даже невзирая на богатство, не каждый сумеет приспособиться к здешней жизни. Все здесь далеко не так просто, как может показаться. Так, однажды нам довелось переночевать в доме одного эльзасца, умершего незадолго до этого в возрасте всего 38 лет. В прошлом это был ярый приверженец Гитлера, поэтому, видимо, после падения рейха он и бежал в Африку. Несмотря на свои расистские убеждения, он, оказавшись там в полной изоляции, даже подружился с одним немецким евреем. Не правда ли, странно? И уж совсем не вязалось с его расистскими взглядами то, что он «купил» себе шестерых черных жен, которые жили в шестикомнатном доме с отдельными кухнями, построенном позади его собственного дома. Жены эти народили ему черных ребятишек, и вскоре он зажил жизнью настоящего африканца, хотя и был одним из самых богатых людей в округе. Он спал на полу, подавал гостям котлеты из змеиного мяса и отвратительное пойло вместо кофе; не приглашал к себе белого врача, когда болел, а разрешал лечить себя только знахарю... Когда его семидесятилетней мамаше, проживавшей в Эльзасе (которую он в течение многих лет ни разу не навестил), сообщили о его смерти, то она была немало поражена, узнав, что вместе с богатым наследством сын осчастливил ее кучей черных внучат. Она перевела на их имя часть плантаций и взяла на себя плату за их обучение вплоть до достижения восемнадцатилетнего возраста.

Должен сказать, что не одни только змеиные котлеты в африканском меню не вызывают особого аппетита у приезжего.

В Африке могут угостить еще и не тем. В один прекрасный день я был приглашен к одному белому, который на все лады расхваливал нам своего черного повара — уж так хорош, так хорош, что и сказать трудно! Скуки ради я перед обедом прогуливался по двору и заглянул в домик, где находилась кухня. И что же я там увидел? Повар как раз готовил свои знаменитые котлеты. Я заметил, что у него полный рот жевательного табаку. Каждую котлету он разрезал пополам и снабжал смачным плевком табачного сока.

— Это и придает им особый вкус! — гордо сообщил он мне, похваляясь своим кулинарным искусством.

Когда за обедом Михаэль собрался положить себе на тарелку эти изделия, я под столом изо всей силы толкнул его ногой. Но он оказался столь неумным, что спросил меня вслух, с какой такой стати я его пинаю, на что мне оставалось только, пожав плечами, промолчать — ну ешь на здоровье. И только после обеда я не отказал себе в удовольствии рассказать ему, каким чудесным образом были приготовлены эти деликатесы...

Готовят в африканских домах, как у черных, так и у белых, на глиняных печах с несколькими отверстиями наверху, с решетками из железных прутьев вместо конфорок, на которые и устанавливают горшки. Так что огонь под каждым горшком и под каждой сковородой нужно поддерживать отдельно. Дым никуда не отводится, а просто поднимается под соломенную крышу кухонного домика. В домах имеются особые фильтрующие устройства, через которые прогоняется вся питьевая вода, чтобы очистить ее от бактерий. Но воду, как таковую, здесь пьют редко. Стараются утолять жажду соком или пивом.

Птицы плетут корзинки

Как часто мы, люди, говорим о ком-то, что он ведет себя «по-скотски», поступает, «как скотина какая-то» и т. п., что подчеркивает, что этот человек ведет себя особенно отвратительно и недостойно. Но как же это несправедливо! Ведь мы, люди, рождаемся на свет точно так же, как и все эти «презренные скоты», у нас не только четыре конечности, как и у них, но и два глаза, два уха, один нос, рот, такие же легкие, сердце, кожа, печень, кровь; одинаковые с ними гормоны; мы, как и они, проходим стадии детства, юности и старости. Более того, многие чувства, которые мы у себя рассматриваем как особенно благородные, красивые и искренние, ни в коей степени не присущи одному только человеку: они тоже являются общим достоянием человека и многих высших животных. Возьмите, например, тоску по дому, материнскую любовь, любовь детей к родителям, супружескую верность, чувство товарищества, стремление постоять не только за себя, но и за других...

Животные влюбляются, как и мы. Даже внешне это зачастую выглядит до смешного похоже! Так, у диких гусей «флирт» между молодыми гусаками и гусынями начинается с того, что они «строят друг другу глазки»: один смотрит на другого, но как только поймает ответный взгляд, скорее отворачивается... Пары подбираются с осени, «обручаются», держатся вместе, защищают друг друга, несмотря на то что брачный период у них еще вовсе не наступил и браки будут заключаться только по весне. И всю свою жизнь, которая у диких гусей составляет несколько десятков лет, они остаются верной супружеской парой. Такое поведение продиктовано инстинктом. У домашних же гусей, как это наблюдается и у многих других домашних животных, врожденные инстинкты уже пришли в полный упадок: домашний гусак спаривается подряд со многими гусынями, о моногамии здесь нет уже и речи. Но ведь и человек, в прошлом дикое существо, ныне «одомашнен», и многие инстинкты, общие с животными, имевшиеся у него раньше, к сожалению, безвозвратно утеряны...

Инстинктивные действия продиктованы теми или иными внешними или внутренними раздражителями, и разум на них в общем-то не имеет никакого влияния. Мы замечаем это на примере, когда какой-нибудь ученый муж, умнейший человек, внезапно

влюбляется. Его знакомые пожимают плечами и удивляются: «Куда только купидон не направляет свои стрелы!» И тем не менее у нас именно та любовь считается особенно красивой и благородной, которая возникла по зову сердца, а не по соображениям рассудка. Хотя именно рассудок-то нас и выделяет из общей среды животных. И вот что удивительно: как раз в тех случаях, когда при заключении брака присутствует разумное начало, когда жених прикидывает, что его будущий тесть министр и поэтому тепленькое местечко ему обеспечено, или когда невеста выбирает себе жениха, исходя из того, будет ли у него приличная пенсия и хороша ли его квартира, именно в этих случаях (когда мы поступаем иначе, чем животные) у нас и появляется неприятное ощущение чего-то предосудительного...

Но на самом ли деле и всегда ли животные при выборе брачного партнера думают только о нем самом, а не о его имуществе? В Африке мне пришлось наблюдать удивительнейшие вещи, которые заставили меня засомневаться в этом. И знаете о ком пойдет речь? О птицах ткачиках.

Более шестисот видов птиц на земле относится к этому семейству. Даже наш привычный воробей имеет к ним прямое отношение. Ведь воробей для умеренных широт — птица пришлая. А попал он к нам из теплых краев, поэтому он, как правило, большой «мерзляк» — чуть похолодает, воробей норовит поскорее зарыться в свое утепленное пуховой подстилкой мягкое гнездо. И, несмотря на то что воробьи слыvät беспечными неряхами и на воле воспитывают по многу птенцов за сезон, тем не менее никому еще не удавалось принудить их заниматься этим в клетке.

Все ткачиковые строят искусные гнезда, а некоторые из них создают прямо какие-то невероятные сооружения! Одни строят гнездо обособленно, и только для себя самих многие птицы лепят свои гнезда одно рядом с другим на общем облюбованном дереве — их бывает там от пятидесяти до ста; а есть и такие, в Южной Африке например, которые совместными усилиями сооружают большую соломенную крышу, а под ней подвешивают на ветке гигантский ком, слепленный из сухой травы, достигающий в диаметре до 6—7 метров и высотой почти в два метра! Иной раз ветви не выдерживают тяжести подобного сооружения, обламываются и весь «птичий город» падает на землю.

Во время нашей волнующей «фотоохоты» на слонов мы жили вместе с черными провожатыми несколько недель на одиноко стоящей ферме одного европейца. Было это примерно в 60 километрах от портового города Сасандры, во внутренних районах Берега Слоновой Кости. В нескольких метрах от веранды росло лимонное дерево, земля вокруг которого была буквально усы-

пана лимонами; их никто не подбирал. На этом дереве гнездились так называемые буйволовые ткачики. У самцов этого вида черные головки и красные глаза, все же остальное оперение яркого канареечного цвета; самочки одеты значительно скромнее и незаметнее, напоминая скорее чижей.

Я установил на веранде два фотоаппарата, а мой сын водрузил рядом с ними свой громоздкий штатив с кинокамерой. Мы получили возможность немножко отдохнуть, поваляться в шезлонгах, поболтать друг с другом или почитать французские романы, потому что поначалу нам надо было лишь приучить птиц к нашему присутствию. Они должны перестать нас замечать. И все равно было трудно получить хоть мало-мальски сносные фотографии, потому что у этого пестрого народца режим дня весьма схож с людским, обычным для африканских условий. Они активны только на рассвете, когда светает, но солнце еще не поднялось высоко на небе, то есть примерно с 6 до 9 утра; а потом — только вечером, с 17 час. 30 мин. до поздних сумерек, то есть до 19 час. 30 мин. Днем их редко увидишь, и поэтому для съемок вечно бывает недостаточно хорошее освещение, не хватает солнечного света. А оно нам как раз совершенно необходимо, потому что наши длиннофокусные объективы обладают малой светосилой; для того же, чтобы зафиксировать на пленке быстрые движения этих резвых птичек, нам приходится снимать с короткими экспозициями.

Самцы в своих пестрых «фраках» строят настоящие круглые шары, притом закрытые, лишь с одним небольшим отверстием сбоку. К этому отверстию снаружи прикрепляется сплетенный из травы короткий шланг, свисающий вертикально вниз. Через этот «туннель» птицы и проникают в свою маленькую, защищенную со всех сторон крепость. Замечательное приспособление против всяких разбойников: ведь шар висит на таких тонких веточках, по которым никакие мелкие хищники, типа виверровых, при всем желании пробраться не в состоянии, а для хищных птиц обитатели такого шара также недосыгаемы, потому что он закрыт со всех сторон.

Можно только удивляться, как искусно эти ткачики умеют «вязать» и «плести». А делают они это следующим образом. Подлетев к какой-нибудь пальме или бамбуковому кусту, они на лету хватаются клювом за край одного из узких длинных листьев, затем разворачиваются и летят обратно, отрывая таким образом от листа длинную узкую полоску — настоящую зеленую ленточку. Ее закрепляют вокруг ветки и затем уже к этому кольцу начинают приплетать все новые и новые полоски: сначала ткачик просовывает конец вновь принесенной ленты сквозь

стенку своего начатого строения, затем перелезает на внутреннюю сторону и втягивает ленту клювом целиком вовнутрь, затем протыкает ее конец сквозь стенку наружу и так далее, пока не соорудит искуснейшую плетеную корзиночку.

Такое незаконченное гнездо поначалу бывает зеленым, но затем солнце высушивает его, и вскоре оно становится желтым. По отдельным зеленым полоскам в нем можно заметить, что ткачик непрерывно подправляет, ремонтирует свое жилище. Работенка эта не из легких: ведь пестрым птичкам приходится носиться по воздуху с лентами, в пять-шесть раз превышающими их собственные размеры, а летать за стройматериалом им часто приходится довольно далеко, потому что пальмы, растущие вблизи гнезд ткачиков, бывают вскоре ободраны до основания.

Но наблюдал я и самцов-лодырей, которые не утруждали себя столь трудоемкой работой. Они просто сидели возле своих недостроенных гнезд и зорко наблюдали за воздухом. Как только такой маленький «вертолет с грузом» подлетал к дереву, они просто хватались клювом за другой конец зеленой ленты и вырывали ее у законного владельца. Правда, с большим скандалом, криком и шумом. Двое «самцов-пиратов» построили на моих глазах свои гнезда исключительно из награбленного материала. А один маленький инвалид, у которого была только одна здоровая нога, а другая висела безжизненно, тем не менее ухитрился построить прекрасное гнездо, по форме ничем не отличающееся от всех прочих и вполне устроившее его невесту.

Как я уже говорил, гнезда строят одни только самцы. Самочки в это время порхают по веткам и наблюдают за строительством. Как только такой холостяк достроил свое жилище до середины, то есть изготовил «корзиночку», он подвешивается под ним вниз головой, быстро-быстро трепещет крыльями и громко поет. Означает это примерно вот что:

«Молодой холостяк с прекрасной отдельной квартирой ищет себе подружку жизни...»

И самочки действительно не заставляют себя долго ждать. Они деловито осматривают приготовленные для них апартаменты как снаружи, так и внутри, не обращая при этом ни малейшего внимания на самих «женихов», суесящихся вокруг. И браком сочетаются охотнее всего с теми, у которых самый красивый дом...

Можно ли их сравнить с теми дамочками, которые выбирают себе в мужья лишь мужчин с солидным положением и благоустроенным жильем? Разумеется, это не совсем так. Птицы влюбляются чаще всего в того партнера, который здоровее и крепче других, чьи гормоны позволили ему отрастить самое красивое и

яркое оперение или способствуют исполнению наиболее эффектных и впечатляющих брачных танцев. А постройка гнезд — это ведь чисто инстинктивное действие. Птицы, по всей вероятности, не могут вести себя иначе, им даже доставляет удовольствие подобная суетня. У некоторых видов ткачиков самец строит до десяти-одиннадцати гнезд и женится затем на соответствующем числе самок. Самцы ведь и вне брачного периода не прекращают своей строительной деятельности — они вечно носятся взад и вперед со строительным материалом в клюве, разрывают старые гнезда и начинают строить новые. У тех, кто здоровее и крепче, эти инстинктивные действия протекают наиболее слаженно, у них-то и получаются самые красивые и прочные гнезда. Поэтому, когда самочки выбирают себе самые лучшие и надежные гнезда, они тем самым выбирают и наиболее сильных и здоровых партнеров. Все здесь запрограммировано в этих инстинктах.

Такое гнездо и внутри отнюдь не примитивное сооружение. Ведь это одновременно и спальня и помещение для насиживания яиц. Между выходом из «туннеля» в гнездо и лотком для насиживания находится специальная жердочка, предназначенная для сидения на ней во время сна. Сделана она иногда из туго переплетенных стеблей, а иногда это просто палочка, искусно встроенная в жилище ткачика. «Туннель» плетется очень прочно и плотно, переплетение же, из которого состоит лоток, достаточно рыхлое, свободное, в него снизу можно легко заглянуть. Крыша же, наоборот, плетется туго, чтобы не пропустила дождя и палящих солнечных лучей. Спит птица головой к выходу.

Как только самочка выберет себе подходящее гнездо, она немедленно приступает к его внутреннему благоустройству. Для этой цели могут служить перья, сено, мягкие пушинки различных семян, а также пучки шерсти. В этой работе самец не принимает никакого участия — «интерьер» его не касается. Лишь время от времени он приносит новую полоску листа, чтобы залатать какую-то разболтавшуюся внешнюю часть постройки.

Всю эту процедуру во всех подробностях смог пронаблюдать только один человек. Это орнитолог Отто Кениг из Вены. Он один из немногих, а может быть и единственный, кому удалось добиться от буйволовых ткачиков, чтобы они приступили к размножению в вольере. Но для этого необходима очень большая вольера, и, кроме того, ткачиков должно быть много, точно так же, как и на воле. Отдельно содержащиеся парочки никогда не начинают гнездиться. Кроме того, большую трудность представляет необходимость заполучить достаточное число самок, а то самцов всегда бывает значительно больше, чем надо. Часто многие из серых, незаметно окрашенных птичек оказываются

впоследствии вовсе не самками, а молодыми, еще не одевшими свой брачный наряд самцами. По всей видимости, и в природных условиях самцы-ткачики всегда в превосходящем числе.

Пока самочка благоустраивает дом, самец не переставая поет, «токует» перед своей избранницей и прогоняет всякого соперника, появляющегося в его поле зрения. Такие «женатые домовладельцы» доходят иногда до того, что бросаются даже на приблизившихся к их гнезду египетских цапель, и так долго с криком мечутся вокруг их головы, пока те не теряют терпения и не удаляются восвояси. Иной раз какая-нибудь разборчивая невеста благоустраивает сразу два гнезда, принадлежащих двум разным самцам: то туда слетает, то сюда. И только постепенно отдает наконец предпочтение одному из двух. Спят самки, между прочим, тоже не на ветках, а внутри гнезда.

Буйволовых ткачиков следовало бы скорее назвать деревенскими ткачиками, потому что в отличие от других видов ткачиков, развешивающих свои гнезда в лесной глуши на различных деревьях и кустарниках, этот черно-желтый ткачик гнездится только вблизи человеческих поселений. Ему почему-то уютнее, когда вокруг дерева, на котором он гнездится, стоят хижины человека. Так случается, что гнезда этих ткачиков развешаны на хилом, тщедушном деревце, стоящем посреди деревни, в то время как вокруг, совсем близко, растут роскошные, высокие и крепкие деревья с раскидистой кроной.

Однако эта привязанность к людским поселениям вовсе не означает, что ткачики — ручные птички. Наоборот, они исчезают так же мгновенно, как и наши воробьи, стоит только к ним приблизиться. И в отличие от многих других видов птиц они крайне редко поддаются настоящему приручению. Даже будучи, что называется, «из яйца» выкормлены и воспитаны в домашних условиях, они все равно потом делаются пугливыми и дикими, если только не находятся в постоянном и тесном контакте с человеком. Но по-видимому, в этом и заключается единственная возможность для дикого животного селиться рядом с нами.

Ведь и такие «спутники человека», как крысы, мыши, клопы, тараканы, ласточки и голуби, при всей своей видимой «дерзости» и «нахальстве» тем не менее по отношению к человеку постоянно настороже, готовые в любую минуту удрать и скрыться.

Когда разбиваешь палатки где-нибудь в глухой местности и живешь там в течение нескольких недель, то может случиться, что в один прекрасный день прилетит компания ткачиков, которая приступит к строительству гнезд в кронах деревьев непосредственно над самыми палатками. Однако это вовсе не такая

уж большая радость — из-за помета, который падает непосредственно на крыши.

Джой Адамсон *, прославившаяся своей ручной львицей Эльсой, живущей свободно на воле, как-то при подобных обстоятельствах выкормила еще не оперившегося птенца ткачика, выпавшего из гнезда на крышу ее палатки. Кормила она его кузнечиками, а позже мухами цеце, которых снимала со шкуры своей львицы.

И вот что интересно. Маленький птенец никогда не загаживал своего гнезда; он всегда поворачивался так, чтобы помет падал через «туннель» на землю. Даже в тех случаях, когда его держали в руке, он до тех пор копошился и вертелся на ладони, пока не добирался до края, где цеплялся за палец и поворачивался хвостом наружу, чтобы помет непременно упал на землю. Очень чистоплотные птички.

Когда птенец немного подрос, его гнездо стали днем вывешивать перед входом в палатку на дерево. Вскоре «сиротку» начали посещать самки из колонии. Они забирались внутрь гнезда и по нескольку минут занимались птенцом. Когда он сделался летным и начал неловко порхать по траве, чужие самки сопровождали его и подкармливали, когда он пищал от голода. Так он вскоре снова возвратился к своему утерянному было племени.

Буйволовые ткачики настолько созданы для общественной формы существования, что даже ночью испражняются одновременно. Когда спишь в палатке под деревом ткачиков, то в такой момент можно услышать сонное бормотание, и вскоре за этим словно дождь застучит по палаточному полотну. Потом все опять разом затихает.

Большинство видов ткачиков — зерноядные птицы. За это их недолюбливают крестьяне, особенно тогда, когда колонии этих птиц непомерно разрастаются. Поэтому в некоторых местностях Северной Африки фермеры по ночам поджигают подобные огромные колонии и уничтожают таким образом миллионы этих птиц.

Что касается выкармливания потомства, то тут самки проворнее и энергичнее самцов. Но все равно оба родителя старательно носят корм, засовывая его в два вечно голодных клюва, открывающихся им навстречу из гнезда. В каждом «доме», как правило, два птенца. Вынуть птенца из гнезда не представляет большой трудности, для этого достаточно лишь пригнуть книзу тонкие ветки с висящими на них шарами. Что африканцы зачастую и делают. Птенцов этих здесь охотно поедают.

Правда, есть их разрешается только взрослым людям, потому что существует поверье, что у детей от этого делается «трясца головы» (тремор).

Когда я об этом рассказываю здесь, в Европе, люди обычно смеются. Ну разумеется же, мы, которые верим гороскопам и ясновидцам, можем считать себя значительно более передовыми по сравнению с этими темными, суеверными африканцами...

По правде говоря, я и сам смеялся над рассказами про трясцу. А вот профессор Шоп, возглавляющий Государственное ветеринарное ведомство, тот не смеялся, когда я ему рассказывал об этом поверье, а, наоборот, озабоченно призадумался. Есть, оказывается, особая форма воспаления мозговой оболочки, вызываемая вирусами, переносчиками которых служат клещи, паразитирующие на птицах.

— А детский организм значительно более восприимчив к подобным инфекциям, чем взрослый,— объяснил он.

Вот, значит, как. Так что, возможно, вся эта история с трясцой у детей не так уж абсурдна, как кажется?

У человекообразных обезьян в заповедной стране

В Северной Америке, там, где всего сто лет назад Виннету и Монтигомо Ястребиный Коготь охотились среди неисчислимых стад бизонов, с появлением белых фермеров заколыхались необозримые пшеничные поля, а сегодня эти пространства во многих местах уже превратились в безжизненные пыльные пустыни: земля лишилась своего спасительного травянистого покрова, и ветер непрестанно выдувает ее, унося плодородный слой...

Не исключено, что и Африке тоже предстоит пройти этот путь. Причем скорее, чем мы думаем. Чтобы собрать одну-единственную тонну риса, в тропиках уничтожают от трех до четырех гектаров тысячелетнего девственного леса, который никогда не восстановится! Деревья сжигают дотла, землю вспахивают и используют пашню в течение нескольких лет. Но поскольку эту землю никогда ничем не удобряют, она очень скоро вымывается до предела, пашню бросают и принимаются за следующую часть леса...

В некоторых молодых государствах Африки стали задумываться над этой проблемой. Выделяют особые участки земли под национальные парки, чтобы в них сохранить свою уникальную фауну: жирафов, львов, носорогов, зебр. Ведь находится много желающих полюбоваться на это чудо природы.

А в отдельных местах делают даже попытки сохранить весь природный комплекс в его первозданном виде. Там не только запрещен какой бы то ни было отстрел животных, туда вообще закрыт доступ как белым, так и черным людям. Так, в 1944 году специальным постановлением был учрежден «Природный резерват гор Нимба» («Réserve naturelle integrale des Monts Nimba»). Расположен он непосредственно вдоль границы первого самостоятельного африканского государства Либерии и охватывает горный кряж, часть которого находится на территории Берега Слоновой Кости, а часть — на территории Гвинеи. Общая площадь резервата составляет 17 тысяч гектаров¹. Правительство Либерии объявило заповедной и ту часть равнинной территории, ко-

---

¹ В пределах Берега Слоновой Кости — пять тысяч гектаров.

торая примыкает к горам со стороны этого государства, — совершенно дикую, еще никем не исследованную местность. Никому не разрешается посещать этот район. Даже служащим французской администрации доступ в горы Нимба закрыт. Внутри же резервата нет ни поселений, ни даже дорог. В виде особого исключения в эти места иногда допускаются только ученые, естественные исследователи. Но для этого им необходимо получить специальный пропуск от Института Черной Африки (IFAN) в Дакаре.

Будем надеяться, что ЮНЕСКО возьмет на себя содержание уникального памятника природы, потому что у молодых, недавно ставших самостоятельными, африканских государств, разумеется же, нет необходимых на это средств. Этой международной организации безусловно следует позаботиться о подобном общечеловеческом достоянии так же, как оно заботится об античных памятниках культуры в других странах. Тогда и будущие поколения черных и белых людей еще смогут увидеть сказочную красоту гор Нимба во всем их первозданном великолепии. Правда, только в том случае, если там за это время не найдут золото, алмазы или уран...

В прибрежном городе Абиджане, столице Берега Слоновой Кости, я повстречал месье Ж. Л. Турнье, возглавляющего там филиал Института Черной Африки. Он пригласил меня к себе домой поужинать и при мерцающем свете зажженных свечей восторгался, как вы думаете, чем? Немецким городом Висбаденом. На серванте у него гордо красовалась немецкая пивная кружка и две немецкие курительные трубки, воспоминания многолетней давности об «Allemagne» (Германии). Месье Турнье (который уже успел за это время прожить около двадцати лет в Индокитае) делал трогательные попытки извлечь из своей памяти полузабытые немецкие фразы, чтобы порадовать меня беседой на моем родном языке. Я понял из его слов, что он провел свои юные годы (после первой мировой войны) в Германии и с этим временем связаны лучшие воспоминания его жизни.

Между прочим, я заметил, что почти каждый второй француз когда-то уже побывал в Германии: либо в качестве военнопленного или иностранного рабочего во время первой или второй мировой войны, либо с оккупационными войсками после первой или второй мировой войны. Как правило, они хорошо отзывались о стране, хотя, возможно, это объяснялось общеизвестной вежливостью и галантностью французов по отношению к гостям.

От Турнье я и услышал подробнее о недавно основанном резервате в горах Нимба.

— Но это более чем в восьмистах километрах отсюда, а вы ведь направляетесь в Бваке, совсем в другую сторону, — сокру-

шался он.— Если вы захотите попасть туда через Бваке, то это составит добрых 1200 километров, представляете себе?

Тем не менее я попросил его дать мне на всякий случай разрешение на посещение резервата, и он выписал мне пропуск, который я должен был предъявить там охране. Мне ужасно не терпелось пробраться в эту «запретную страну»!

И действительно, уже несколько недель спустя мы направлялись в сторону заветных горных кражей, покрывая сотни и сотни километров дорог на чужих грузовиках, среди черных попутных пассажиров, преодолевая на своем пути реки и холмы. Справа и слева от нас проплывали назад леса, степи, остроконечные скалы, ландшафты, напоминающие Тюрингию. И каждый раз на наши вопросы мы получали от своих попутчиков примерно такие ответы:

— Нет, тут никто не живет; тут вообще нет людей; здесь никто еще никогда не бывал; вряд ли вам удастся у кого-нибудь узнать, что там такое...

Так мы ехали и ехали. Но в один прекрасный день, когда наш грузовик со скоростью курьерского поезда помчался вниз по крутому склону, с тем чтобы с разгону одолеть подъем на противоположной стороне, и когда в самом низу котловины тяжелый «ситроен» прогремывал по шатким доскам деревянного мостика, неожиданно раздались аплодисменты. Это хлопали в ладоши черные пассажиры, сидящие вместе с нами в кузове. Оказывается, мы только что пересекли границу между Берегом Слоновой Кости и Французской Гвинеей. По-видимому, эти весьма приблизительные границы, установленные при дележе колоний, с течением времени возымели все же для африканцев определенное значение. Они переезжали (а многие из них, наверное, впервые в своей жизни) в «другую страну», и ощущение у них было наверняка такое же, как бывает у нас, в Европе, когда мы переходим через голландскую или итальянскую границу. Для меня же кругом были все те же долины и взгорья, те же леса и те же африканцы.

В следующей деревне всех попросили выйти, и черные санитары осмотрели каждого пассажира на предмет сонной болезни и проказы.

Вскоре наш грузовик остановился прямо посреди гористой степи, откуда вдалеке виднелся стометровый водопад, падавший с крутого обрыва, но отсюда, издалека, выглядевший словно тоненькая серебряная нить на темном фоне гор. Дорога в этом месте разветвлялась на две, и возле развилки одиноко и затерянно стоял щит с неумело нарисованным на нем масляной краской планом местности. Французская надпись гласила:

«Въезд категорически запрещен. Закрытая зона гор Нимба».

Мы сгрузили свою поклажу, а грузовик поехал дальше. Из всего багажа мы выбрали только свои дорогостоящие фото- и кинопринадлежности и вместе с боем Джо потащились по выжженной солнцем степи, пока наконец не добрались до высокого кирпичного строения, крытого огромной соломенной крышей.

Африканский управляющий, говоривший по-французски, послал нескольких рабочих за нашим багажом, оставшимся прямо возле дороги. Прочтя наш «допуск», он сходил за ключом и отпер двери дома.

Нам открылся невиданный рай посреди дикой неисследованной местности. Удобные раскладушки, бензиновый движок, дающий электрический свет, огромный холодильник, работающий на керосине, две лаборатории, оснащенные микроскопами, фильтрованная вода, просторный холл с удобными соломенными креслами и настоящим камином, правда без дымохода. Дым из него просто поднимался к потолку и там на двадцатиметровой высоте таял где-то под соломенной крышей. Настоящий оазис в необитаемой глуши!

В «книге для гостей», в которой расписываются все ученые, посетившие сию обитель, я обнаружил, что являюсь первым «нефранцузом», попавшим в этот рай для исследователя.

Дом был расположен на склоне горы. С террасы просматривалась обширная долина, и, лежа в кресле, можно было любоваться величественными вершинами гор Нимба. Сразу же за домом начинался девственный лес. После обеда мы побродили по нему пару часов, а когда под вечер вернулись домой — о чудо! Я схватил Михаэля за руку:

— Слушай! Это кричат шимпанзе!

Наши сердца забились учащенно. Характерный крик доносился издалека, с облесенных склонов гор. Мы внезапно почувствовали себя так, словно мы снова дома, в нашем Франкфуртском зоопарке; до того знакомы и привычны были для нас эти звуки — переругивание и верещание обезьян. Ведь нам так часто и подолгу приходилось жить с этими существами под одной крышей! Достаточно вспомнить малютку Улу или Ова и Бамбу, которых мы взяли к себе в дом из разбомбленного Берлинского зоопарка и которые на целый год сделались членами нашей семьи. А сколько их потом было еще, этих маленьких и подростковых шимпанзе, находивших в нашей квартире уют, уход и ласку. Поэтому каждый звук, долетавший до нас из горных лесов, так ясно различимый в чистом прозрачном воздухе, был нам понятен и близок. Удастся ли увидеть их здесь?

Меня манила вершина высокой горы причудливой формы, на-

ходившейся, казалось, в непосредственной близости от дома: вот только протяни руку — и дотронешься до нее. Но это лишь казалось. По склонам горы карабкался вверх девственный лес, но до самой вершины он не добирался: там было голо и пустынно. Вершина имела округлую форму, лишь с одной стороны высились скалы в виде остроконечного шпиля. Гора поросла травой. Я оценил ее высоту примерно в 800 метров и решил совершить на нее восхождение.

На следующее утро черный управляющий дал нам нескольких провожатых в качестве носильщиков, из которых ни один, к сожалению, не говорил по-французски. Но зато проводником, принимая нас, как все здесь, за американцев, он отправил с нами человека, прибывшего сюда издалека, из английской колонии Золотой Берег. «Чужак» этот говорил немного по-английски и гордо сообщил нам, что, состоя на службе в английских войсках, «помогал защищать Европу от Германии». Однако вскоре выяснилось, что во время этой «защиты» он не выезжал из Африки, и велико было его удивление, когда спустя несколько дней я доверительно сообщил ему, что мы, между прочим, немцы... Но он не слишком смутился, у него были свои заботы: год назад он женился одновременно на двух женах, но ни одна из них до сих пор не забеременела. И он очень опасался, как бы они, если дело и дальше пойдет таким образом, от него не сбежали...

Мы пересекли степь, а затем, зайдя в лес, стали секачами прорубаться сквозь чащобу, поднимаясь все выше и выше по склону горы. В то время как на открытых пространствах горных склонов всегда дул легкий ветерок, здесь, в лесных дебрях, царил душная влажность. Мы карабкались вверх по отвесному склону, а ноги скользили и разъезжались в сырой гниющей листве. То и дело я вынужден был цепляться за деревья и лианы, чтобы не упасть. Больше всего меня беспокоило, как бы носильщики не поскользнулись и не выронили нашу ценную аппаратуру. Но они были ловчее меня, а через пару сотен метров лес уже кончился, уступив место высокому, по грудь, травостоя.

Еще несколько усилий, и мы преодолели и это препятствие. Перед нами вырос головокруглительный подъем «шпиля», заросший короткой жесткой травой. Наши спутники, не мешкая ни минуты, пошли на штурм этой вершины. Там, где склон становился почти отвесным, нам приходилось ползти на четвереньках. К этому прибавьте еще солнце, которое нестерпимо пекло...

Каждый раз, когда я видел перед собой острый пик и воображал, что мы уже добрались до вершины горы, оказывалось, что это всего лишь уступ и за ним высится следующий, еще более высокий. Я проклинал в душе свое дурацкое тщеславие, заста-

вившее меня подняться на эту чертову гору, и охотнее всего повернул бы назад, но мне было неудобно опозориться перед своими африканскими спутниками. Нет уж, делать нечего — надо лезть дальше. Единственное, что меня утешало, это то, что за вершину горы зацепилось пышное облако и висело на ней, словно флаг. Так что нам хоть не все время приходилось печься под прямыми лучами безжалостного солнца.

Но какой же прекрасный вид открылся нашим глазам, когда мы наконец, пытая и обливаясь потом, добрались до самой вершины! Отсюда, сверху, просматривались одновременно и горные цепи Либерии, и Берег Слоновой Кости, и Французская Гвинея. Мы стояли и любовались этим невиданным зрелищем, обругиваемые парой гнездящихся здесь соколов, которые взволнованно описывали круги над нашими головами...

Когда я вижу привольные дикие местности, у меня всегда становится тревожно на сердце: как все это будет выглядеть через каких-нибудь пятьдесят лет? Ведь с каждым часом, и днем и ночью, на земном шаре становится на двенадцать тысяч человек больше!

Спуск был еще страшнее подъема. Я съезжал иногда сидя, чтобы не свалиться с обрыва. А рубашка на мне так взмокла, что хоть выжимай. Перед тем как зайти в лес, я решил ее просто снять. Однако это мало чем улучшило мое положение, потому что в тот же момент на меня напал целый рой крылатых термитов.

По скользкой лесной подстилке идти вниз было еще труднее, чем вверх,— никакого упора ногам. Тогда я придумал такой способ: я нацеливался на какое-нибудь тонкое деревце (без колючек на стволе!), растущее метрах в десяти ниже по склону, и несколькими громадными прыжками добегал до него, хватался рукой за ствол и с разбегу делал полный оборот вокруг. И все это, заметьте, при температуре, превышающей 40°, и влажности воздуха свыше 80%!

Внезапно африканец, говорящий по-английски, остановился. Он увидел кучку помета.

— Big black baboons! — выкрикнул он.— Большие черные павианы!

Но я уже привык к тому, что он всех обезьян подряд называл павианами, в то время как наши другие черные провожатые хотя бы знали французское слово «шимпанзе». находка действительно оказалась пометом шимпанзе, страшно похожим на человеческий кал, причем человека, съевшего предварительно два фунта вишен с косточками. Он состоял почти из одних только плодовых косточек, размером заметно превышающих вишневые.

Я выбрал несколько штук из них, завернул в листья и обещал вознаграждение тому, кто найдет мне плоды, которым они принадлежат.

Мы принялись дальше обшаривать лес и наткнулись на самые настоящие туннели-проходы, ведущие сквозь чащобу, однако высотой лишь в полметра. Такая высота вполне устраивает шимпанзе, потому что они ведь передвигаются на четвереньках.

Это был торжественный для нас момент: мы обнаружили первые следы свободноживущих шимпанзе! Я назначил еще большее вознаграждение тому, кто покажет мне их «спальные гнезда». Дальше мы стали продвигаться значительно тише, в надежде увидеть обезьян. Но в тот момент мы еще и понятия не имели о том, сколько это нам будет стоить трудов — увидеть диких шимпанзе на их родине...

Когда мы пересекали ручей, африканцы ловко свернули из больших листьев кульки, зачерпнули ими воду и стали жадно пить. Хотя меня и предупреждали о том, чтобы не пить здесь неотфильтрованную воду, однако я был не в силах преодолеть адскую жажду. Так что мы тоже свернули себе по кульку из листьев и пили воду, правда из предосторожности заглотав вслед несколько таблеток резулфона.

Когда мы поздно вечером явились домой, я первым делом попросил нашего боя вылить мне на голову несколько ведер воды. Но от напряжения этого дня у меня к ночи поднялась температура, и я лег спать, завернувшись в четыре шерстяных одеяла. А с гор, как бы в насмешку, доносились громкие крики шимпанзе.

В бумагах лаборатории мы несколько дней спустя обнаружили нарисованную от руки карту заповедника и из нее узнали, что возвышенность, на которую мы совершали свое восхождение, достигает более 1800 метров и что это самая высокая гора двух колоний. Я не встречал потом ни одного белого, который когда-либо побывал там, наверху, и страшно гордился своим достижением. Но, по правде говоря, знай я заранее, какова ее высота, я бы, пожалуй, лучше остался внизу...

Все последующие дни мы гонялись за обезьянами. Светало между половиной седьмого и семью, и точно в эти же часы вечером темнело. Человекообразные обезьяны поднимали свой галдеж иногда еще в предрассветных сумерках, чаще же всего в момент восхода солнца, устраивая свою обычную переключку. Так они переговаривались между собой от одного до двух часов, причем довольно громко. Затихала эта «беседа» примерно к 11 часам. Затем в течение дня только изредка можно было услышать короткий зов, и снова все замолкало. А с четырех или пяти ча-

сов снова поднималась возня, скандал и крик: по-видимому, они ссорились между собой за лучшие спальные места. Я в течение десяти дней вел записи их «разговоров».

Целыми днями мы карабкались по горным склонам в бесплодных поисках обезьян. Неоднократно мы находили их следы, помет, надкусанные ими плоды. Иногда это были коричневатые, покрытые пушком круглые, размером с абрикос, фрукты с белым сладковатым соком внутри, а иногда ярко-красные луковиче-подобные наросты, встречающиеся на воздушных корнях длинных лиан; внутри них содержалась кисловатая каша со множеством мелких черных зернышек. Африканцы приносили мне и синие, напоминающие сливы плоды, содержащие те самые косточки, которые мы так часто находили в помете шимпанзе. На вкус эти плоды напоминали нашу европейскую дикую сливу, однако не такую терпкую — от них не стягивало так нестерпимо рот, как от нашей. А вообще-то все, что ели шимпанзе, нравилось и нам. Когда мы потом, значительно позже, как-то высслеживали в лесу слонов, мы поняли, как важно иногда бывает уметь отличать эти съедобные плоды...

После четырех дней бесполезных поисков мы уже было решили, что обезьян нам здесь никогда не увидать. Придется довольствоваться тем, что мы их слышим. По-видимому, они обнаруживали нас каждый раз значительно раньше, чем мы их... И вообще можно неделями бродить по девственному лесу и не увидеть при этом ни одного мало-мальски крупного животного. И хотя со всех сторон раздаются пение, крики, зовы, кваканье — тем не менее человека все эти существа явно избегают, как чумы. Уж мартышек-то здесь, конечно, было полным-полно. Однако увидеть их нам удалось только вечером, в сумерках, и то, когда мы тихо уселись на землю и не издавали ни звука. Вот тогда они появились, и мы могли наблюдать при тусклом освещении последних лучей заходящего солнца, как они целыми компаниями резвились в кронах деревьев, как гнулись под их тяжестью ветки, как они одна за другой, всегда соблюдая определенную дистанцию, перепрыгивали с ветки одного высокого дерева на другое.

Это было на четвертый день. Я занимался тем, что обследовал со всех сторон похожий на огромный гриб термитник, стоящий посреди поляны. Михаэль же решил на собственный страх и риск, вооружившись одной лишь фотокамерой, обшарить ближайший участок леса, откуда до нас так часто ночью доносилась «барабанная дробь», которую так любят устраивать шимпанзе.

Примерно часа через два он вернулся страшно взволнован-

ный. Оказывается, он услышал крики обезьян и стал проникать все глубже в лес по направлению этих звуков. Внезапно он увидел перед собой крупного чернолицего шимпанзе, который качался на ветке в кроне дерева, примерно в семи-восьми метрах над землей. Михаэль остолбенел. Человекообразная обезьяна тоже растерялась. Но затем, не спуская глаз с Михаэля, медленно сползла вниз по лиане и, очутившись на земле, не слишком поспешно и совершенно молча скрылась в кустарнике, углубившись в него не больше чем метра на два. Было слышно, как она там орудует, ломая и раздвигая ветки. Однако по шуму можно было определить, что обезьяна и не думает удирать, а продолжает держаться поблизости от этого места.

Оглядывая верхушки близстоящих деревьев, Михаэль обнаружил еще нескольких шимпанзе. Они тоже начали медленно спускаться вниз, не сводя глаз с непрошеного гостя и не издавая ни единого звука. У одной самки на животе висел детеныш. Личико у него было совершенно белое, в то время как все взрослые особи были чернолицыми. Все они исчезли в кустарнике, и Михаэль слышал, как они там «хозяйничают». Тогда он решил пометить дерево, на котором видел шимпанзе, и, чтобы добраться к нему, стал прорубать себе секачом проход сквозь колючие вьющиеся растения и лианы. Причем все это достаточно шумно и бесцеремонно. Он сделал ножом зарубку на дереве и стал высматривать в его кроне спальные гнезда обезьян. Вдруг в нескольких метрах от него что-то зашевелилось. Михаэль был скрыт толстым стволом дерева и, осторожно выглянув из-за него, обнаружил старую самку с подростковым, уже чернолицым, детенышем на спине. Их отделяло всего каких-нибудь четыре метра (Михаэль потом специально смерил это расстояние), но самка его не видела. Зато видел детеныш, который, выпучив свои круглые глазки, уставился на незнакомца. Было ему года три, примерно столько же, сколько нашей самочке-шимпанзе Катрин, которая жила в то время у нас в квартире. Когда эта пара направилась к кустарнику, Михаэль не мог отказать себе в удовольствии и издал «крик предупреждения», принятый у шимпанзе: «Ух, ух!» Малыш немедленно ответил, а мамаша обернулась, посмотрела недоуменно на моего сына и скрылась в кустарнике. Сама она при этом не издала ни звука.

Михаэль простоял там еще с четверть часа и слышал, как обезьяны продолжали шуршать и хрустеть ветками в кустарнике. Они не уходили далеко от облюбованного места. Михаэль насчитал семь или восемь взрослых особей, и, казалось, его появление не слишком-то их напугало. Просто помешало есть. А вот Михаэль от волнения забыл о том, что надо снимать!

Так что нам оставалось только строить новые планы и продолжать рыскать по лесу в поисках обезьян.

На следующий день нам удалось разыскать спальные гнезда этой группы. Их оказалось семь штук, и расположены они были на высоте от шести до двадцати двух метров над землей. Сооружались они в кронах деревьев путем заламывания и сгибания веток с густой листвой. Получалось нечто вроде пружинящего ложа. Часто ветви, на которых обустраивалось такое «гнездо», были, на удивление, тонкими. Непонятно даже, как они могли выдерживать тяжесть такого мощного животного.

Я посадил Михаэля на дерево, и он залез на высоту двенадцати метров. А мы внизу срубили тонкое деревце, срезав ветки, изготовили из него шест, прикрепили к нему фотоаппараты и таким способом доставили Михаэлю наверх. Так что он сумел снять эти гнезда на пленку из самой непосредственной близости.

Поскольку листья на надломленных ветках уже наполовину засохли, гнезда, по всей видимости, были двух-трехдневной давности; следовательно, предыдущей ночью в них никто не спал. Ведь известно, что шимпанзе устраивают себе каждый вечер новые спальни.

Мы уже и раньше ломали себе голову над тем, каким образом шимпанзе производят свой знаменитый барабанный бой. Через несколько дней нам и это удалось узнать: мы обнаружили ствол упавшего дерева со множеством протоптанных к нему обезьяньих тропинок. Ствол был подгнивший и изнутри абсолютно полый; а посередине, там, где при ударе звук получался особенно гулким, кора оказалась совершенно содранной и дерево отполировано до блеска множеством обезьяньих ног: обезьяны отбивают дробь именно ногами. Пристрастие к барабанным концертам и вообще ко всякому шуму мы наблюдали у шимпанзе еще у себя дома.

Мы продолжали следить за тем, из каких районов леса чаще всего раздаются крики и перебранки. В один прекрасный день мы решили покончить с этим бесконечным и безрезультатным прочесыванием леса и просто уселись после обеда поблизости от «барабанного дерева», выбрав для этой цели свободный от муравейников клочок земли. Лианы и ветки, загораживающие видимость, были заранее заботливо вырублены, так что площадка с «барабаном» была у нас как на ладони. Мы знали, что обезьянье семейство держалось в этом участке леса уже несколько дней подряд, появляясь в послеобеденное время, часа в четыре. Мы привели свои камеры в боевую готовность, а боя прогнали, потому что он все время хихикал и вообще не мог ни минуты посидеть спокойно. А сами набрались терпения и принялись

ждать, отдав себя на съедение всяческой мошкаре, которая нас нещадно жалила и кусала. Когда сидишь вот так неподвижно, минуты тянутся безумно медленно...

И тут они появились.

Самка с детенышем, затем могучий самец. Каждое дерево, на которое он влезал, дрожало и качалось. Добравшись до развилки ветвей, он садился на крепкий поперечный сук и начинал поводить плечами из стороны в сторону, а шерсть на нем при этом становилась дыбом. Таким способом вожаки стай демонстрируют силу и «атлетическое сложение», запугивая этим окружающих и внушая уважение к своей особе. Затем он начинает кричать. Сначала один за другим следуют несколько коротких криков, которые затем становятся все чаще и громче, пока наконец не сольются в душераздирающий, пронзительный визг. Все дерево при этом начинает ходить ходуном.

Нам ни разу не удалось увидеть одновременно больше двух обезьян, и то при невыгодном освещении, в полутьме, наполовину закрытых листвой. При этом у нас было такое ощущение, что и они нас прекрасно видят. Но мы не заметили, чтобы они испугались. А раньше шимпанзе просто предпочитали уходить от нас, когда мы, шумно орудуя секачами, прочищали себе дорогу через чащобу.

Таким образом нам тогда удалось, наверное впервые в мире, заснять беснующегося самца-шимпанзе в его естественной обстановке, на его африканской родине. Пленку мы проявили прямо в тот же вечер, признаюсь, с трепетом душевным — вдруг не вышла?

Вместо того чтобы получить эти, далекие от совершенства фотографии, мы преспокойно могли бы подстрелить нескольких обезьян, притом безо всяких хлопот, с самого близкого расстояния! Потому что для того, чтобы заснять дикое животное на воле, его недостаточно увидеть. Его необходимо увидеть целиком, да еще при выгодном освещении, успеть поймать его в видоискатель, определить правильное расстояние и установить диафрагму.

Итак, мне пришлось потратить десять дней усилий, лихорадочного ожидания и всяческих тревожений на то, чтобы получить несколько снимков шимпанзе на воле (к тому же не больно-то удачных!). Но именно с тех самых пор снимок любого дикого животного на воле импонирует мне неизмеримо больше, чем череп гориллы, развесистые олени рога, львиная шкура или любой другой охотничий трофей!

Юная богиня
леса

Если от нашего лагеря, расположенного на этот раз вблизи крошечной туземной деревушки, спуститься вниз по лесной тропе, то вскоре можно добраться до чистого прозрачного ручья. В половине пятого, после обеда, я решил туда сходить, потому что совершенно взмок от пота и мне очень захотелось основательно помыться. Я пожалел нашего боя Джо, которому приходилось таскать воду сюда наверх: целых двадцать минут надо тащить на себе полную бадью, чтобы в один момент вылить ее на голову одному из нас. Это слишком трудоемкое дело.

Удивительная вещь — эти лесные горные тропинки, протоптанные аборигенами! Они никогда не ведут, как у нас, извиваясь и петляя, вниз или вверх по склону, а идут всегда совершенно прямо. Поэтому наверх — хоть на четвереньках ползи, а вниз я невольно так разгоняюсь, что каждый раз начинаю высматривать какое-нибудь спасительное деревце на обочине, за которое можно ухватиться, чтобы не лететь вниз со скоростью курьерского поезда. Такие деревца, к счастью, всегда находятся. Растут они сбоку тропинки или прямо посреди нее, и ствол на высоте руки бывает обычно отполирован до блеска черными руками, которые за него хватаются.

Вода в ручье так прозрачна, что меня одолевает искушение зачерпнуть ее рукой и напиться. Но стоит мне сбросить сандалии и зайти в нее босиком, как она моментально мутнеет от поднятого со дна коричневого ила. Ведь здесь, в тропических лесах, все разлагается и глеет значительно интенсивнее, чем у нас.

Ручей проворно выбегает откуда-то из полутемного лесного подземелья и, бодро журча, бежит по укрытой со всех сторон полянке. Я невольно содрогаюсь — до того он мне кажется холодным — бр-р-р! На самом же деле по сравнению с каким-нибудь европейским горным ручьем вода здесь примерно такая, как в слегка подогретой ванне! Жаль вот нет термометра — я бы смерил. Удивительно, как легко путаются понятия и ощущения в зависимости от обстоятельств.

Я сбрасываю рубашку и шорты, аккуратно раскладываю их для просушки на солнце и осторожно вытягиваюсь во всю длину в бурлящей рыжей воде. Так. Теперь можно и помечтать.

Неужели я действительно за тысячи километров от дома? Белые летние облака беззаботно плывут по небу, надо мной слабый ветерок колышет листочки, заставляя их крутиться на своих черенках. Тысячи цикад и, бог их знает, каких еще насекомых наполняют воздух своим сладостным, призывным пением. Ни одна душа на свете (кроме разве что Михаэля) не знает, в каком райском уголке земли я сейчас нахожусь. Ведь сегодня еще нет такой карты, на которой были бы отмечены все эти узкие, запутанные тропинки, несмотря на то, что они значительно старше многих наших шоссе. Через тридцать, а может быть, даже уже через двадцать лет и здесь появятся люди с теодолитами и будет проводиться топографическая съемка местности. Но сегодня тут еще господствуют одни только черные боги...

Но что это? Не шаркнули ли чьи-то подошвы по плоскому камню, лежащему у самого берега ручья? Молоденькая девушка появилась на нем, как внезапное сказочное видение. На голове у нее пузатый узкогорлый сосуд, с которым здесь ходят по воду; она сбрасывает одну из «библейских» сандалий, которые держатся на одном только ремешке между пальцами, и пропыленной маленькой ножкой пробует воду — не холодна ли? Затем она сбрасывает и вторую сандалию. Потом игриво хватая пальцами левой ноги обе босоножки за их ремни и ставит их на берег так, чтобы в них сразу же можно было влезть, не пачкая ног песком. Рука в это время распутывает узел полосатого набедренного платка, завязанного на талии, и легким грациозным движением сбрасывает его на разделяющий нас куст. Меня и мои разложенные для просушки одежды она еще не обнаружила.

И вдруг, откуда ни возьмись, появляется огромная бабочка такой невероятно яркой раскраски, какие встречаются только в здешних местах: тут и синий, и красный, и желтый цвета; она опускается на девичье плечо и, неуклюже перебирая своими шестью тонкими коленчатыми ножками, топчется на шоколадной шелковистой коже, под которой лишь слегка обозначена нежная женственная ключица. Хлопнув пару раз крыльями, бабочка распластала их во всю ширину — невиданно-роскошное драгоценное украшение на стройном женском теле. И в то же время — молчаливый, но страстный и требовательный призыв для пылкого самца-мотылька, не замедлившего явиться на этот зов. Спланировав на ту же «посадочную площадку», он чуть ли не опрокидывает свою избранницу. Накренив крылья, парочка медленно спускается с плеча и, найдя несколько ниже, на тугой и упругой округлости более устойчивое и удобное место, приступает к любовным играм.

Девушка, смеясь, наблюдает за свадьбой, происходящей у нее под самым носом. А я невольно люблюсь ею: улыбка красит всякого, но у этой маленькой Евы чудесный, отнюдь не широкий и не плоский носик, пухлые, но вовсе не толстые и не вздутые губы, из-за которых виднеются на зависть крепкие белые зубы, сидящие в здоровых розовых деснах. Рот этот напоминает спелый аппетитный плод.

Маленькая бронзовая богиня древнего леса! Был бы я скульптором, то непременно вылепил бы ее точными и осторожными движениями пальцев. Ведь это по-настоящему совершенное произведение природы, в котором не надо ничего менять или исправлять: ни изящную линию спины с ее нежными лопатками, слегка только приподнимающими тугую кожу; ни груди, аккуратными полукружьями покоящиеся на хрупкой грудной клетке, ни стройные ноги, словно стволы молодых эбеновых деревьев, вырастающие прямо из ручья. Ничего в этой статуэтке менять не надо — здесь все прекрасно!

Но вода все-таки довольно холодна, поэтому я вынужден встать и перейти на более прогретое солнцем место. Девушка пугается, роняет кувшин, так что брызги летят во все стороны, и явно намеревается выскочить из воды. Я кричу ей что-то ободряющее, успокоительное, делаю руками жесты, имитирующие набирание воды в кувшин, — дескать, «набирай спокойно, я тебя не трону!». И хотя из моих бессвязных слов она вряд ли что-нибудь поняла, тем не менее не убежала, а принялась, правда смущенно отвернувшись, ловить горлышком кувшина воду там, где она еще была чистой, незамутненной. Смущенно не потому, что мы стояли друг против друга, словно Адам и Ева, — этим здесь никого не смутит, — а потому, что я был «белый», от которых здешним женщинам вообще-то положено скрываться в своих хижинах.

Поскольку я замутил воду, она бродит вокруг в поисках чистого местечка и, поглядывая в мою сторону, хихикает точно так же, как это делают наши деревенские девчонки на гулянье или на танцплощадке. Как же все-таки люди в сущности повсюду одинаковы!

Когда тяжелый кувшин наполнился до краев, она вынесла его на берег, а сама принялась обрызгивать себя водой: капли воды, словно стеклянные бусы, засверкали на ее теплой коже. А потом, набравшись храбрости, она с легким вскриком бросилась плашмя в воду меж камнями. Я же купаюсь чуть выше по течению и огорчаюсь тем, что от моего уродливо-бледного, веснушчатого тела плывут потоки взбаламученной воды в сторону

этого прелестного маленького существа. Лежа на животе, я выставил спину солнцу и предаюсь своим ленивым мыслям.

Внезапный шлепок, притом не слишком-то нежный, прерывает мои лирические размышления. Оказывается, маленькая ку-пальщица подплыла ко мне и убила муху цеце, севшую мне на спину. При этом она что-то объясняет мне на совершенно непонятном языке.

Чтобы как-то поддержать беседу, я решил полюбопытствовать, замужем ли она. Однако заговорить с ней по-французски бессмысленно: женщины здесь не знают французского языка. С таким же успехом я мог бы обратиться к ней по-немецки. Тогда я попытался жестами изобразить, будто качаю на руках ребенка. Но тут же вспомнил, что здешние матери носят своих младенцев не на руках, а подвешивают их в платке сзади на спину, поэтому стал изображать, будто несу кого-то на закорках. Она поняла, кивнула головой и подняла кверху один палец — один ребенок. Я обратил внимание, что ладошка у нее совершенно розовая — черная лишь тыльная сторона руки. Мне захотелось выяснить, имеет ли она в виду собственного ребенка или говорит о братишке, поэтому бормочу нечто вроде «*igège*» — весьма распространенное и ходкое среди африканцев этих мест слово. Она понимает меня, снова кивает и тоже изображает жеста-ми, что несет что-то на закорках. Потом показывает на свой упругий девичий живот и объясняет в трогательно-наивной манере, что у нее есть муж...

Потом мы лежим в воде — каждый в своей неглубокой каменистой «ванне»; а солнце, подглядывая сквозь небольшую прореху в сплошном зеленом пологе густого девственного леса, одинаково освещает как черное, так и белое: солнце — оно ведь для всех!

А затем я помогаю ей поднять на голову тяжелый кувшин и еще раз про себя отмечаю, как сосуд этот своими благородными формами напоминает древнюю амфору. А она запахивает вокруг талии свой домотканый платок и уходит в лес, гордая, прямая и стройная — ни дать ни взять маленькая лесная богиня!

А я снова остаюсь один со своими мыслями. Большой плоский камень еще хранит мокрые следы ее легких ступней...

И опять бабочки, большие и яркие, словно по мановению волшебной палочки слетаются сюда, на этот камень, чтобы попить из такой удобной для них мелкой лужицы. Они все слетаются и слетаются сюда: черно-белые, золотые, оранжевые, искрящиеся, светящиеся, сверкающие мотыльки! Настоящий живой, дрожащий и жгучий ковер вскоре скрыл под собой следы ее ног...

Многомиллионные города посреди степи

Люди, едущие в Африку в поисках острых ощущений, которых они ждут от встреч с живыми львами или слонами, могли бы достичь этого совсем другим, гораздо более удобным и легким путем. Для этого им достаточно было бы проникнуть внутрь одного из тех многочисленных желтовато-красных сооружений, которые, словно многометровые обелиски, высятся среди степной травы. Правда, для этого потребовалось бы только одно маленькое волшебство (а все, что произойдет дальше, хотя и непостижимо и умопомрачительно — но тем не менее чистая правда, без тени вымысла!); но без этого маленького превращения ничего не выйдет. Поэтому нужно обратиться к одному из колдунов, этих черных шаманов, чтобы он своими чарами превратил нас в дюймовочек, заставил съжаться до величины муравья. Только в таком виде нам удастся проникнуть в подобную чудо-крепость под названием термитник. Надо не забыть только заранее (пока вы еще не сморщились) пробить киркой отверстие в отвесной стене, сделанной из твердого коричневого строительного раствора. Потому что в облике дюймовочек нам это будет уже не под силу.

Итак, мы с вами дюймовочки. Но, несмотря на это, проникнуть в крепость, оказывается, не так-то просто. При входах во все туннели, ведущие во внутренние помещения, стоят грозные солдаты термитов, выставив наружу свои страшные челюсти, которыми в один миг могут отрезать голову незваному гостю. (Правда, задняя часть туловища у них совершенно мягкая, но это не беда — она ведь скрыта в проходе.) У солдат другого рода войск на голове копьеподобные наросты; если подойти к ним слишком близко, они подхватят пришельца словно ковшом экскаватора и сильным броском вышвырнут его вон да так, что он опишет в воздухе порядочную дугу.

Но самые страшные среди солдат — это «солдаты-носороги». Их можно было бы назвать и «огнеметами», но вместо огня они выметывают из своих носов на расстояние от двух до трех сантиметров струю клейкого вещества, затвердевающего на воздухе. Тот, в кого попадет подобный снаряд, безнадежно в нем завяз-

нет, и ему уже никакими силами из него не выбраться: он даже не сможет пошевелинуться.

Все эти виды оружия служат для защиты от муравьев — главных врагов термитов. Эти юркие нахалы непрестанно стараются проникнуть в их города. Когда им это удастся, они воруют яйца, личинок, крушат все вокруг и поселяются сами в удобной и защищенной крепости. Потому что самостоятельно выстроить нечто подобное они не в состоянии. Хотя во всем остальном муравьи намного превосходят термитов: они подвижнее, они зрячие, у них твердый панцирь, позволяющий им лучше обороняться, не боятся они ни засухи, ни солнечного света...

Именно из-за муравьев, являющихся значительно более молодым видом животных на земле, термитам и пришлось замуроваться в свои твердокаменные крепости и, спрятавшись в глубокие подземелья, жить вдали от солнечного света. Так они постепенно и превратились в слепой, подземный «народ», способный обитать лишь в темноте и сырости. Их длинные ходы ведут к «пастбищам», то есть к пищевым объектам, которыми питаются термиты. А питаются они — древесиной. Если им придется добираться до своих «пастбищ» вверх по стене или по древесному стволу, они воздвигают на всем своем пути закрытые туннели, изготовленные из земли, смешанной с собственным пометом. Таким образом термитов и не видно, и не слышно. Туннели их ведут обычно к засохшим деревьям, деревянным домам, мебели, книгам; они **выедают** все внутри, оставляя лишь внешнюю оболочку. Поэтому **может** случиться, что на вид совершенно целое деревянное строение внезапно рухнет, словно картонный домик.

Не понятно только, почему их иногда называют «белыми муравьями»? Они вовсе не муравьи и не белые. Единственное, что их роднит с муравьями, как, впрочем, и с пчелами, и с осами, это то, что они, являясь «общественными насекомыми», образуют «государства», в которых каждая отдельная особь играет лишь роль безвольного винтика в огромной машине. (Это те самые организмованные, всемогущие государства, описываемые в некоторых фантастических произведениях. Ими писатели-фантасты предупреждают человечество о возможном опасном пути развития человеческого рода.)

Но люди живут на земном шаре примерно 800 тысяч лет, а вот термиты — уже 50 миллионов: их находят совершенно неповрежденными в янтаре на берегах Балтийского моря. Значит, уже миллионы лет тому назад, когда наши предки еще мало чем отличались от сегодняшних обезьян, термиты уже умели воздвигать небоскребы. Эти небоскребы по своей относительной ве-

личине намного превосходят современные небоскребы Нью-Йорка! «Государственная машина» такого огромного сообщества уже тогда функционировала у них бесперебойно: ведь даже размножение и продолжение рода у термитов осуществляется «фабричным» способом!

Из-за того, что каждый рабочий и воин «термитного государства» вслепую так уверенно движется и делает свое дело, наподобие лунатика или сомнамбулы, некто Мараис в своей нашедшей книге «Белый муравей» сравнивает термитник с человеческим организмом, в котором отдельные термиты выполняют роль красных и белых кровяных шариков, управляемых как бы радиоволнами, исходящими из одного-единственного «мозга» — матки. «Теория» эта не подтверждена никакими научными исследованиями и потому безосновательна.

Новейшие наблюдения над термитами установили, что насекомые эти не более сродни муравьям, чем кенгуру — человеку; это значительно более древний род насекомых, чем муравьи, и с менее развитым мозгом. В то время как пчелы и муравьи относятся к перепончатокрылым, термиты — равнокрылые, более схожие, как ни странно, с нашими кухонными тараканами*.

Итак, перед нами крепость с почти двумя миллионами жителей, три четверти из которых — рабочие, двести тысяч — солдаты и пятьдесят тысяч — подростки. Поскольку попасть вовнутрь официальным путем, как выяснилось, невозможно, мы, карлики, карабкаемся вверх по раскаленной солнцем стене и окольными путями добираемся наконец до сделанного нами заранее пролома.

Но как же изменилась здесь обстановка! Сюда подтянулось целое войско солдат, которые выстроились цепочкой вдоль краев пробоины, выставив наружу свое страшное оружие. Напрасно спешат сюда, к этой бреши, обрадованные муравьи! Как только они дотрагиваются усиками до какого-нибудь солдата, так сейчас же отскакивают как ошпаренные.

Тем временем рабочие-термиты лихорадочно спешат заделать повреждение в стене. У рабочего-термита круглая головка с маленькими, но крепкими челюстями. Сейчас они работают каменщиками: неумоимо снуют вверх и вниз и приносят из темного подземелья в своих челюстях комочки земли, которые и прилепляют к краям пробоины. Она на глазах все сужается и сужается. Изнутри к краям подводятся земляные же «колонны» в виде опорных столбов, и скоро повреждение ликвидировано: дыра в стене полностью замурована. Какое-то время «заплатка» еще выглядит сырой и темной, выделяясь на общем фоне стены, но вскоре она сравняется со всем остальным.

Но чтобы в последний момент еще успеть проскочить сквозь все сужающееся отверстие, надо предварительно убить пару термитов и натереть секретом их пахучих желез все свое тело. Тогда можно пробраться незаметно мимо стражи и обследовать внутреннее устройство крепости.

Итак, мы внутри. Толщина наружной стены термитника может достигать удивительных размеров — иногда в несколько ладоней. Внутри во все концы разбегаются хитросплетения ходов, в которых не разберешься! Все они заботливо и аккуратно утопаны, напоминая бетонные дорожки. Снизу наверх поднимаются настоящие вентиляционные трубы, при помощи которых внутри строения поддерживается равномерная влажность и температура. Дождь термитам не страшен — над ними водонепроницаемые перекрытия. Однако, если совершить диверсию и, пробив дырки во внешней стене, вылить туда несколько кубических метров воды, то хитрая система каналов ответит воду в сторону так, чтобы основные части здания не пострадали и остались сухими. Для того же, чтобы в термитнике было всегда достаточно влаги, в глубь земли проведены вертикальные шахты, достигающие иногда 4—5 метров в длину! Ведут такие шахты либо в более влажные слои земли, либо прямо к грунтовым водам.

В Австралии особые виды термитов строят высокие, узкие, клинообразные шпили, ориентированные своей узкой и широкой сторонами строго по странам света, с учетом направления ветра; так что их можно использовать в качестве самого надежного компаса.

Сейчас науке известен уже 1861 вид термитов, из них 68 ископаемых, относящихся к различным геологическим периодам Земли¹. Энтомологи, изучающие термитов, считают, что со временем их будет открыто не менее 5 тысяч видов. Большинство из них живет в тропиках, в основном в Африке, но и почти в каждом штате США их тоже можно обнаружить. Некоторые обитают только под землей, другие строят искусные гнезда на ветвях деревьев, а третьи изготавливают смешные строения, похожие на мухоморы, только высотой по пояс взрослому человеку; есть виды, не строящие никаких сооружений, а живущие всю свою жизнь прямо в той трухлявой древесине, которой они питаются. Насекомые эти уже миллионы лет тому назад достигли наивысшего своего развития, но затем более молодые, более совершенные и приспособленные виды вроде муравьев их превзошли.

Но все-таки самое удивительное — это то, что они едят древесину. Одну лишь древесину! Немногие животные в состоянии

---

¹ В настоящее время свыше 2500 видов.

переваривать такую малосъедобную вещь! Да и термитам это удастся лишь с помощью весьма удивительного приспособления. В их пищеварительном тракте находятся одноклеточные жгутиковые, способные превращать целлюлозу из мелкоперемолотой древесины в сахар! (Что касается нас, то мы научились добывать сахар из древесины всего каких-нибудь двадцать или тридцать лет назад благодаря удачным опытам Бергиуса и Шоллера.) Преобразованную таким способом древесину термиты затем в состоянии переварить, а заодно они переваривают и часть своих «кишечных постояльцев», которые служат для них таким образом и поставщиками животного белка.

Причем все это не какие-нибудь домыслы, а проверенные наукой факты. Так, один исследователь продолжительное время держал термитов умеренной зоны при температуре свыше 36°. Одноклеточные организмы в их кишечнике при этом погибали, а сами термиты — нет. Тем не менее обработанные таким способом термиты, несмотря на обилие древесной пищи, умирали спустя десять — четырнадцать дней от голода! Но если им после некоторой голодовки начать скармливать «обработанную» кишечными одноклеточными древесину, они продолжают жить как ни в чем не бывало. Если их после этого снова «заразить» этой кишечной флорой, то они будут в состоянии переваривать и самую обычную древесину. Рабочие-термиты своими крепкими челюстями перемалывают древесину, кормятся ею сами и кормят ею остальных обитателей термитника.

А дальше еще чудеснее. Стали замечать, что некоторые виды термитов регулярно пасутся на водорослях или лишайниках, поселяющихся на сырых стенах или стволах деревьев. Уютно устроившись на такой «лужайке», они то поднимают, то опускают голову, напоминая в такой момент миниатюрных коров, пасущихся на лугу. За несколько часов такое пятно лишайника бывает полностью объедено. А между мирно пасущимися «коровками» в спешке проносятся другие «подданные королевства», добытки, таскающие откуда-то корм в дом. «Коровки» при этом несколько не реагируют на всю эту суету — они знают пасутся.

Некоторые виды термитов отваживаются иногда на дальние походы, шествуя стройной бесконечной колонной, подобно муравьям. Такая колонна лишенных хитиновой оболочки и слепых термитов-рабочих тщательно подстраховывается вооруженными солдатами. Они стоят по обеим сторонам колонны, головами наружу, поводя своим грозным оружием. В местах наиболее опасных они стоят сомкнутыми рядами, а в менее опасных — на расстоянии одного — пяти сантиметров друг от друга. Одному наблюдателю удалось подсчитать, что в течение семи часов просле-

довало 200 тысяч рабочих-термитов. Как выяснилось, ходят они «косить сено»: одни перекусывают стебли травы у основания так, что стебли падают на землю; другие тут же разгрызают их на мелкие кусочки длиной от одного до трех миллиметров, а третья группа подхватывает эти кусочки своими челюстями и транспортирует домой...

Там, внутри, урожай складывается штабелями в специальных хранилищах, находящихся возле наружных стен, где суше и теплее. Трава постепенно превращается в сено, а сено в травяную муку. В одном термитнике как-то обнаружили девять килограммов сухой травяной муки. Такая травяная, а также древесная мука используются в свою очередь для закладки грибниц и искусственного разведения грибов. Питомники грибов устраиваются в специальных камерах, в которых построены как бы «стеллажи» из земляного строительного раствора, чтобы создать как можно большие площади для выращивания грибов. Весь термитник буквально усеян подобными «грибными камерами», настоящими маленькими теплицами, отдельные из которых достигают размера с человеческую голову.

Термиты выращивают особый вид грибов, который в обычных природных условиях еще ни разу не был найден. Все, что пытаются вырастить меж грибами, маленькие огородники старательно выпальывают. В отличие от древесной целлюлозы и сухой травы грибы весьма богаты белками. Ими-то термиты и кормят своих личинок.

Не могут самостоятельно питаться и солдаты, а также самки (матки) и самцы — всех их обеспечивают кормом рабочие-термиты. Причем не только отрываемой пищевой кашцей, как это происходит у пчел, но и особой жидкостью, прошедшей через кишечник. Это значит, что всякий корм по нескольку раз переваривается различными обитателями термитника и таким образом полностью используется; а все, что остается, еще замешивается в качестве цементующего материала в земляной строительный раствор. Вот так. Этим объясняется то, что в термитнике все постоянно друг друга «облизывают».

Уютная, ровная температура, царящая в таком термитнике, привлекает всевозможных жуков, мух и их личинок в качестве непрошенных гостей, или паразитов. Забраться туда им удастся лишь в тех случаях, если они издадут запах, подобный запаху термитов, или выделяют какие-то схожие с ними вещества. Тогда их не принимают за врагов, хотя на самом деле среди них встречаются отнюдь не безобидные существа. Так, личинки одной жу-желицы, к примеру, устраивают в стенах грибных теплиц ловушки или ловчие ямы, соединенные с этим помещением лишь узенькой

шелкой. Там они сидят и караулят свою добычу. Стоит только какому-то термиту зазеваться возле такой шелки, как жужелица мгновенно высовывает оттуда свои мощные челюсти, затаскивает несчастную жертву к себе и съедает. Таких пиратов в термитниках бывает немало. Случается, что и клещи паразитируют на термитах, потому что те не в состоянии своими ножками их скочырнуть. Помочь же в этом случае друг другу — не входит в их запрограммированное поведение...

Из яиц термитов вылупляются личинки, которые не окукливаются впоследствии, как это происходит у бабочек или муравьев, а сразу же приобретают форму, схожую со взрослыми особями. Правда, по мере роста они несколько раз линяют. То, что из одних и тех же личинок вырастают частично рабочие, частично солдаты (обе формы неплодовиты), а также плодовые «королевы» и «короли», объясняется, по-видимому, дифференцированным вскармливанием. Но в то время, как у пчел и муравьев самцы играют явно бесполезную роль и в своем изобильном числе совершенно лишние, у термитов это обстоит совсем иначе. Так, у пчел один самец из ста или тысячи оплодотворяет матку, вскоре после этого погибает, а всех остальных «претендентов» просто убивают; все рабочие пчелы и муравьи состоят из одних только самок. У термитов же они развиваются как из самок, так и из самцов. Так что это древнее государство отнюдь не царство амазонок: его возглавляет не одна только «королева», а «королевская чета».

В один прекрасный день термитник начинает «дымиться». Над ним появляется как бы темное облачко, которое все увеличивается в своих размерах. Происходит это чаще всего вскоре после дождя, когда легче проломить изнутри выходы наружу. Из этих отверстий вылетают тысячи и десятки тысяч черных половозрелых молодых «королев» и «королей». В отличие от слепых и угрюмых обитателей термитного государства у них вполне развитые глаза — они не боятся света, а, наоборот, стремятся к солнцу; они видят весь пестрый мир вокруг. У каждого такого молодого термита четыре крыла равной длины. Вокруг всех выходов толпятся солдаты и рабочие, которым вменяется в обязанность ограждать своих молодых, отправляющихся в свадебное путешествие, от плотоядных жадных муравьев, которые, разумеется, уже тут как тут. Однако не одни только муравьи начеку. Не прочь полакомиться молодыми термитами и разные летающие хищные насекомые, птицы и ящерицы. Для них всех вылет термитов означает, что настало время кутежей и обильных обедов. Африканцы тоже не зевают. Они накрывают термитники большущими, похожими на лопухи листьями и затем собирают с

них многие килограммы крылатых термитов. Их варят, сушат, обрывают им крылья, а затем растирают между пальцами в пасту. Это очень вкусно, я сам много раз пробовал такие блюда, будучи в гостях.

То, что успевает уйти от смерти, поднимается высоко в воздух, чаще всего на 15—20 метров. Однако недавно такой рой обнаружили с самолета и на высоте 2000 метров. Большинство приземляется где-то поблизости от старого строения, но некоторые термиты могут улететь и за несколько километров. Так что родственные браки, по-видимому, норма. Крылья свои они сохраняют ненадолго. В том месте, где они прикреплены к туловищу, уже заранее намечена линия обрыва. Многие теряют их уже в воздухе и возвращаются тогда по спирали вниз. Термиты другого вида, приземлившись, начинают совершать комичные телодвижения и, прижимаясь к камням, стараются отделаться от этих лишних украшений. К каждой самке вскоре пристраивается самец, который повсюду следует за ней, ощупывает и поглаживает ее, а затем помогает ей выкопать в земле ямку. И только когда это убежище готово и оба насекомых в него замуровались, только тогда они празднуют там свою свадьбу. Следовательно, лишь после недельного знакомства. Но зато уже после свадьбы такая парочка остается верной друг другу на долгие годы и даже десятилетия.

Вскоре самка откладывает первые яички, лижет и кормит молодняк. Из них вырастают рабочие и солдаты, правда меньших размеров, чем обычные обитатели большого термитника. Как только в новом термитнике появляются «няни» для «королевских» детей, «королева» начинает все больше и больше разбухать. Наконец она становится в 160 раз больше собственного супруга, но он тем не менее все время остается возле нее. Вскоре «королева» превращается в белый большой мешок длинной с ладонь, с переднего конца которого виднеется ее крохотное тельце. Такая самка откладывает в день несколько десятков тысяч яиц — каждые две секунды по одному; это прямо самое настоящее фабричное производство!

За свою двадцатипятилетнюю жизнь, которую одна такая самка прожила в лабораторных условиях, она произвела на свет примерно 250 миллионов яиц...

Когда взламываешь термитник, то камеру с «королевской чемой» следует искать где-то чуть ниже уровня земли, потому что именно в таком месте находится первоначальное жилище, построенное этой парочкой. Все остальное надстраивается потом и без их участия. «Королевская камера» сообщается с основным

зданием узкими щелями, сквозь которые и без того неподвижная самка никогда не может вылезти: следовательно, она замурована.

Если совсем осторожно разломать стены этого «королевского покоя» и вам повезет, то можно в течение некоторого времени наблюдать за всем «придворным церемониалом». Вокруг неподвижно лежащей белой и огромной «королевы» маршируют по кругу несколько дюжин маленьких рабочих, а некоторые из них ползают по ней и облизывают ее. Самка явно выделяет какие-то соки, которые рабочие-термиты жадно заглатывают. Иногда они при этом даже срывают целые лоскутья кожи с ее спины, так что впоследствии на ней можно обнаружить нечто вроде шрамов. Возможно, что подобный массаж необходим для стимуляции производства яиц. Стоит появиться сзади очередному яйцу, создается небольшая толкучка, но затем кто-то из «подданных», изловчившись, хватает его своими челюстями, а другие сейчас же облизывают его досуха. Затем яйцо деловито относят в «инкубатор».

Африканцы рассказывали мне, что термиты эвакуируются, если серьезно повредить их постройку. И тогда они якобы ночью, в торжественной процессии, переносят свою «королеву» на новое место. Но я этому не верю. Потому что вряд ли такие мало-мощные животные способны даже сдвинуть с места подобную тушу. Кроме того, каждая постройка термитника имеет под землей столь разветвленную сеть ходов, что термитам ничего не стоит где-нибудь в другом месте устроить «королевскую опочивальню».

Потеря «королевы» отнюдь не означает вымирания такого гигантского города. Есть ведь в Африке термитники, считающиеся священными и существующие уже в течение сотен лет, так что «королевы» в них менялись, и не раз. Когда умирает «король» или «королева», то вскоре появляется замена. Потому что помимо крылатых производителей в термитнике в случае необходимости могут вырастить и плодовитых особей с зачатками крыльев и даже совсем бескрылых и тем не менее все равно способных к размножению. Мигрируют ли они пешком, с тем чтобы где-то в другом месте основать новую колонию, этого пока еще никто не знает. Потому что жизнь термитов гораздо меньше изучена, чем жизнь других общественных насекомых, наблюдать за которыми значительно легче. Во всяком случае ясно одно: погибшую «королеву-мать» вскоре заменяют молодые самки, и тогда может случиться, что у «короля» будет сразу от трех до семи жен, и наоборот: у «вдовствующей королевы» может оказаться одновременно несколько супругов...

Существуют гигантские формы среди термитов величиной до одного сантиметра; а есть такие, у которых солдаты не только владеют «химическим оружием» и умеют вышвыривать противника со своей территории, но способны вытворять и совсем удивительные трюки: вознив свои длинные челюсти в землю, они швыряют самих себя на врага, пролетая по воздуху несколько сантиметров!

Солдаты вообще, как правило, нападают лишь на насекомых своего размера или более крупных, потому что для борьбы с мелким противником они слишком неповоротливы. Так, мелкие формы муравьев незаметно могут подползти к ним сбоку и отгрызть им ноги. Поэтому с подобного рода мелкотой приходится, как правило, драться рабочим.

А бывает, что термиты не только выбрызгивают яд и клей, но и жертвуют собой ради общего блага. В случае крайней опасности такой термит судорожно сжимается, его хитиновый покров лопается, и наружу бурно выступает пеннистая клейкая масса, превращая все рьяно копошащееся побоище в комок клейстера...

Есть вид крупных ящериц, приспособившихся продавливать отверстия в термитнике и откладывать туда свои яйца. Трудно придумать более удачный способ заботы о потомстве; ведь термиты в таких случаях торопятся поскорее залатать брешь в стене, и отложенные ящерицей яйца, попав в равномерную температуру и влажность, развиваются самым наилучшим образом.

Поскольку термиты слепы, они общаются меж собой, по-видимому, при помощи обоняния и вкуса. Если в какой-нибудь термитник подбросить термитов другого вида, то на «чужаков» нападают только в самом начале. Стоит же им провести некоторое время в этом строении, на них перестают обращать внимание. Иногда случается, что в одном и том же термитнике обитают два различных вида термитов, однако ходы их тогда бывают тщательно обособлены друг от друга.

Кроме того, у термитов, по всей вероятности, есть способ общаться путем перестукивания. Они свирестят и топчут и передают таким образом сигналы по всему зданию, которые другими членами сообщества принимаются с помощью особых органов. По-видимому, этим можно объяснить тот факт, что термиты в Северной Америке никогда не поселяются на железнодорожных шпалах действующих путей, а также редко повреждают деревянные каркасы мельниц: им мешает вибрация, она их беспокоит. Да и вообще надо признать, что термиты, обитающие в умеренных зонах и живущие там под землей, как правило, не представляют такой опасности для деревянного имущества человека, как в тропиках.

Несколько лет тому назад всю немецкую прессу обошли сенсационные сообщения о том, что в порт Гамбург затащили вместе с каким-то грузом североамериканских термитов и теперь они бесчинствуют в старых деревянных домах, нанося их жильцам непоправимый урон. Подобные же сообщения появлялись и раньше, например в 1937 году. Однако дело обстоит не так страшно, как это расписывают некоторые газетчики, и нет оснований бояться, что «теперь термиты сожрут всю Германию...».

В Соединенных Штатах 38-й градус широты служит для термитов как бы шлагбаумом: дальше на север они не проникают. Тем не менее они ежегодно наносят стране урон, составляющий примерно 40 миллионов долларов. Сумма, конечно, немалая, но, по совести говоря, для такого грандиозного государства не божество какой убыток.

Между прочим, существуют и способы защиты от термитов. Так, в качестве опорных столбов деревянных строений используют бревна из термитоустойчивых сортов дерева, из дерева со специальной пропиткой или цементные цоколи, отделенные от деревянной части здания большими пластинами из нержавеющей стали. А главным образом надо следить за тем, чтобы вокруг дома не было термитников.

**Про боя Джо,
про «леса-табу»,
тотемные блюда
и кинотеатры
в буше**

Как-то раз я заснял нашего боя Джо, верного спутника и помощника, сопровождавшего нас во время наших долгих путешествий по Африке, в тот момент, когда он, шутки ради, примерял ухмыляющуюся деревянную ритуальную маску. Джо был очень напуган тем, что его сняли в таком виде, и просил меня во что бы то ни стало уничтожить эту фотографию. Он боялся, что она попадет на глаза евангелистскому пастору-миссионеру в его родном городке Дапане, находящемся далеко отсюда, в горах.

— В таких масках живет дьявол,— пояснял он мне.— И их надо сжигать, а не развешивать у себя на стенках!

Я твердо обещал Джо написать в своей книге о том, что он— Джо — примерный христианин и ничего общего с фетишами не имеет и иметь не желает. Так и знайте. Как видите, я исполнил свое обещание.

Джо я нанял по рекомендации после длительных переговоров относительно оплаты. Составляла она 120 колониальных франков в день, что соответствует примерно трем маркам. Когда он сопровождал нас во время походов, ему полагалось дополнительное вознаграждение за приготовление пищи.

Поначалу мне показалось, что ему лет шестнадцать. Но потом он рассказал, что женат и даже имеет ребенка. Жена его, с которой он меня потом познакомил, оказалась юной и весьма милостивой особой. Ребенок еще принадлежал родителям жены, потому что Джо не удалось пока собрать полной суммы выкупа, которую он должен был заплатить за жену. Ему предстояло заработать еще десять тысяч франков, что для работодателя такого боя всегда таит в себе некоторую опасность... Однако Джо заверил меня, что ему воровать никак не положено; более того, он не имеет права во время нашего долгого путешествия завести шашни с какой-либо другой женщиной. Иначе ему придется по приезде каяться пастору, да притом публично, на глазах всей своей маленькой евангелистской общины.

Он доверительно рассказал мне, что прежде служил как-то в качестве боя у одного французского управляющего и однажды

украд стул. Пастор, узнав об этом, потребовал, чтобы он отнес стул обратно, а мать и жена Джо ужасно ревели, потому что боялись предстоящего наказания. Однако примерный христианин Джо отнес стул назад жене управляющего, за что удостоился даже похвалы и вдобавок получил в подарок пару белых носков, которые господину управляющему были малы.

У Джо есть еще и второе имя — Пауль. Это имя он просто так просил занести в книгу во время переписи населения французской администрацией. Имя ему очень нравилось, и он решил его присвоить. Оказывается, африканцы, у которых нет фамилии, могут это делать по собственному усмотрению. Они охотно берут себе имя какого-нибудь знакомого белого, который им нравится или чем-то импонирует. Так, на окраине городка Сасандры бегают добрых два десятка негритят по имени Боссарт, названных так в честь одного бывшего солдата иностранного легиона, теперь осевшего в этих местах и заделавшегося фермером. Мне как-то с моим сыном пришлось заночевать в его доме, и он всячески уверял меня, что абсолютно не повинен во всех этих бесчисленных Боссартах...

— Мне двадцать пять лет,— заявил мне наш бой Джо.

Но когда я в этом усомнился, он признался, что во время регистрации населения не мог указать свой точный возраст, потому что не знал его. Чиновник просто взглянул на него и записал: «двадцати пяти лет».

Многие простые африканцы не знают своего точного возраста, а тем более дня рождения. Если спросить их об этом, то можешь получить самый невероятный ответ: люди, которым за сорок, с невинным видом будут утверждать, что им три года. В счете жители глухих деревушек тоже не всегда сильны. Однако в то же самое время есть ведь и африканские врачи, торговцы и разные другие специалисты. А один шофер такси в Абиджане обратился ко мне со следующей просьбой:

— Вы проездили в моей машине с девяти утра до половины двенадцатого, месье. Час езды стоит 200 франков. Не могли бы вы мне сосчитать, сколько с вас причитается?

Такая доверчивость и прямотушие действуют обезоруживающе.

Бригадир, возглавлявший работы на плантации одного моего знакомого, никогда не мог сказать, сколько людей с утра явилось на работу. Бормоча что-то себе под нос, он набирал в руку маленькие камешки и, придя к своему хозяину, заявлял:

— Вот сколько людей явилось сегодня на работу!

Однако можно встретить и совсем другое. Так, у моего гостеприимного хозяина Абрахама черный приказчик ведет самостоя-

тельно всю бухгалтерию, проверяет и регистрирует дневную вырубку, с учетом налогов. Почтовые работники тоже, как правило, все без исключения африканцы.

Очень смешно, что в каждом маленьком почтовом отделении, куда я заходил, чтобы отправить письмо домой, во Франкфурт, поднималась горячая дискуссия между почтовыми служащими— сколько должна стоить отправка письма в ФРГ. Стоимость каждый раз оказывалась разной. Под конец я уже перестал спрашивать, а наклеивал ровно столько марок, сколько считал нужным (а именно — наименьшую сумму из всех, которые мне называли); и должен сказать, что письма всегда аккуратно доходили до адресата, причем без какой-либо доплаты. Между прочим, те же дебаты происходили и на почтамтах во Франкфурте каждый раз, когда моя жена пыталась узнать, сколько будет стоить отправка письма ко мне, на Берег Слоновой Кости...

Долгими вечерами, когда мы сидели втроем у лагерного костра, я беседовал с Джо на его «африкано-французском» наречии. Я заметил, что он, будучи христианином (чем страшно гордился), всегда упоминал не о «боге», а о «богах» («les Dieux»). Расспросив его поподробнее, я выяснил, что под этим он подразумевает «святую троицу», понятие, объяснить суть которого не так просто не только африканскому деревенскому парню. Джо страшно трогательно старался мне растолковать, что существуют две смерти: одна здесь, внизу, на земле, и если ты был плохим человеком, то смерть эта будет окончательной и вечной. Но после смерти все души становятся белыми; черных там не бывает. Он был очень удивлен, когда услышал от меня, что кроме черных и белых существуют еще и желтые, и красные люди. Нет только синих и зеленых. Как у нас зимой замерзают реки, я сумел объяснить ему на наглядном примере льда в холодильнике; но вот как растолковать ему, что такое снег и снегопад, этого я не знал. Я говорил, что у нас зимой с неба сыплется вода в виде хлопьев ваты и, падая на землю, остается лежать на ней белым покрывалом; что деревья сбрасывают листву и по полгода стоят голые; что во всех окнах у нас вставлены рамы со стеклами. Но еще невероятнее казался ему, да и всем другим деревенским жителям Африки, рассказ о том, что мы не только не платим денег тестю за свою жену, а, наоборот, еще получаем определенную сумму в виде приданого.

Судя по моему благосостоянию, всякий здесь считал, что у меня не менее десяти жен, и никого бы это несколько не удивило. Удивляло их то, что я утверждал обратное.

— Но почему же у тебя только одна-единственная жена? — допытывались у меня неоднократно.

— Потому что нам нужно гораздо больше работать, чтобы прожить,— пытался я объяснить им этот невероятный факт.

— При нашем холоде ведь необходимо носить ботинки и одежду, да к тому же еще теплую, мы вынуждены покупать дрова и уголь, чтобы отапливать свое жилище. Но у нас не только холодно зимой. У нас и дни короче, не то что здесь, в Африке, где они круглый год подряд длятся по 12 часов. И нам приходится искусственно продлевать дни и жечь свет, который тоже стоит немалых денег.

— Я и двух дней не смог бы прожить в таких ужасных условиях,— объявил с полной уверенностью Джо, выслушав мой рассказ.— Я бы тут же умер.

Как-то однажды во время своего проживания в Бваке — нашей штаб-квартире во внутренних районах Африки, городке, где как-никак проходила узкоколейка, имелся вокзал, а также два кинотеатра, я решил сходить прогуляться в близлежащий лесок, расположенный в получасе ходьбы. Кругом пыльная степь, а тут — зеленый оазис, который так и манит прохладой своих высоких пышных крон.

И я пошел. Но на полдороге меня догнал наш хозяин Абрахам и буквально за руку стал тянуть обратно:

— Бога ради не ходите в этот лес! Вернитесь сию же минуту! Его ни один белый не имеет права посещать. Может быть, на вид мы здесь и вполне цивилизованные, но я не могу вам поручиться, что, войдя в этот лесок, вы не схлопочете себе ядовитую стрелу или через пару дней не умрете от какой-нибудь загадочной болезни. Лес этот — табу! Африканцы утверждают, что в нем живут боги.

Заметив мой недоверчивый взгляд, он принялся рассказывать мне историю фабрики, обгоревшие развалины которой виднелись на опушке леса. Судя по толщине стен, это некогда было крепкое солидное строение.

Вот что он мне поведал. В 1942 году в Бваке приехал некто Л., бельгиец по происхождению, примерно шестидесяти лет. Он решил открыть здесь фабрику по изготовлению канатов и веревок из волокон сизаля. Поскольку он имел военные заказы, ему отпустили и цемент. Он очень быстро разбогател. Вскоре правительство выделило ему землю под постройку новой, более современной фабрики, именно той, руины которой виднелись возле опушки леса. Оказалось, что земля, отпущенная под постройку фабрики, «принадлежала» какому-то местному божеству, которому поклонялись аборигены — бауле. Черные жрецы, надо сказать, поступили вполне разумно: они предложили этому бельгийцу принести божеству в жертву вола. Однако господин Л.

бесцеремонно отклонил их предложение: «С какой такой стати, земля и так принадлежит мне!» Фабрику построили. Однако в самый разгар строительства господин Л. внезапно умер при совершенно загадочных обстоятельствах. Его двадцативосьмилетний сын, съездив в Бельгию, привез младшего брата своего отца, но и тот спустя несколько недель скончался. Потом скончался по непонятным причинам и сын владельца фабрики. В доме остались одни только женщины, которые с лихорадочной поспешностью продали это проклятое предприятие и поскорее уехали назад в Бельгию. И вот после того, как все мужчины этого семейства были истреблены, сгорело и само здание фабрики — буквально все постройки! С тех пор никто уже не решался их вновь отстроить.

— Вот дурак-то! Из-за одного-единственного вола! — заключил свой рассказ Абрахам, пожав плечами. — Когда приезжаешь в какую-нибудь чужую страну, то приходится приноравливаться к местным верованиям и обычаям, а не лезть на рожон и стараться прошибить головой стенку. Все равно из этого ничего хорошего не получится!

Чаще всего подобные загадочные смертные случаи объясняются туземными ядами, которые обслуживающий персонал подмешивает в пищу. Трупы в этом жарком климате приходится зарывать в землю буквально в тот же день, патологоанатомических или химических институтов, могущих произвести вскрытие или какие-либо анализы содержимого желудка, здесь нет. Поэтому причину внезапной смерти, как правило, объясняют тропической болезнью почек под названием «bilieuse»; эта болезнь действительно протекает при аналогичных обстоятельствах, и часто человек уже через день-два мертв.

Особенно тяжело приходится землемерам. Здесь это, по чистой случайности, чаще всего поляки. Милые люди, но с незавидной судьбой: в местных условиях их профессия весьма небезопасна. Ведь им приходится поодиночке в сопровождении одних лишь черных носильщиков углубляться далеко в лес или пересекать обширные степи. Черные носильщики, как правило, неохотно поднимаются в горы, потому что, по их мнению, там обитают злые духи. Когда их пытаются принудить к этому, они просто убегают, оставляя беспомощного землемера одного. А то еще и отравят ядом. Не последнюю роль здесь могут играть и «дамские истории». Один французский управляющий округом перечислил мне пятерых землемеров, которые всего только за несколько последних лет погибли или сошли с ума во время своих служебных поездок.

Как раз именно бауле верят так же, как и белые, в одного-

единственного бога, царящего на небе *. Однако этот «высший бог» не заботится по мелочам о том, что происходит на земле. Когда-то, в давние времена, он разрешил всем людям и зверям, а также добрым и злым духам по длинной цепочке спуститься с неба на землю. А дальше он уже не стал досаждать им мелочной опекой: судите и рядите, как вам заблагорассудится! Поэтому теперь приходится быть чертовски осторожным, чтобы не навлечь на себя гнев того или иного злого духа или божества, не вступить с ними в какой-нибудь конфликт! Отсюда и все эти деревянные фигурки в хижинах. На наш взгляд, они выглядят все достаточно примитивно и все схожи между собой. Однако бауле узнают их моментально по чертам лица и восклицают:

— Это же Бабакаа!

То есть определенный африканец, умерший незадолго до этого. Его душа бродит по свету и может натворить недоброе. Но как только она найдет деревянное изображение тела, в котором прежде жила, ей приходится смириться и поселиться в нем.

Боги очень ясно предписывают каждому африканцу, что ему можно и чего нельзя есть. У каждой семьи есть свое тотемное животное, мясо которого ни под каким видом нельзя есть, потому что в противном случае кто-то из членов семьи либо заболит, либо умрет. А так, вообще-то, мало животных в Африке считаются несъедобными, начиная со змей, ящериц, мышей и до слонов включительно.

Когда африканец в деревне заболевает, он идет к своему колдуну, платит свои двадцать — тридцать франков, а тот, таинственно погадав на орехах кола, большей частью заявляет, что кто-то из врагов пациента его сглазил, наслал на него злого духа. В лучшем случае колдун спросит, что больной поел накануне, и объявит мясо этого животного дополнительным тотемным блюдом. Если болезнь не проходит, пациенту запрещают есть еще несколько блюд, словом, все очень напоминает то, что происходит с нами у наших европейских, высокообразованных врачей...

Таким образом, встречаются африканцы, для которых семь или восемь животных являются тотемными и которые не очень-то понимают, чем им вообще еще можно питаться...

Я поинтересовался, как же происходит дело в семьях, где муж имеет пять или даже семь жен, для каждой из которых (еще со времен отцовского дома) существует свое тотемное животное, которое, боже упаси, мужу подавать нельзя! Оказывается, выход из такого положения все же найден: муж имеет право есть тотемное животное жены, но только не в ее присутствии. Потому что в противном случае такая оскорбленная жена может немедленно сбежать от своего повелителя и вернуться к родителям.

Эти церемонии с тотемными животными и для меня имели свою положительную сторону. Будучи в гостях в туземных деревушках, получаешь иногда в качестве деликатесов такие вещи, к которым наши европейские желудки совершенно непривычны, например вареных и вяленых термитов, змей и тому подобное. Поначалу я из интереса пробовал все, чем меня угощали. Но большинство этих блюд, по правде говоря, невкусные и, кроме того, всегда слишком сильно перченные пиментом — этой дьявольской африканской приправой. Уж лучше есть привезенные с собой консервы или такие малопривлекательные для местных жителей продукты, как бананы или папайю — похожие на дыни, крупные и очень сочные плоды. Так что, когда меня угощают блюдом, которое мне не по вкусу, я сейчас же объявляю, что оно для моей семьи считается тотемным. Такие вещи понятны каждому африканцу, и никто не окажется столь невежливым, чтобы продолжать настаивать на том, чтобы отведали его угощение.

Не улыбайтесь, читая эти строки. Мы так охотно подтруниваем над подобными вещами, а сами-то чем лучше? Что касается суеверия, то мы, европейцы, стоим примерно на той же ступени развития, что и бушмены. Просто мы верим в иную чепуху, чем они. Ведь почти каждый журнал или газета в Европе печатают астрологические календари, и тысячи людей, мнящих себя значительно интеллектуальнее «этих дикарей», согласуют свои дела и поступки соответственно тому, кто они такие: «водолеи», «тельцы», «девы» или «козероги»...

Наш бой Джо, как я уже говорил, был протестантом и страшно этим гордился. Однако все эти древние «тотемные» поверья до того крепко в нем засели (впитались, что называется, «с молоком матери»), что он просто не знал, как от них избавиться. Пастор запретил, например, своему приходу пить вино, «потому что в пьяном виде легко совершить дурной поступок и к тому же забыть, о чем пастор говорил в своей проповеди». Помня эти разумные назидания, наш бой спиртного не употреблял — даже красного вина чурался как заразы. Он отказывался даже есть те блюда, которые были политы соусом. В соус он сам для вкуса подливал немного красного вина. Вино стало, таким образом, для него «тотемом».

Но большинство других африканцев, как я заметил, не столь щепетильно относились к этому вопросу, когда вместе с нами ели нашу стряпню.

— У этих белых никогда не разберешь толком, что такое ешь! — смеялись они обычно.

Чего только не встретишь в подобной поездке по Западной Африке! Все тут перемешано: и религиозные секты «людей-лео-

пардов»*, и в то же время в тысяче километров от побережья вы можете вдруг увидеть диснеевский фильм «Бэмби», который как раз только что вышел на экраны Европы и идет, например, во Франкфурте.

Кинотеатры здесь имеют четыре стены, но над ними нет крыши. Иначе ни один человек не мог бы в них усидеть из-за духоты. Сеанс начинается после восьми часов вечера, прямо под звездным небом. Кресла устроены очень удобно, амфитеатром, и обтянуты (тоже из-за жары) плотным наподобие шезлонгов. Вход стоит недешево, на наши деньги больше двух марок, но зато за вечер показывают два фильма, и программа меняется ежедневно. Коробки с кинолентами путешествуют в самолетах по всей Африке над степями и лесами.

Перед входом маленькие негритята продают жевательную резинку, громко расхваливая свой товар. Черные и белые сидят здесь, как правило, вперемежку, но черных всегда значительно больше белых. Зрители ведут себя довольно темпераментно и не могут усидеть спокойно (однажды мне с верхнего ряда даже свалилась на голову чья-то сандалия); а особенно любимое и отнюдь не безобидное развлечение здесь — это швыряние жевательными резинками друг в друга; вытащить ее потом из таких курчавых волос совсем не просто!

В портовом городе Абиджане кинотеатр находится прямо рядом с респектабельным зданием гостиницы «Hotel du Parc». Поскольку у кинотеатра нет крыши, а окна в гостинице, разумеется, незастекленные, то, лежа в постели, невольно слышишь весь диалог демонстрируемого фильма. И наоборот: однажды вечером внимание публики было отвлечено невиданным зрелищем — из дымовой трубы отеля то и дело вырывался каскад искр, напоминающий настоящий фейерверк.

Наряду с новейшими и современнейшими фильмами я увидел и такой, в котором нацистские солдаты со свастикой на рукаве спускались с небес на парашютах, обстреливали Гарзана в лесу из пулеметов, а затем по радию передавали свои донесения на немецком языке в Берлин... Гомерический хохот вызвал здесь один американский фильм, в котором всех негров играли грубо намалеванные белые; каким-то племенем правила белая королева с красиво уложенной в парикмахерской прической и в ослепительном модном купальнике; какой-то мужчина в безлюдной степи в течение десяти минут боролся со львом, причем голыми руками, не имея при себе даже ножа, а потом встал как ни в чем не бывало — без единой царапины, — отряхнул руки и пошел.

Когда шел какой-нибудь арабский фильм, наши сирийские хозяева, у которых мы как раз гостили, видимо, из патриотиче-

ских соображений всегда шли его смотреть и тянули нас за собой.

Фильмы эти обычно снимались в Каире, дублировались на французский язык и содержали ходовые американские сюжеты, только на восточный манер и на фоне восточных пейзажей. Обычный в таких случаях юный, талантливый, но никому не известный певец из кабаке здесь заменялся тоже юным и тоже никому не известным муэдзином, ежеутренне поющим с минарета мечети свои молитвы. Его «открывает» театральным импресарио, и вскоре он становится всемирно известным оперным певцом. Разумеется, и здесь не обходится без глубокой и самоотверженной любви...

Нередко киномеханик проделывал следующий трюк: он молниеносно и со свистом прокручивал всю ту часть фильма, где обычно на французском или на арабском языке (большей части зрителей непонятном) указаны фамилии всех этих актеров, режиссеров, сценаристов, гримеров, названия фирм проката и так далее и тому подобное, и начинал фильм прямо с действия. Помоему, новшество, вполне достойное подражания...

В один прекрасный день мы купались в небольшой горной речушке, протекающей совсем рядом с шоссе. Женщины из близлежащей деревни приходили сюда же стирать белье. Вот и сейчас они, беззаботно сняв с себя свои европейские платья, в чем мать родила, стирали их у самого берега.

Купающиеся вместе с нами африканцы, ухмыляясь, рассказали мне, что недавно какая-то американская киногруппа снимала здесь фильм «На мотоциклах через Африку». Они подъехали на грузовиках (на которые были погружены их мотоциклы!), попросили нескольких африканцев снять одежду и в таком виде, перебираясь по скалистым уступам, перенести мотоциклы на другую сторону реки. В то время как всего в ста метрах от этого места имелся хороший массивный мост...

— Когда снимаешь это снизу вверх, то создается полная иллюзия смелого форсирования бурного потока в девственном лесу, — объяснил им режиссер.

Вот как это, оказывается, делается.

Наибольшей популярностью пользуются у здешних кинозрителей, так же как и у наших, детективные и ковбойские боевики. Лишь бы в них побольше стреляли и орала. Публика реагирует по-разному. Иной африканец значительно благовоспитаннее, чем белый, облокотившийся с ним на один и тот же подлокотник. Другие, только недавно прибывшие из буша, из «brousse», как здесь говорят, реагируют на все весьма темпераментно. «Tirez!» («Стреляй же!») — кричат они возбужденно, когда кто-то на эк-

ране поднимает пистолет, а после окончания сеанса заглядывают за белое полотно экрана, желая узнать, где тут артисты будут ночевать. Когда паровоз или самолет наезжает крупным планом на зрителей, первые ряды частенько вскакивают и отбегают в сторону, к безумному удовольствию более просвещенной части зала.

Один белый как-то спросил меня, какого я мнения об их колонии. Я ответил, что она напоминает мне Америку в лучшие годы пионерства, вот только ограбления почтовых карет не хватает... все здесь уж очень мирно и безопасно, у этих африканцев.

— Чему-чему, а этому-то мы их, к сожалению, скоро научим,— ответил он. — Вот недавно в Данане очистили сейф с деньгами. Притом все двери в доме оставались запертыми и не были взломаны. Чудеса, да и только. Но в конце концов где-то в углу обнаружили мешок, которого раньше там не было. Из него вылез африканец, который, оказывается, столь хитроумным способом остался с вечера в доме и дождался, пока его запрут. Все страшно удивились, как этот простоватый парень мог оказаться таким продувным и находчивым? Хотите знать разгадку? А очень просто: он видел все это в кино и скопировал. Вот вам и плоды просвещения!

Вот так кинематограф передает африканцам опыт нашей белой «культуры», притом значительно действеннее всех миссионеров, вместе взятых!

Целая проблема здесь — это лампы. Ведь в семь часов уже темно. Значительно раньше, чем у нас летом. Но именно тогда-то, с наступлением вечерней прохлады, и хочется посидеть вместе и поболтать. Электрического освещения здесь нет. А тому, кто заведет себе движок и динамо, тому начинают досаждать соседи с просьбами подключить их тоже. Так что и у таких счастливых лампочки горят настолько тускло, что читать при них невозможно. Поэтому здесь у всех в ходу керосиновые лампы, которые прежде висели и у нас в Европе перед каждой ярмарочной лавчонкой; светят они, действительно, ярко и сильно. Однако поддерживать их постоянно «в боевой готовности» не так-то просто. Дело в том, что эти лампы производятся несколькими странами: есть среди них австрийские, английские и французские. Запасные детали одних не подходят к другим. Один или два запасных фитиля фирмы отпускают вместе с лампой. Но когда они сгорают и владелец начинает подыскивать им замену, фитиля, как правило, не подходят. Значит, надо покупать новую лампу, а она стоит хорошеньких денег. А спички? Вечно приходится думать о спичках! Сколько я их накопил за то время, что был в Африке: и английских, японских, и шведских, чешских, итальян-

ских и еще бог знает каких! Шутки ради из них можно было бы составить целую коллекцию.

В каждой комнате в домах у белых, живущих в Африке, вы найдете в углу специальную подставку для лампы на четырех ножках и высотой почти в человеческий рост. Лучше всего, когда таких подставок две — в противоположных углах комнаты: тогда свет падает наиболее равномерно. Но ни в коем случае нельзя ставить такую лампу на обеденный стол. Потому что тогда во всех тарелках и стаканах будут плавать мошки, жуки, бабочки, крылатые термиты и муравьи, вообще вся эта мелкота, которая обычно так бездумно летит на свет, чтобы опалить себе крылья или даже покончить жизнь самоубийством... Кошки во всяком случае довольны этими лампами. Они сидят под ними и ждут очередную жертву...

**«Король Тимоко» —
похититель
бананов**

Мы уже посетили бегемотов, снимали шимпанзе, и теперь, согласно нашей программе, осталось еще встретиться с дикими лесными слонами. Если верить рассказам здешних белых торговцев и фермеров, то для этого достаточно ехать и ехать по шоссе до тех пор, пока проезд дальше будет закрыт, потому что его преградит слон. Но я-то в это не верю. Ну разумеется, были подобные случаи, наверняка были. Однако стоит расспросить обо всем поподробнее, как непременно выяснится, что случилось все это совсем с другим человеком, да и прошло с тех пор лет эдак двадцать...

На границе Либерии я познакомился с одним бывшим военным из Иностранного легиона, разъезжающим на грузовике в поисках рабочей силы для своих плантаций, расположенных на побережье близ Сасандры. Но хлопоты его не увенчались успехом — людей, желающих работать на плантациях, почти не было.

Этот человек и рассказал мне о том, что у одного из его соседей в течение года стадо слонов разоряет и вытаптывает большую банановую плантацию. Причем являются толстокожие туда почти ежедневно.

— Вот там вы и сможете на них полюбоваться,— заключил он свой рассказ.

Ну что же — была не была. Я решил вернуться назад на побережье, тем более что он предложил мне проехать эти 700 километров на его грузовике и обещал довести до самого дома. Сделка была выгодна нам обоим: я погрузил весь свой многочисленный скарб к нему в кузов, с тем чтобы безо всяких пересадок доехать до места, а он приобрел себе «попутный груз» до самого дома. Итак, мы поехали.

В Сасандре мой спутник познакомил меня с владельцем несчастной плантации, которую оспаривали у него слоны. Но поскольку у этого человека было несколько плантаций, то он не так уж и огорчился по поводу их нашествия. Плантация эта находилась в 60 километрах от городка Сасандры, и он любезно вызвался отвезти нас туда.

Фермы в этих местах не носят никакого названия. Их назы-

вают просто по километровым столбам, стоящим вдоль шоссе. Номер столба возле ответвления от основной дороги, ведущего к соответствующей ферме, и есть ее «адрес». Здесь говорят: «Я живу на 91-м километре».

«Слоновая плантация» находилась на 68-м километре. Как я уже говорил, она была у владельца не единственной. На этой, размерами превышающей двести гектаров, он сам не жил. Здесь он держал лишь управляющего, африканца. Тем не менее тут имелся вполне комфортабельный дом с уютно устроенными спальнями, удобными кроватями, большим шкафом с медикаментами и еще одним, в котором хранились всякого рода инструменты; была здесь и библиотека с французскими книгами, имелись ружья, консервы, словом, все, что нужно. Отпирая нам двери дома, а затем и все шкафы, господин Шмоурло любезно просил нас быть его гостями столько, сколько нам захочется, и чувствовать себя как дома. Сам же он вынужден нас покинуть — дела. Ну что ж — чудесно.

Мы пошли осматривать его ферму. Тут было на что посмотреть! Вокруг основного дома и домиков для рабочих росли огромные — в два человеческих роста — бананы, сгибающиеся под тяжестью гроздей спелых плодов. Но стоило лишь отойти на пару сотен метров, как все вокруг превращалось в безжизненную высохшую пустыню, тянущуюся до самой опушки девственного леса. По-видимому, слоны сообразили, что бананы вкуснее зеленых веток, которые растут в лесу, и поработали здесь на славу. Они сняли не только весь урожай бананов, но поживились и большими, двухметровыми, листьями. У такого листа крепкий, словно палка, стержень, от которого в обе стороны отходит зеленая мякоть листа. Слон хватает своим хоботом такой лист снизу и стягивает с него, словно перчатку, всю мягкую зелень, оставляя торчать из земли голый стебель, напоминающий сухой растрепанный веник...

Кое-где толстокожие и вовсе учинили настоящий погром: некоторые растения были буквально втоптаны в землю, почва вокруг взрыта, а мостки, проложенные через дренажные канавы, сброшены. Только за последние несколько недель владелец плантации потерял свыше шестидесяти тонн бананов, которые он собирался отправить в Марсель. Меня поразило, с какой выдержкой и спокойствием он относился к этому убытку.

— Семь раз подряд мы заново наводили вон тот мостик, — рассказывал он мне. — А слоны опять его разрушали. Они ведь частенько бредут вброд по этой речушке, и мостик им, по-видимому, мешает на дороге. Тогда они просто разбирают его на бал-

ки и отбрасывают хоботом в сторону. Теперь мы сдались — у этих громил терпения оказалось побольше, чем у нас!

Вот, значит, какие они, эти владения Тимоко! Я уже был слышан о нем немало: по дороге и черные, и белые рассказывали мне об этом могучем вожаке слоновьего стада, с которым никто, ну совершенно никто, не в силах справиться. А на всем Береге Слоновой Кости было, собственно говоря, всего два настоящих «охотника на слонов», потому что мало находится любителей связываться с этими гигантами. Одним из охотников был «старый Кюнкель», его знали здесь повсюду. Каждый раз, когда мы заговаривали о слонах, нам рекомендовали обратиться именно к нему. Это он-то и должен был нас сопровождать в поисках слоновьего стада. Все уже было договорено, как вдруг...

Кюнкель был из бывших солдат иностранного легиона и уже в течение сорока лет жил в этой колонии. Он достиг семидесятилетнего возраста и совершенно ассимилировался, перестав чем-либо отличаться от местных жителей. В нескольких деревнях у него были черные жены и дети, ел и пил он обычно у своей черной родни и давно уже перестал принимать хинин. Жил он целиком и полностью за счет охоты на слонов. Причем пробавляясь не столько продажей слоновой кости, сколько продажей мяса населению. Когда ему удавалось уложить такого великана, он продавал окрест лежащим деревням всю эту гору слоновьего мяса, развешивая его на килограммы. Этого знаменитого Кюнкеля уже однажды снимали с двенадцатиметрового дерева, куда его не слишком-то вежливо забросил раненный им слон, сломав ему при этом полдюжины ребер.

Так вот, именно старого Кюнкеля, как нарочно, через неделю после нашего приезда в колонию «пришил» страшный Тимоко: он именно «пришил» его к земле, пропоров бивнем насквозь, вернее сказать, приколол, словно жука на булавку. Потом он, видимо, еще прогулялся по нему ногами, так что для захоронения там уже мало что оставалось...

Как это произошло? Да очень просто. Первый выстрел промазал, второй — осечка, ну а третьего уже не было. Такие просчеты ведь при охоте на слонов недопустимы.

Ничего не поделаешь. Пришлось нам обходиться без этого знаменитого специалиста. После обеда мы двинулись в путь: мы с Михаэлем и два африканских парня, которые взяли с собой нашу тяжелую аппаратуру. С час, этак, мы пробирались по растоптанным и развороченным банановым полям, пока наконец не достигли конца этой огромной плантации. Нам говорили, что именно здесь слоны держались в самое последнее время. Сразу

же за плантацией начиналась лесная полоса, миновав которую мы увидели перед собой берег реки. Кстати, когда мы в лесу перебирались по бревну через небольшой бочажок, раздался треск, бревно подо мной подломилось, и я очутился по пояс в вонючей заплесневелой воде. Но камера, слава тебе господи, осталась сухой. Оказывается, бревно было насквозь прогнившим.

Мы подошли к берегу реки, которая довольно стремительно несла свои желтовато-бурые воды. Нам показали место, где слоны обычно форсируют реку в дневные часы, чтобы на противоположном берегу в чащобе скрыться от палящего полуденного зноя. Но иногда они ленятся переходить на другую сторону и тогда проводят свою «сиесту» здесь, в этой лесополосе, отделяющей плантацию от реки. Поэтому мы, крадучись, стали пробираться по опушке леса вдоль берега.

Но это не так-то просто — красться по девственному лесу! Потому что в отдельных местах натыкаешься на самые настоящие «заграждения из колючей проволоки» — живые изгороди из переплетения лиан, веток, усеянных шипами, и колючих кустарников.

Вскоре мы действительно попали на след, но он был несвежий. Слоны здесь проходили, но не только что. Деревья и лианы толщиной в руку на высоте человеческого роста были гладко отполированы. Это могли сделать, пробираясь по чащобе, только слоны: других животных подобного роста здесь нет.

Примерно через час мы услышали впереди себя какой-то хrust и поспешно разделились на две группы: Михаэль с одним африканцем пошли направо вдоль берега, а мы с другим стали пробираться параллельно им лесом. Пробираться приходилось иногда на четвереньках, чтобы не создавать шума секачами, прорубаясь сквозь чащобу.

Слоны, безусловно, были где-то здесь, поблизости. Это можно было заметить по свежим «просекам», которые они проламывали в многометровых зарослях кустарника. По этим «просекам» и мы могли относительно удобно пробираться вслед за ними. После обеда прошел дождь, а на ветках вдоль «слоновьей тропы» не висело уже ни одной капли. Следовательно, животные прошли здесь примерно с полчаса назад. По тому, в какую сторону были заломлены ветки, я легко мог определить, в каком направлении двигались слоны. Следы их ног были не слишком велики — могучих самцов среди них, видимо, не было.

Внезапно раздался громкий треск, словно бульдозер с размаху врезался в чащу леса. Я кинулся бежать вслед за удаляющимся шумом, видел, как закачались кроны деревьев и верхушки кустарника, услышал легкий всплеск воды, и затем все стих-

ло. Ни единого кусочка слона мне не удалось увидеть! Ну ниче-гошеньки! Просто как наваждение какое-то.

Я прокричал Михаэлю и, услышав его ответный крик, двинулся ему навстречу, а он — мне. Как выяснилось, он, заслышав треск, бросился сразу же к реке, чтобы застать слонов во время переправы, но единственное, что он успел еще увидеть, это зад отнюдь не крупного слона, тотчас исчезнувшего в чащобе леса. Мы проследили путь толстокожего и обнаружили, что он спустился с берега по удобной, протоптанной тропе, а частично съехал по ней на зад — это можно было ясно различить по следам. Но, судя по всему, вся эта история слона взволновала значительно меньше нас. Мы же принялись звать своих черных проводников и тут только заметили, что они исчезли. Сбежали, значит. Так что нам пришлось одним проделать весь обратный путь до плантации, путаясь в зарослях и цепляясь за колючки. Выбравшись на плантацию, мы там сразу же обнаружили своих проводников. Еще слава богу, что они не побросали в панике нашу дорогостоящую аппаратуру! В ответ на мои упреки старший из них — Мамаду извиняющимся тоном сказал:

— У месье нет с собой ружья, как же месье может ожидать от нас, что мы отважимся приблизиться к слонам?

По дороге домой он рассказал мне, как его дядя два года тому назад погиб по вине слона. Вообще-то охота на этих животных запрещена, но у дяди имелось старое ружье. Поскольку оно было малокалиберным и убить из него слона даже на близком расстоянии представлялось невозможным, этот человек придумал следующий трюк. Он залез в дупло трухлявого дерева, росшего возле самой слоновьей тропы, и, когда великан проходил мимо, приставил ему дуло к голове и выстрелил. И он действительно убил его! Но к сожалению, слон повалился в сторону охотника и подмял под себя дерево с сидящим в нем дядей Мамаду и раздавил его в лепешку.

Как я уже говорил, здесь, вблизи экватора, круглый год светает около семи часов. В доме господина Шмоурло имелся даже будильник. Мы завели его на 4 часа утра и отправились на поиски все того же Тимоко. Дело в том, что, по утверждению Мамаду, «слон-убийца» приводит свое стадо на плантацию ежевечерне, в 9 часов, то есть спустя два часа после того, как стемнеет; уводит он свою братву примерно за час до рассвета, чтобы затем продремать всю жаркую часть дня где-нибудь в глухой, непролазной чащобе леса.

Вблизи дома мы еще освещали себе дорогу сильными электрическими фонарями, затем выключили их и стали пробираться по травянистым тропкам, ведущим меж бананов, бесшумно сту-

пая резиновыми подошвами своих кедров. Мы надели длинные брюки, дабы уберечь себя от змеиных укусов. Вскоре брюки оказались уже по колено мокрыми от ночной росы. Вся трава кругом была мокрой. И не только мокрой. Она представляла собой совершенно необычное зрелище: это была настоящая иллюминация! Повсюду вспыхивали и гасли огоньки светлячков — посветят с секунду и тушат свои фонарики. Красиво.

Африканцы с плантации отказались нас сопровождать в столь неурочный час. Одного только боя Джо удалось нам уговорить пойти с нами на это сомнительное мероприятие. Он тащил тяжелый аккумулятор для фотовспышки, без которого здесь не сделаешь ни единого снимка. Ведь на открытой местности слоны держались только по ночам, а днем в темном густом лесу без вспышки тоже ничего не снимешь.

Итак, мы молча шли по направлению к лесу, стараясь ступать как можно тише. Путь наш освещал лишь слабый свет месяца, горизонтально висевшего в небе, словно серебряная ладья... Отовсюду с опушки леса раздавались звуки африканской ночи: все здесь звало, пищало, квакало, стрекотало. Только ночью замечаешь, как много живности в таком тропическом лесу!

Затем мы засели на «расстоянии шепота» друг от друга и стали считать минуты.

Нас охватил настоящий охотничий азарт. Не то чтобы я ощущал страх, нет. Я ведь знал, что слоны, как правило, не нападают, если в них не стрелять. Они предпочитают бегство. Но тем не менее нервы мои были напряжены до крайности. Каждую минуту мне казалось, что передо мной вырастает огромная серая стена, и без особого восторга я лихорадочно обдумывал, как повести себя в случае атаки слона.

Внезапно что-то затрещало за моей спиной. Звук был довольно громкий. Я невольно ощутил биение пульса у себя на шее. Михаэль тут же подполз ко мне на четвереньках, и мы стали вдвоем прислушиваться к подозрительному шороху. Наконец он приблизился. Это был Джо, у которого от волнения расстроился желудок и который отполз в сторону по естественной надобности...

Дождавшись рассвета, мы, несколько разочарованные, вернулись домой. Днем мы развлекались киносъемкой ткачиков, гнездящихся на лимонном дереве, совсем рядом с верандой.

Под вечер послышался грохот мотора, и тяжелый грузовик подкатил к воротам фермы. Это оказался наш хозяин, господин Шмоурло, с несколькими соседями, которые решили нас немного развлечь в нашем одиночестве. Они принялись готовить коктейль под названием «коктейль буша» — довольно дьявольский напи-

ток из смеси сгущенного молока, меда и водки различных сортов. Водку здесь пьют исключительно стаканами. Так что вскоре мы все были хороши.

— Вам совершенно нечего расстраиваться по поводу слонов, — громко шептал мне в ухо господин Валон, бывший французский офицер. — Я вам скажу по секрету — все, что тут наплели о слонах — брехня, и больше ничего! Никто их тут не видел никогда! А вам, считайте, даже повезло: вы на второй же день своего пребывания уже увидели слоновью задницу, ха-ха, неправда ли, неслыханная удача? И потом — кому здесь охота связываться со слонами? Ну кому это нужно? Я вот уже двадцать лет, как здесь живу, и знаю, что слоны заходили на соседние плантации, да и на мою тоже. Ну и что? Ни разу, слышите, ни разу мне не привелось увидеть даже хотя бы уха слонového!

Затем он принялся объяснять мне, что, даже имея крупнокалиберное ружье, слона можно убить с расстояния не больше четырех или в крайнем случае шести метров, да и то надо знать правильное место, куда целиться. Самое большое расстояние — это двадцать метров. Но если и вторым выстрелом не уложишь толстокожего, то у охотника остается мало шансов выжить.

Другой гость, эльзасский француз, служивший во время первой мировой войны на германском флоте, принялся рассказывать мне самые невероятные истории. Так, он утверждал, что видел собственными глазами такой случай. На дороге близ границы Либерики валялся «в дребезину пьяный» африканец. На другое утро от него остался только обглоданный скелет: его заживо съели черные «маня», эти наводящие страх и ужас на население кочующие муравьи...

Поскольку мой собеседник знал немецкий язык, я имел возможность ответить ему не менее правдоподобной историей. Я рассказал, как несколько недель назад, в Судане, гонялся за львами. Вместе со мной были черные загонщики, языка которых я не знал. Внезапно я увидел, как лев из-за скалы собирается прыгнуть на одного из этих людей. Чтобы предупредить жертву об опасности, я вынул из своей вещевой сумки черную редьку и поднял ее над головой, что означало «черный, спасайся!»¹

В ответ на это господин Валон рассказал историю о том, как один охотник на слонов, решив започевать в лесу, привязал свой гамак к двум небольшим стволам, а утром проснулся совсем в другом месте, потому что стволы оказались не чем иным, как хоботами двух огромных слонов...

---

¹ Здесь непереводаемая игра слов. Черная редька по-немецки «Schwarzer Rettich», а «черный, спасайся»: «Schwarzer, rett dich». — *Прим. пер.*

Небылицы следовали одна за другой. Но я знаю один на первый взгляд столь же невероятный рассказ, которому я, безусловно, верю. Услышал я его от одного африканца. Однажды он застрелил слона и, отрубив у него только лишь хобот, захватил его с собой в деревню в качестве трофея и особого лакомства. Но когда они уже целой компанией вернулись в лес, чтобы забрать мясо, «убитого» слона на месте не оказалось: он убежал. Дикая история, не правда ли? Но по опыту зоологических садов мы теперь уже знаем, что слон способен перенести ампутацию хобота и питаться без его помощи.

После этой развеселой попойки на веранде, закончившейся далеко за полночь, мы, разумеется, не проснулись, как было запланировано, в 4 часа утра. Но сразу после завтрака мы отправились с одним лишь черным провожатым, не говорящим ни слова по-французски, по узкой тропе, ведущей к излучине реки, где, как нам сказали, есть деревушка, в которой можно получить деревянную пирогу с веслами. Это единственная лодка на всю округу: на сто километров вниз и сто вверх по течению.

Чтобы добраться до деревни, потребовалось не полчаса, как утверждали африканцы, а целых три с лишним часа. Тропинкой этой, удобства ради, пользовались явно и слоны. И даже больше слоны, чем эти несколько туземцев, которые по ней изредка направлялись в деревушку. Там, где почва была сыроватой, рядом с отпечатками голых ступней аборигенов ясно виднелись огромные, почти круглые «печати» слоновьих следов, диаметром в полметра! Похоже было, что дорогу «прощемпелевал» сам «господин Тимоко» собственной персоной. Шествовал он явно спокойно, не торопясь: да и кого ему здесь бояться? Он ведь прекрасно знает, что любой, кто попадет на пути, постарается как можно скорее уступить ему дорогу.

Никакой лодки у реки не оказалось. Зато на другом берегу виднелись маленькая банановая плантация и две хижины. Мы начали орать в три горла, и вскоре кто-то заорал нам в ответ. Началась продолжительная дискуссия между нашим черным провожатым и несколькими бабенками на том берегу, но лодки никакой не появилось: мужья их ушли, весел нет, а сами они боятся — вот что мы поняли из этих длительных переговоров.

Нам было жаль потраченных на дорогу трех часов, поэтому мы решили наловить хотя бы рыбы. Удочка оказалась запрятанной в кустарнике, мы ее вытащили и уселись удить. Разумеется, ничего не клевало, но зато наш провожатый, потеряв терпение, снял свою набедренную повязку и полез в воду. Тут мы только заметили, что через реку протянут трос, привязанный у самого берега за толстый, выступающий корень. До середины реки, там,

где поглубже, он был скрыт под водой и дрожал под напором течения. Наш африканец, который, как выяснилось, не умел плавать, ухватился за этот трос и, перехватываясь руками, добрался до середины реки. Там было уже значительно мельче, и он, по пояс в воде, вброд добрался до берега. Дискуссия возобновилась с новой силой, но с тем же результатом: нет, они ни за что не соглашались выдать лодку и весла. Наш провожатый тем же, затруднительным для себя способом вернулся назад. Тогда я решил действовать сам и более решительно: ведь, «доннерветтер», не сдаваться же нам столь бесславно перед этим пресловутым «королем Тимоко», устрашающим всю округу! Это было бы просто постыдно! Тем более что мы ведь не собирались его убить, а лишь увековечить на своих пленках. Итак, вперед! Крокодилы, как видно, здесь не водятся, иначе африканец не полез бы. Так что мы тоже разделись, оставшись в одних шапках-зюйдвестках (чтобы не заработать солнечного удара), и поплыли на ту сторону.

Какое это удовольствие после трехчасового потения! Кинокамеру наш провожатый привязал себе на голову. Выбравшись на берег, мы зашагали, в одних плавках и шапках, в деревню, где сначала пришлось выманивать попрятавшихся от нас за банановыми кустами женщин. Когда они наконец решились подойти поближе, мы принялись языком жестов объяснять им наши намерения. Но все было напрасно: нет, они ничего не знают, мужья их не то на охоте, не то на работе, еды у них нет, кроме нескольких плодов папайи, лодка есть, но где весла, они не знают...

Ну что ж — поищем сами. Через минуту мы их нашли запряганными в кустарник, на берегу.

Тогда мы уселись в пирогу и поплыли вниз по течению. Проплыв один или два километра, мы обнаружили греющихся на берегу крокодилов. Заметив нас, они поспешно скрылись в мутной, глинистой воде. Но слоновьих троп мы не обнаружили ни одной: ни вниз, ни вверх по течению. Следовательно, «король Тимоко» со своим стадом предпочитает держаться в лесах, окружающих плантацию, и зря мы сюда забрались! Ну что же, назад, домой.

Впрочем, хозяин плантации рассказывал нам позже, что за все те десять лет, что он здесь прожил, он еще ни разу не добрался до этой деревушки на берегу реки.

— Вы, наверное, первые белые, побывавшие там! — обрадовал он нас.

Но для того чтобы в Западной Африке утверждать подобные вещи, не много нужно. Здесь ведь стоит отойти от основных шос-

се всего лишь на пять или десять километров, углубившись в лес, как уже с уверенностью можно сказать, что в этих местах еще не ступала нога белого человека. Потому что торговцам и фермерам нет никакой нужды мучиться, продираясь сквозь непролазную чащобу. А на того, кто решается на подобные мытарства, да еще бесплатно, вроде нас, из любви к искусству, на того здесь смотрят с плохо скрываемым состраданием...

В течение трех дней подряд мы выходили на свои «дежурства» на плантацию: и в четыре, и в три, и, наконец, в два часа ночи. Мы наслаждались концертами цикад, любовались восходом солнца в тропиках. Но что касается «короля Тимоко», то нам не удалось увидеть даже кончика его хвоста! Мы уже были уверены, что этот владыка вместе со своими подданными перекочевал в другой район. Может быть, он уже преспокойно «обрабатывает» другую плантацию? И это именно сейчас, когда мы сидим здесь и караулим его! Ушел после того, как в течение восьми месяцев держался исключительно в этих местах! Поразительная неудача. Как же это плохо — не иметь в Африке машины, на которой можно быстро перебраться с одного места на другое!

Расстроенные своими неудачами, мы как-то перед обедом решили отправиться ловить бабочек для профессора Ледерера, старшего инспектора Франкфуртского зоопарка и большого специалиста по насекомым. Мы ему свято обещали перед нашим отъездом непременно привезти редких бабочек. Он даже снабдил нас для этой цели специальными сачками и объяснил, как это надо делать. А профессор Келер из Фрайбурга заказал нам африканских шмелей. Ничего не поделаешь: надо выполнять заказы.

Я подумал, что, как ни странно, нам еще ни разу не попадались на глаза колонны кочующих черных муравьев, этих знаменитых «маня», про которых утверждается, что они то и дело нападают на дома, разгоняя их жителей, в страхе бросающихся наутек. Нас уверяли, что здесь, на этой плантации, они тоже водятся.

На сей раз мы направились на другой край плантации, удалившись всего на какую-нибудь сотню или две метров от дома. Бананы стояли здесь во всей красе — никем не поврежденные. Ноги то и дело скользили по падалице — полусгнившим бананам. Ощущение ужасно неприятное — будто вступил в кучу...

Но что это? Там, где дом был скрыт выступающим вперед языком леса, мы снова увидели знакомую картину: из зарослей

бананов торчали голые «ребра» обглоданных листьев, словно поднятые кверху сабли!

Так близко от дома? Не могли же слоны отважиться подойти чуть ли не под самые окна! И тем не менее это было так. Причем края оборванных листьев еще не успели даже заветриться. Значит, слоны столовались здесь совсем недавно, среди бела дня. Вот это номер! Значит, пока мы совершали свои бесконечные походы, «господин Тимоко» пировал здесь, возле самого дома!

И действительно, слоновьи следы вдоль и поперек, ветки и трава свежепримятые и растоптанные. Вот местечко, где все разворочено: тут кто-то из толстокожих явно резвился всласть. Даже помет валялся поблизости. Нам хорошо были знакомы эти огромные шары еще по нашему слоновнику в зоопарке. Я разломил один из них — он был еще теплый внутри. Мы невольно заговорили приглушенными голосами.

Потом, не мешкая ни минуты, мы пошли по следу, который вел к опушке девственного леса. Обычно проникнуть в такой лес страшно трудно: ведь именно на опушке, куда еще проникают солнечные лучи, буйно разрастается подрост, колючий кустарник, вьющиеся спутанные растения, так что перед человеком внезапно вырастает непролазная изгородь, сквозь которую просто не прорваться. Но на сей раз слоны позаботились о том, чтобы расчистить нам дорогу. В тех местах, где они входили в лес, зияли глубокие, темные проходы в глухой зеленой стене зарослей, сквозь которые пробраться нам не стоило особого труда. Правда, для такого огромного животного, как слон, «просеки» казались чересчур узкими, но это объяснялось очень просто: слон своим мощным телом просто раздвигает большинство веток в стороны, так что они затем снова возвращаются в исходное положение. Для нас явилось неожиданностью, что на всем пути, пройденном толстокожими, не было почти ни одного сломанного дерева или ветки. Как видно, и такие гиганты не стремятся расходовать больше сил, чем это необходимо. Они не расчищают себе тщательно дорогу, а просто протискиваются сквозь заросли, сдвигая их в стороны. По стертым местам на лианах и тонких стволах мы могли определить рост проходивших здесь животных: эти места находились на высоте поднятой руки; притом нельзя забывать, что слоны обдирают растительность не верхней точкой спины, а боками. Так что рост оказался довольно внушительным. Через торчащие над землей корни и толстые лианы, достигающие порой высоты трех четвертей метра, а то и метра, слоны, к нашему неудовольствию, каждый раз перешагивали, вместо того чтобы их разорвать. Так что нам приходилось, чертыхаясь, лезть вслед за ними.

Мы не слишком-то заботились о том, чтобы поменьше шуметь. Ведь слоны сами создают в лесу такой шум, что едва ли смогут нас услышать. Хуже дело обстоит с тем, что они могут нас учуять. Ведь чутье у них отличное. А здесь, в лесу, очень трудно уловить направление ветра, чтобы подкрасться строго с подветренной стороны. Поэтому мы, следуя наставлению одного опытного охотника, всегда носили в нагрудном кармане немного муки. Если ее осторожно сыпать с пальцев, довольно точно можно определить, куда дует ветер.

Слоны не убегали от нас, но мы опасались, как бы они не зашли слишком глубоко в лес, и поэтому торопились. Мы почти бежали вслед за ними. Ведь там, где в лесу дорогу проложил слон, пробираться не так уж трудно!

Под одним старым деревом вся земля была словно перекопанна: почва выглядела рыхлой и взбитой. Здесь один из этих тяжеловесов явно отдыхал. Стоял. И даже лежал. Кругом можно было обнаружить места, где он мочился,— их было шесть или семь. А также кучи помета — их было даже двенадцать или пятнадцать, частью совсем старые и высохшие. По-видимому, слон уже давно облюбывал себе это местечко для полуденного сна и возвращался сюда все снова и снова. Совсем рядом лежало молодое вырванное с корнем деревце, листья с которого были аккуратнейшим образом сорваны, да так ловко, что все, даже самые тонкие, веточки остались на месте: съедена была только зеленая листва.

Теперь до нас уже явственно доносился треск, создаваемый слонами. Мы подкрадывались ближе и ближе; вот уже знакомое «бульканье», которое слоны время от времени издают, словно чревовещатели, животом. Мы слышали их и позади себя — значит, мы втесались в самую середину стада! Посчастливится ли нам наконец их заснять? Мы опустили на землю, не забыв, невзирая на все наше волнение, проверить предварительно, не садимся ли на «муравьиную тропу», потому что исполнять обычные в таких случаях «индейские пляски» в этой обстановке будет невозможно.

Мы приготовили свое «оружие» к бою: аппарат для вспышки, кинокамеру, фотокамеру. Шорохи и треск приближались.

В такие моменты ловишь себя на том, что невольно начинаешь оглядываться в поисках подходящего дерева, на которое в случае чего можно взобраться. Все-таки до чего у нас много общего с нашими родичами — обезьянами! Но в таком вот девственном лесу это — дело безнадежное. Стволы все слишком толстые, да к тому же снизу не имеют сучков, за которые можно было бы уцепиться. А тонкие деревца для этого совсем не при-

годны: их любой слон с легкостью согнет, если только сочтет нужным вас оттуда достать. Убегать — тоже бессмысленно, потому что, не пробежав и десяти метров, непременно запутаешься в зарослях и шлепнешься на землю, в то время как разъяренный слон промчится по тебе, словно танк...

Вот такие и подобные мысли приходят в голову, когда очутишься (особенно впервые) посреди стада диких слонов. И вскоре приходишь к выводу, что целиком находишься в зависимости от настроения такого толстокожего, как «господин Тимоко».

Прошло томительных четверть часа, и наконец примерно в двенадцати метрах от нас закачался кустарник. Сквозь него там и сям проглядывал кусок серой, изрезанной морщинами «стены», очень нам знакомой «стены». Но и только. Вскоре стена исчезла, и кустарник затих. Остро и приятно запахло слонем. Спустя еще четверть часа в лесу раздался треск — сразу в четырех, а затем даже в семи местах. И наконец-то к нам подошел еще один. На то же самое место, где и предыдущий. На сей раз мы увидели один глаз, кусок бивня (не очень массивного), ухо. Судорожно держа палец на спуске, мы надеялись, что вот-вот покажется еще больший кусок слона. Но голова стала исчезать, и только в самый последний момент Михаэль успел щелкнуть затвором. Вспышка яркого света вроде бы не смутила слона.

Мы сидели как на горячих углях. Слоны уходили все дальше и дальше. Наконец мы не выдержали, вышли из своей засады и пошли вслед за ними. Но в лесу все затихло. По-видимому, слоны нас все-таки учуяли и ускорили свой отход.

Но вот снова удача: на сей раз громко зашуршало позади нас. Мы сейчас же развернулись и направились в сторону, откуда шел звук. Идти было сравнительно легко, потому что здесь не было почти никакого подраста. Дорогу нам преградил узкий, но достаточно глубокий овраг, в который нам пришлось спуститься, а затем (на другой стороне), ухватившись за торчащие из земли корни, выбираться, подтягиваясь на руках.

Шуршание становилось все громче, пока мы наконец не увидели, что именно шуршало. Шуршали верхушки деревьев, где на высоте пятидесяти — шестидесяти метров бесновалась целая ватага мартышек, обругивая не то нас, не то слонов, не то друг друга.

Мы невольно рассмеялись. Нервное напряжение улеглось, и мы решили обсудить план дальнейших действий. Поскольку мы теперь знаем, в какой части леса засели слоны и откуда они приходят на плантацию, то, пожалуй, разумнее всего поджидать их там, на открытой местности, где снимки выйдут безусловно лучше. Решено. Пошли домой.

Да, домо́й, но как? Мы принялись искать какую-нибудь «слонью тропу» — они ведь все ведут из леса на плантацию, но сколько мы ни метались из стороны в сторону, что-то никаких таких троп не было видно! Ну да бог с ними, с тропами, у нас есть секач, будем прорубаться напрямую в сторону плантации. Но тут выяснилось, что Михаэль считает, что нам нужно идти совсем в другом направлении, чем считал я. Вот так история!

Итак, «слон-убийца» Тимок заманил нас в хорошенькую ловушку! У нас не было с собой компаса, потому что мы ведь в тот день не собирались уходить далеко от дома и занимались в основном ловлей бабочек. И, кроме кино- и фотокамеры, у нас вообще ничего с собой не было, уж не говоря о еде и питье.

Мы продолжали плутать по лесу и попадали все в новые, совсем незнакомые места. Солнце спряталось за тучи, небо стало совсем серым и пасмурным. Но даже будь оно ясным, нам все равно с трудом удалось бы разглядеть солнце сквозь такой густой и непроницаемый, да к тому же головокружительной высоты лиственный полог.

Веселенькие дела! При этом мы наверняка плутали не дальше чем в двух-трех часах ходьбы от фермы. Она находилась с одной из сторон леса, а под прямым углом к ней подходила проселочная дорога. Так что если мы отправимся напрямиком в каком-нибудь направлении, то либо выберемся на ферму или дорогу, либо углубимся в лес еще на 60—70 или еще больше километров. Англичане в таких случаях говорят: «Фифти-фифти».

При этом я хорошо знал, как трудно человеку в лесу идти прямо, если он не имеет возможности придерживаться определенных ориентиров на горизонте или ориентироваться по компасу или по звездам. И человек, и животное в таком случае, как правило, начинают описывать круги, воображая, что движутся по прямой. Если человеку завязать глаза, то диаметр таких кругов может иногда доходить до 30—40 метров. Я когда-то довольно вплотную занимался этим вопросом и знаю случаи, когда канадские дровосеки постепенно теряли рассудок от того, что через два-три дня блуждания по лесу все снова и снова наталкивались на остатки своих собственных лагерных костров...

Эти-то случаи самым неприятным образом всплыли сейчас в моей памяти.

Я судорожно соображал, что бы такое придумать, чтобы идти прямо. Слоны нас уже совершенно перестали интересовать. В конце концов мы придумали следующее: я становился лицом в одном определенном направлении и стоял как вкопанный, в то время как Михаэль прорубался секачом сквозь чащобу до тех пор, пока я еще мог различить его сквозь заросли. При этом я

все время давал ему команды, чтобы он оставался на воображаемой линии, идущей прямо и вперед от моего носа. Потом он должен был остановиться спиной ко мне, я догонял его и прорубался вперед таким же способом под его команды. Так мы, непрерывно меняясь местами, продвигались все дальше и дальше в течение всей оставшейся половины дня. Своим ножом-мачете мы оставляли на всякий случай зарубки на деревьях, чтобы по ним узнать местность, в случае если мы, несмотря на все ухищрения, снова сюда вернемся.

С тяжелым сердцем я думал о том, что у нас с собой нет даже шприца с противоземной сывороткой. Следовательно, укус змеи здесь, в лесу, означал верную смерть... Завидя светлую прогалину между вершинами деревьев, мы каждый раз воображали, что лес кончается... но остерегались менять из-за этого направление. Мы лишь смещались под прямым углом влево или вправо и, очутившись таким образом прямо против многообещающего просвета, маршировали дальше в прежнем направлении. Но каждый раз нас постигало разочарование: мнимая опушка оказывалась небольшой полянкой, окаймляющей берега какого-нибудь ручейка, или просто просекой, «вырубленной» одним из повалившихся гигантов девственного леса.

Каждого из нас мучили черные мысли, но говорить о них вслух не хотелось. Мы проклинали себя за то, что так вот, здорово живешь, забежали в лес, не подумав о возможных последствиях. Начал нас мучить и голод. И как же мы обрадовались, когда увидели те самые красные «лиановые луковичи», которые так охотно поедали шимпанзе в резервате, на границе Либерии! Как хорошо, что мы теперь знали, что они съедобны! Они были приятно кисловаты на вкус, и мы наелись ими досыта да еще попихали во все карманы столько, сколько влезло. Мы, правда, опасались, как бы эти плоды, съеденные в таком количестве, не вызвали у нас расстройства желудка, но поскольку не было никакого выбора, то лучше наестся так, чтобы проголодало, чем голодать.

Но в какой-то момент лес действительно поредел. Однако именно в этом направлении подлесок становился таким непролазным, что продрасться сквозь него было практически невозможно. Наш нож-мачете вскоре совсем притупился, и мы застряли в колючем кустарнике, словно мухи в паутине: ни туда ни сюда. Ведь чем реже становился лес, тем больше проникает в него солнечных лучей, тем гуще разрастается подлесок. Но тут мы обнаружили совсем рядом небольшое деревце, на которое можно было влезть, чтобы оглядеться вокруг. Оно было густо обвито лианами, и я с невероятными усилиями долез по ним до самой

вершины. Сверху я увидел, что впереди действительно светится большая прогалина, почти четырехугольной формы, и мое сердце запрыгало от радости: это определенно заброшенная плантация, следовательно, часть плантации нашего хозяина или одного из его соседей!

Итак, вперед, и только вперед! Нам надо было во что бы то ни стало добраться до этой прогалины и пересечь ее поперек. Это было мучительное продвижение — метр за метром. Но вскоре мы заметили, что под ногами у нас начинает хлюпать болото... а на болоте никто не закладывает плантаций. Вот, оказывается, чем объяснялось отсутствие здесь высоких деревьев: болото. Мы были очень подавлены.

Тем временем день клонился к вечеру. Солнце, хотя еще и не ушло за горизонт, тем не менее прочно спряталось за сгустившиеся тучи. А ведь все последние дни погода стояла такая ясная!

Поскольку мы знали, что через полчаса стемнеет, мы принялись подыскивать какое-нибудь свobodное от насекомых местечко, нарубили веток и, сложив их в кучу, устроили себе пышное ложе. Все это выглядело весьма романтично, совсем как в приключенческих фильмах. Однако подобные вещи кажутся всегда значительно интереснее, когда они уже пережиты и позади... А кроме того, было что-то смехотворное в нашем положении, потому что мы же явно были где-то совсем близко от плантации! Тем не менее африканцы, живущие на ней, не хватятся нас до утра. Они наверняка подумали, что мы вышли на шоссе и на какой-то попутной машине укатили в гости к кому-нибудь из соседей. Ужасно дурацкая ситуация. Ни карманного фонарика нет с собой, ни даже спичек, чтобы зажечь костер.

Не то чтобы мы боялись диких животных: львов ведь в лесу не бывает, и я не слышал, чтобы в этих местах какой-либо леопард напал на людей. Тем не менее мы настороженно вглядывались во тьму леса, откуда то и дело начинали загадочно светиться глаза каких-то животных, которые на поверку каждый раз оказывались то дрожащим светлым лепестком, а то еще чем-нибудь. А вот что на нас действительно нагоняло страх — это змеи. Только бы не змея!

Зато нам представилась блестящая возможность изучать голоса ночного африканского леса... Разумеется, нам казалось, что мы не сомкнули глаз до самого рассвета, однако обычно это только кажется, потому что минуты и часы бодрствования в таких случаях тянутся бесконечно долго. Между прочим, сказки и поверья африканцев относительно духов и прочих потусторонних существ, над которыми мы обычно так потешались, этой ночью показали нам не такой уж и выдумкой. Мы лежали и тихо

беседовали о доме. О своем далеком доме. Когда в лесу снова стало несколько светлее и тише, мы поднялись и в предрассветную рань, изрядно промокшие, пустились снова в путь. Хорошо еще, что ночью не разразилась гроза, как это часто здесь случается. Мы упрямо продолжали свое движение вперед, по-прежнему направляя друг друга криками. Слава богу, у нас хоть были с собой карманные часы. В половине двенадцатого пополудни мы увидели банановый куст, наполовину задушенный зарослями вьющихся растений. Но на этот раз мы опасались преждевременно изъявлять свой восторг по этому поводу: ведь могло же оказаться, что это случайно попавший в лес банан. А может быть, существует какой-нибудь дикий банан? Все ведь возможно. Но вскоре высокие деревья стали расступаться, уступив место чудовищному переплетению колючих кустарников высотой в 4—5 метров, и, продираясь сквозь это препятствие, мы обнаружили второй, затем третий и четвертый банановый куст, а вскоре и пятый, и шестой. Местность походила на старую, заброшенную плантацию, постепенно зарастающую кустарником. Потом под ногами у нас захлюпало, мы пересекли какую-то большую лужу, а затем банановые кусты уже выстроились почти четкими рядами. Вскоре мы наткнулись на едва заметную в траве узкую тропу, по которой добрались уже до настоящей, «своей» плантации. Смертельно усталые, мы ввалились в дом. Никто из африканцев, как мы и думали, нас не хватился. Но мы и сами совершенно не хотели афишировать свою невольную ночевку вне дома.

Теперь, в уютном жилище нашего гостеприимного хозяина, все эти рассказы о том, что дух последнего могучего короля бауле — Самори * — вселился в огромного непобедимого слона Тимоко, нам снова стали казаться смехотворными. Ночные страхи были уже позади, и мы опять строили планы, как нам справиться с этим проклятым Тимоко. В тот же день, сразу же после обеда, мы отправились на то самое место, с которого накануне так неосторожно кинулись в лес.

Так и есть: пока мы торчали в лесу, «господин Тимоко» снова побывал здесь и лакомился бананами. Мы внимательно осмотрели место, откуда слоны должны были появиться из леса, и принялись выбирать себе наиболее удобную позицию, которую ночью собирались занять. И тут мы обнаружили удивительный куст, на конце каждой веточки которого рос совершенно серебряный листочек. Мне никогда прежде не приходилось видеть подобного растения, и я обратил на него внимание Михаэля. Тот, недолго думая, полез по колено в густой траве к кусту, чтобы срезать ветку.

А дальше все произошло в мгновение ока, гораздо быстрее,

чем это можно описать. Раздался громкий шорох, Михаэль крикнул:

— Змея! — причем скорее радостно, чем испуганно. И тут же:

— Ой, проклятье, она меня укусила! Она меня укусила!

Надо же было так случиться, что мы вышли из дома в шортах, не переодевшись в длинные брюки. Ведь вышли-то всего на пару минут, чтобы выбрать место для ночных съемок. Сбоку, на голени, у Михаэля виднелся след укуса — две дырочки. Они даже почти не кровоточили. Михаэлю удалось увидеть только кусок змеи, и тот, по его утверждению, был черным. Он утверждал также, что змея была длиной не менее трех, а то и четырех метров. Однако такие вещи очень трудно правильно оценить в подобных зарослях.

Но вообще-то случившееся было против всяких правил, потому что обычно ядовитая змея, даже в Африке, не так-то легко решается напасть на человека. Он ей просто не нужен — она ведь его не ест. Кусаются змеи только тогда, когда на них наступят или неосторожным образом усядутся. У Михаэля же не было такого ощущения, что он наступил на змею, разве что на самый тоненький кончик хвоста, которого не ощутил под ногой. Правда, могло быть и так, что этот куст был собственностью этой змеи, что она под ним выводила свое потомство и поэтому так яростно его защищала.

Парень мой ужасно побледнел. На лбу у него выступили крупные капли пота, но, возможно, просто от испуга. Совсем не обязательно, что змея была ядовитой. Однако он ощущал невыносимо колющую боль в ноге.

Первым делом я выволок его из кустарника, и, найдя свободное от травы место, опустил на землю. Учтя опыт последних дней, я на сей раз захватил с собой нашу коробочку с противозмеиной сывороткой и шприцем для инъекций. Правда, он был не очень тщательно отмыт от пенициллина, который я незадолго до этого вводил собаке одного знакомого, но это сейчас уже не имело значения. Сыворотка оказалась, к счастью, «поливалентной», местного производства, из Дакара; я купил ее в аптеке, в Абиджане. Она действует против укусов любых ядовитых змей, встречающихся в этих районах. И хотя я из Франкфурта тоже привез два сорта сыворотки, но эта была лучше. Потому что у немецких надо было заранее определить, каким именно видом змей укушен пациент. А это далеко не всегда возможно: вот, например, в нашем случае.

Итак, я, как это рекомендовалось испокон веков, перетянул ногу ремнем, используя палочку в качестве рычага. Нога покрас-

нела, затем даже несколько посинела, а вокруг укуса начала вздвигаться зловещая опухоль. Михаэль жаловался на головную боль, речь его стала несколько бессвязной. Я оттянул ему кожу на животе (как же он исхудал, однако, за последнее время!) и вкатил ему в мышцу изрядную порцию этой прозрачной жидкости. После этого я несколько ослабил жгут и через каждые полминуты ослаблял его снова, каждый раз на одно-два сердцебиения, чтобы нога не омертвела.

Потом я кинулся к дому и позвал африканцев. Взявшись за руки, мы устроили нечто вроде носилок и отнесли моего сына домой, где уложили на постель. Он лежал довольно безучастный и давал неясные, спутанные ответы на мои вопросы. Бедняга. На всякий случай я ввел ему еще и сердечное средство.

К счастью, все скоро уладилось. К вечеру мой пациент уже сидел на кровати, на другое утро он ощущал только слабость и головную боль. Кроме того, у него сделалось расстройство желудка, но я не уверен, что это было связано со змеиным укусом.

Вечером следующего дня мы уже снова строили планы новой операции против Тимоко, а еще через день, ночью, вернее в три часа утра, отправились на свой «пост». На сей раз мы предусмотрительно надели не только длинные брюки, но и сапоги, захваченные с собой из Франкфурта. За все это время мы надевали их всего один раз.

И вот в ту ночь наконец-то нам удалось перехитрить Тимоко. Он пришел на плантацию вместе с небольшой компанией слонов; правда, не оттуда, откуда мы его ожидали, а из другой части леса. Слонов было, наверно, шесть-семь. Они не спеша продвигались вперед и паслись: то тут постоят пять минут, то там с четверть часа. Мы слышали, как они двигаются (точно так же, как тогда в лесу), но не могли различить в темноте их силуэтов, хотя нам казалось, что вот-вот они вырастут перед нами во весь рост. Однако мы договорились на сей раз не идти им навстречу со своей аппаратурой, цепляясь за кустарник и производя шум, а дожидаться, когда они сами выйдут на нас.

И мы это выдержали! Хотя от нетерпения нас буквально лихорадило. Наконец огромный Тимоко был уже совсем рядом, в каких-нибудь пятнадцати метрах от нас. Тем не менее нужно было еще ждать и ждать, потому что все время нас разделял какой-нибудь высоченный куст. Потом несколько раз блеснули в темноте его массивные белые бивни, а затем уже он появился во весь рост.

Я прошептал: «Давай!» — и в тот же миг вспышка осветила дневным светом все вокруг. Я несколько перепугался: не бросится ли он на нас? Но нет, Тимоко не обратил никакого внимания

на яркую вспышку, она ведь заняла всего пятитысячную долю секунды. Возможно, он принял ее за зарницу.

А Михаэль автоматически продолжал снимать: шелк, шелк, второй, третий раз, вспышка следовала за вспышкой. Тут слон забеспокоился. Он повернул в нашу сторону свою большую голову и оттопырил уши. Затем он задом попятился в кусты и исчез из поля зрения. Мы слышали шорох веток, задевавших за его огромное тело. А потом все затихло.

А был ли слон? Мы чувствовали себя не слишком уверенно, поэтому молча и не шевелясь просидели в своем укрытии еще с полчаса, прежде чем решились выйти. Слонов нигде не было видно: они исчезли как наваждение. Но у нас-то на пленке они должны быть!

Ликуя, мы заспешили домой и, полные нетерпения, принялись тут же, ночью, проявлять пленку. Три кадра вышли вполне прилично! Ура! Мы разбудили боя Джо, потому что спать ложиться не было уже никакого смысла: за окном всходило солнце.

Впрочем, хочу быть честным до конца. Был ли тот ночной гость, которого нам удалось запечатлеть на пленке, действительно «королем Тимоко», собственной персоной, или один из его приближенных, этого мы достоверно сказать не можем. Африканцы, которым мы потом показывали эти снимки, тоже не могли точно определить, он ли это. По-видимому, никто из них еще ни разу его не видел в лицо.

Но мы все равно считаем, что это он, этот хитрый и могучий властелин девственного леса, окружающего ферму и плантации на «шестьдесят восьмом километре». И рады, что перехитрили его.

Еще нагана охраняет диких животных...

Когда знаменитый исследователь Африки, Ливингстон, в 1857 году, впервые пересекая Черный континент, проходил со своим караваном по долинам реки Замбези и достиг берегов озера Танганьика, он заметил, что с его домашним скотом творится что-то неладное. Шерсть у коров сделалась жесткой и взъерошенной; и, несмотря на то что они жадно поедали сочную траву, росшую в этой плодородной местности, они тощали буквально на глазах. Большую часть дня коровы стояли с низко опущенной головой и полузакрытыми глазами. У них переставали сгибаться суставы, походка становилась все неувереннее, коровы шатались и падали и через несколько недель неминуемо погибали. Все как одна.

Чем чаще в последующие годы проникали во внутренние земли Африки различные исследовательские и охотничьи экспедиции, чем больше поселялось там белых фермеров, тем очевиднее становился факт, что в обширных районах этого континента европейский домашний скот просто-напросто не выживает. Собаки умирали, у лошадей отекали животы и ноги, и они погибали медленной мучительной смертью; даже неприхотливые козы и овцы и те не выдерживали. Не одна экспедиция была вынуждена из-за этого возвращаться назад пешком, пробираясь, сквозь девственные леса или по раскаленным степям, если ее участники вообще еще были в силах идти и в состоянии найти обратную дорогу. Ввезенный в Африку дорогостоящий европейский рогатый скот и лошади вскоре превращались в бросовый товар — никому не нужные скелеты, обтянутые кожей. Тучные стада, которые прогоняли через эти страшные районы на бойню, прибывали к месту назначения отощавшими, едва живыми или не прибывали вообще...

В 1879 году усатый английский военврач Дэвид Брюс вместе со своей молодой женой отправился исследовать районы, в которых свирепствовала загадочная эпизоотия, получившая название «нагана». И, несмотря на то что они ехали в повозке, запряженной волами, на которой им пришлось бесконечно долго тащиться именно по самым зараженным местам Африки, тем не менее им удалось пробиться в Зулуленд, до самого Убомо.

«Нагана» или, вернее, «нгана» — слово, взятое из зулусского языка, обозначающее нечто вроде «бессильный, шаткий».

Коренастый, несколько неотесанный англичанин Брюс несколько не соответствовал обычным представлениям о естествоиспытателях и ученых вообще. Он и не подумал хвататься сразу же за микроскоп и лабораторные инструменты, а проделал совсем простой опыт. Он решил проверить, правильно ли утверждение некоторых африканцев, что достаточно не давать скоту есть и пить во время прогона через зараженную местность, и он останется здоровым. Заражается он якобы только через корм. Так, в Убомо, расположенном в довольно высокой гористой местности, домашний скот не был подвержен этой страшной напасти. Стоило же фермерам согнать коров пастись вниз, на сочные луга долины, как они вскорости неминуемо погибали.

Брюс согнал вниз, в долину, нескольких лошадей, подвывая им предварительно полотняные «намордники», чтобы они не могли ни есть ни пить. Через 6—9 дней после возвращения в Убомо этих лошадей залихорадило, из глаз и носа у них потекло, и они погибли от злосчастной наганы, несмотря на то что весь остальной скот вокруг оставался здоровым. Следовательно, утверждение африканцев не соответствовало действительности.

Но были и такие племена, которые утверждали, что переносчиками заразы являются мухи цеце, те же самые пресловутые мухи, которые переносят сонную болезнь среди людей. На вид они мало чем отличаются от наших европейских комнатных мух или тех, которые обитают в конюшнях и хлевах.

Брюс снова согнал нескольких лошадей в долину, предварительно зашив их самым тщательным образом в несколько слоев марли. В таком виде они были совершенно недоступны для мух цеце, пикирующих на них со всех сторон. Ни одной мухе не удалось попить крови у этих лошадей. Когда они вернулись наверх, то оказались совершенно здоровыми!

Тогда Брюс нанял боев и вместе с ними отправился на «мушиную охоту». Вскоре они вернулись с несколькими дюжинами этих отвратительных маленьких бестий в мешочке. Марлевый колпак с мухами прикладывали к лошадиным спинам так, чтобы голодные твари могли впиться в кожу и сосать кровь. И смотри-те-ка, здоровые лошади, ни разу не побывавшие в зараженной наганой местности, начинали чахнуть и погибали!

Вскоре после этого Брюсу удалось обнаружить в крови больных животных возбудителей этой болезни. Ими оказались странные, сигарообразные, но весьма юркие и подвижные простейшие с тонким и длинным жгутиком. Они получили название «Трупапосома брусеи». Самому Брюсу, которому удалось выявить причи-

ны еще нескольких других болезней, в частности загадочной «мальтийской лихорадки», королева даровала титул лорда; африканскому же скоту само по себе открытие возбудителя страшной болезни принесло пока еще мало пользы. От года к году, от десятилетия к десятилетию все новые и новые области Африки подвергались заражению наганой. Она сгоняла скотоводческие племена на небольшие и тесные территории, которые вскоре от перевыпаса теряли свой естественный густой растительный покров и превращались в пыльную бесплодную степь. Большая часть туземного населения тропической Центральной Африки на сегодняшний день голодает из-за того, что лишена возможности заниматься скотоводством, а следовательно, и земледелием. А дикие животные, являвшиеся в прежние времена бесперебойными поставщиками мяса для местного населения, за годы колониализма были бесследно истреблены. Разрушение же земель в тех частях Африки, где не свирепствует нагана, происходит по другой причине: у многих племен богатство измеряется поголовьем рогатого скота; поэтому скотоводы стараются насколько возможно увеличить свое стадо, независимо от того, сколько каждая отдельная корова может дать молока или мяса. Такие гипертрофированные стада поедают и вытаптывают всю растительность в округе.

Вскоре колониальные власти объявили мухе цеце войну. Многочисленные бригады африканцев занимались тем, что вырубали буш, освобождая от деревьев и кустарников огромные пространства, на которых эти опасные кровососы не в состоянии жить и размножаться. Многие фермеры просто сжигали буш до основания. Вскоре пришли к выводу, что достаточно создать вокруг пастбищ мертвые, лишённые всякой растительности, зоны, зачатую не шире нескольких сотен метров, чтобы помешать распространению мух и обречь их на голодную смерть. На берегах озера Виктория, в Уганде, например, зараженный буш разделили широкими просеками на отдельные части, которые затем, каждая по отдельности, очищались от мух цеце с помощью «мушиных ббев», то есть негритянских мальчиков, вооруженных сачками.

Но искусственные степные пожары и вырубание кустарника и деревьев только усиливали засуху во все новых районах Африканского континента, который и без того с каждым десятилетием делается все суше и суше... Кроме того, выяснилось, что среди мух цеце — переносчиков инфекции существуют разные виды, с совершенно различным образом жизни. Одни виды привязаны к берегам рек или озер, другие кусают только ночью, а не днем, а иные не нуждаются в тени и могут проводить все свое время

на солнцепеке. Так что истребить мух цеце в Африке невозможно, не превратив весь континент в сплошную Сахару...

Тем временем изучение мух продолжалось. Другие исследователи принялись развивать дальше открытие Брюса. Они задали себе вопрос: откуда же мухи эти, являющиеся переносчиками инфекции, получают возбудителей трипанозом, когда обитают в местностях, где нет ни лошадей, ни рогатого скота? Вскоре удалось выяснить, что трипанозомы встречаются в крови и таких животных, как верблюды, буйволы, зебры, слоны, антилопы, а также хищных зверей. Но их там всегда бывает немного, и дикие животные из-за них не заболевают.

После этого открытия началась одна из самых страшных страниц в жизни африканских животных, которая, кстати сказать, и на сегодняшний день еще не закончена. Было решено не истреблять самих мух цеце, а отнять у них возможность снабжаться трипанозомами. Уничтожая диких животных, колониальные власти тешили себя надеждой освободить таким способом обширные плодородные угодья под скотоводство и сельское хозяйство. Так, Англия, которая сейчас вынуждена ежегодно платить миллиард и сто миллионов марок за аргентинское мясо, строила радужные планы развести в своих африканских колониях собственные тысячные стада, такие же, как в Аргентине.

Итак, в колониальной Африке разразилась страшнейшая и жесточайшая бойня, к сожалению почти не замеченная во всем остальном мире. За годы 1924—1944 было убито 79 216 дукеров (в одном 1945 году — 7518 штук); за это же время расстались с жизнью 14 799 бушбоков (в 1944 году — 1888 штук); 2368 ориби; 23 531 карликовая антилопа; 8003 диких свиньи; 288 редчайших конгоны; 219 носорогов; 36 596 куду; 1646 буйволов; 6532 крупные антилопы — канны; 8691 водяной козел; 22 430 кистеухих свиней; 23 196 черных лошадиных антилоп; 16 918 павианов. Эти цифры, относящиеся к одним лишь районам бывшей Танганьики и Северной Родезии, где велась такая война, включают и те виды животных, которые и без того обречены на вымирание.

А между тем Черный континент, населенный интереснейшими древними народностями, с его совершенно необычным, уникальным животным миром — это идеальный пример собственности всего человечества в целом. Независимо от того, какая власть случайным образом захватила ту или иную территорию, превратив ее в свою колонию. Миллионы людей на земле мечтают увидеть в Африке последний «край обетованный», с неповторимой, в своем великолепии, живой природой, по лесам которого разгуливают слоны, в реках купаются и ныряют бегемоты, а львы охотятся за зебрами и жирафами. Ни одно иностранное государство,

по чистой случайности захватившее временно власть в какой-либо африканской стране, не имеет права (без серьезных научных обоснований) так грубо и варварски вмешиваться в дела ее природы! Ведь после того как полмиллиона крупных животных было уже безжалостно отстреляно, выяснилось, что трипанозомы могут существовать и за счет крови мелких грызунов. А их-то уже никогда не удастся окончательно истребить!

Возбудителем сонной болезни, которая так невинно начинается с распухания желез на шее, а потом уничтожает население целых негритянских деревень, тоже является трипанозом, весьма сходный с тем, который вызывает нагану. Немецкие исследователи открыли надежное средство борьбы со страшной, мучительной смертью, угрожающей Черному континенту. Содержалось оно в германине и других химических препаратах. Решено было испытать их и против наганы. Однако один германин не помог. Когда же к нему стали добавлять еще и «Vrechweinstein», то коров, инъецированных этим средством, в Зулуленде удавалось сохранять абсолютно здоровыми и упитанными в стаде, полностью зараженном наганой. Но средство это необходимо было через каждые две недели вводить в вену на шее животного. При такой профилактике кровь скота оставалась свободной от этих пронырливых трипанозом.

Но попробуйте, так вот запросто, корове попасть шприцем в вену! Для этого необходимы ветеринары и специалисты. Кому же захочется каждые две недели отлавливать полудиких африканских коров, пасущихся на свободе, вязать их, валить на землю и инъецировать? И кто согласится при столь низких ценах на скот нести расходы по этому мероприятию? Никто. Следовательно, средство это оказалось практически непригодным.

Тем временем английские исследователи сделали открытие, преобразившее лик Африки. Группа, состоящая из 25 ветеринаров, биологов и химиков во главе с доктором Кардом и доктором Давейем, некоторое время назад выпустила замечательный препарат против малярии. Называется он палудрин и вырабатывается на базе каменноугольной смолы. Продолжая экспериментировать с этим препаратом на мышах, исследователи обнаружили, что он оказывает определенное действие и при лечении болезней, переносчиком которых служит муха цеце. Дальнейшие эксперименты показали, что действие на трипанозомы оказывает не сам палудрин, а некий побочный элемент палудрина, своего рода «загрязнение» чистого препарата. Это «загрязнение» удалось отделить и получить в чистом виде. Так появился новый препарат М-7555, известный теперь под названием «антрицид». Скоту он не наносит никакого побочного вреда, и его не нужно

вводить внутривенно. Фермер может сам, без чьей-либо помощи, вводить его под кожу обыкновенным шприцем. Уже одно это — большое преимущество. Судя по описанию нового препарата, антрицид является надежным средством для лечения наганы у домашних животных. Но что еще важнее — это то, что профилактическое инъектирование антрицидом делает животных не восприимчивыми к заболеванию в течение четырех и даже шести месяцев.

На новые медицинские препараты обычно возлагают слишком большие надежды. Но если даже не это изобретение, то какое-нибудь другое или третье в скором времени позволит покончить с вопросом о нагане.

Однако перспективы, которые открывает подобное новое средство, не самые радужные... На сегодняшний день нагана господствует почти во всей тропической Африке, области, в 75 раз превышающей по размерам Англию и в четыре раза Аргентину. Она тянется от Судана до Наталя. А в таких странах, как Кения, Танзания, Ньясаленд и Северная Родезия¹, а также в большинстве «небританских» стран Африки более половины земель заражено и не пригодны для скотоводства. По Южной Родезии нагана тоже распространяется с каждым годом все дальше и дальше, захватывая все новые районы. На Золотом Берегу, в южной части Нигерии и в стране Ашанти — такая же картина. Если найдется эффективное средство против наганы, то новые бескрайние области, заросшие сейчас зеленой растительностью, будут вытоптаны копытами непомерно огромных стад коров. Тогда и там исчезнут последние антилопы, жирафы, слоны, зебры и буйволы, а вслед за ними и львы, леопарды, гепарды и гиены. Исчезнет все.

Точно так же, как сейчас охотящихся на бизонов краснокожих можно найти только в книжках, так же и сообщения исследователей Африки, их приключения со слонами и львами через пару десятков лет станут легендами из далекого прошлого. Там, где ночью в степи раздавался мощный рык льва, там все заполнят стада рогатого скота, скашивающие, словно сенокосилка, траву с последней, нетронутой части света. Современные культурные растения высосут все соки из земли и ничего не вернут ей назад. И тогда — как мы это видим уже сегодня в Северной Америке, Аргентине и других южноамериканских странах — огромные части этого континента будут становиться год от года все засушливее, потеряют плодородие и неминуемо пойдут навстречу своей необратимой «пустынной» судьбе...

---

¹ Ныне Малави и Замбия.— *Прим. ред.*

У нас прибавление семейства: Роджер и Ака

Я собирался наблюдать в Африке за зоопарковскими животными, обитающими на воле, но вовсе не намеревался захватывать кого-либо из них с собой, домой. Поэтому я уже заранее взял два обратных билета на самолет — себе и сыну. Но, как известно, «привычка — вторая натура», да и Михаэль донимал меня всю дорогу своими просьбами «не возвращаться с пустыми руками».

Во время нашей погони за «королем Тимоко» по окрестным лесам портового города Сасандры мы как-то зашли в клуб белых жителей города под названием «Cercle». Там я познакомился с одним французским коммерсантом, который рассказал мне, что недалеко, за городом, какой-то голландец держит у себя на пальмовой плантации молодого шимпанзе, от которого будет рад избавиться. Мой любезный собеседник даже предложил отвезти меня туда на своей машине. Недолго думая, я согласился, и вскоре мы уже катили мимо бесконечных, аккуратно, как по линейке, посаженных пальмовых плантаций, пока не добрались до виллы мистера Фюита. Это был настоящий «дворец», построенный непосредственно на берегу тропической Атлантики, на выходящей в море косе.

Мы сразу увидели маленькую самочку шимпанзе, бегавшую вокруг их дома, словно сестричка нашей Катрин, что жила тогда у нас во Франкфурте. Фюиты получили ее в подарок от африканцев, подстреливших и съевших ее мать.

Между прочим, именно таким способом большинство шимпанзе попадают в зоопарки. Это важно знать тому, кто проводит зоопсихологические опыты. Потому что в Европе многие воображают, что шимпанзе отлавливают каким-нибудь опасным способом в романтической обстановке или в крайнем случае заманивают в западни. Ничего подобного. И кому это охота сегодня ангажировать за бешеные деньги население целой африканской деревушки, эдак человек сто, чтобы окружить семью шимпанзе? Ведь африканцы получают теперь почти повсюду почасовую оплату, как и европейские рабочие. Поэтому пойманные таким способом животные стояли бы целое состояние. А кроме того, я, например, не представляю себе, кто бы это мог справиться с диким взрослым самцом-шимпанзе, не стреляя в него.

Девочка-шимпанзе Ака была настоящим сорванцом. К тому

же достаточно нахальным. Ее больше не пускали в жилые комнаты, потому что она там все переворачивала вверх дном. Зато она в свое удовольствие развлекалась в помещении маслобойни, включала и выключала рубильники, выпускала пар или нажимала на кнопку сирены. Ее приемная мать, госпожа Фюит, все время волновалась за обезьянку: не дай бог попадет ногой или рукой в какой-нибудь приводной ремень! Поэтому было решено отправить ее в Амстердамский зоопарк. Однако французское колониальное министерство не давало разрешения на вывоз животного, потому что шимпанзе находятся под охраной государства. Я же перед своим отъездом раздобыл в Париже на всякий случай разрешение на вывоз нескольких человекообразных обезьян и поэтому с легкостью договорился с Фюитами, что заберу их питомца с собой.

С Фюитами — да. Но не с маленькой Акой. Она была страстной автомобилисткой и охотно залезла в нашу машину, усевшись в кабину водителя. Однако, как только француз, который нас сюда привез, сел за руль и собрался трогаться, она громко заверещала, стала рваться к своей «мамаше», а когда ее попытались удержать, впала в настоящую истерику и до того разволновалась, что обделала все сиденье и запачкала рубашку любезного французского господина.

Делать нечего, пришлось вынести из дома ее клетку (которую нам дали с собой). Это было аккуратно и с любовью изготовленное сооружение из твердой древесины, с решеткой из круглых железных прутьев. Однако нельзя забывать, что человекообразные обезьяны значительно умнее всех других животных, и, когда эта махина уже стояла у нас в кузове, Ака поняла, что ее увозят, и наотрез отказалась в нее заходить. Она даже укусила свою «мать», пытавшуюся уговорить ее туда зайти.

Что делать? Мы с Михаэлем переглянулись и тяжело вздохнули. Сейчас нам придется продемонстрировать не очень-то приятную сцену: хорошо отработанной хваткой зоопарковских работников надо молниеносно схватить обезьяну за руки и заломить их за спину. Затем удержать и обе ноги, да притом следить за тем, чтобы взбешенное животное не сумело дотянуться до нас головой и укусить. Вот так. Теперь скорее в клетку, дверь на засов и поехали! В такие моменты чувствуешь себя не слишком-то приятно. Словно живодер какой-то! Госпожа Фюит украдкой, за нашей спиной, вытирала слезы...

Дорогой нам кто-то рассказал о другом шимпанзе, живущем у одного француза на лесопилке. Мы въехали прямо на грузовике к нему во двор, и после первого аперитива я изложил ему свое намерение.

— *Quelle belle chance!* («Какой удачный случай!») — вырвалось у хозяйки дома.

Нас повели в ближайший лесок, где жил этот взрослый, двадцатилетний самец-шимпанзе. Вот уже два года, как его «отлучили» от дома, потому что он почему-то не выносил африканцев и каждый раз скандалил и вопил, когда заставлял на дворе черных работников.

Животное было привязано к дереву на тяжелую цепь, прикрепленную к ошейнику, которая, однако, была такой длины, что обезьяна свободно могла взбираться по стволу. Звали его тоже Ака, что на языке туземцев означает «обезьяна». Но мы переименовали его потом в Роджера, в честь его прежнего владельца.

Когда я впервые его увидел, мне стало даже несколько не по себе. Это был огромный самец с плечами атлета, шерсть на спине отливала серебристым налетом — признак вполне половозрелого шимпанзе; челюсть его не уступала пасти леопарда, а мускулы — мускулам профессионального боксера! Я хорошо знаком с самцами-шимпанзе: на моей голове на всю жизнь остались шрамы от их укусов, а один палец на правой руке не сгибается тоже по их вине. По силе и крепости зубов они не уступают хищникам. Но в то время как нападающему льву достаточно сунуть метлу или стул, чтобы он в них вцепился и отстал, шимпанзе, обладающий мозгом, только наполовину уступающим человеческому, никогда не сделает такой глупости: он знает, куда надо впиться зубами, и вырвет у вас любое оружие из рук!

У каждого здорового половозрелого самца-шимпанзе по несколько раз на дню начинаются страшные приступы бешенства. Его охватывает беспричинный гнев, от которого он начинает орать, бушевать и рвать на части все, до чего сумеет дотянуться руками. Эти безумные «пляски» служат, по-видимому, для демонстрации силы и запугивания более молодых самцов, а также самок, которых следует держать в повиновении. И действительно, во время такого приступа на воле все члены обезьяньего «клана» разбегаются кто куда. К счастью, через пару минут припадок проходит, и самец даже может по-товарищески подойти и сочувственно осмотреть раны, которые только что сам нанес; поведение вполне спортивное, не правда ли? Мне немало в своей жизни пришлось повозиться с этим «народом», и я знаю, как надо с ними обращаться.

На зов своего хозяина Роджер спустился с дерева и, несмотря на то что тот пришел с суковатой палкой, держал себя по отношению к нему весьма приветливо. Однако по таким сценкам еще нельзя судить об истинном характере шимпанзе; часто они бывают пожизненно привязаны к своему хозяину, который их вскор-

мил с малолетства, но боже упаси попасть им в чужие руки! Роджер прожил у этих хозяев целых семь лет. Так что я шепнул Михаэлю на ухо:

— Не может быть и речи, такого он пускай спокойно оставит у себя!

Но надо было знать моего сына! Он продолжал упорствовать и тянуть из меня жилы:

— Ну пап, ну ты пойми — ведь его пристрелят, как только его хозяин уедет в Европу, а он такой красивый, такой большой! Ну пап!

И я дал себя уговорить, о чем потом еще не раз пожалел!

Какой-то африканец принес всевозможные гаечные ключи и отвертки; он бросил их нам с довольно большого расстояния, а сам тут же убежал. Цепь была закреплена не то пятью, не то шестью различными болтами и гайками, потому что Роджер, как нам объяснили, за эти годы превратился в искусного специалиста по побегам из плена. Мы с трудом отвинтили все эти хитрые приспособления и повели Роджера к грузовику. Там мы перебазируют маленькую Аку в ящик, освободив более просторные апартаменты для этого здорового малого.

Но как заманить его в клетку? Тогда мы придумали вот что: открыли дверь, а позади клетки поставили маленькую Аку так, чтобы Роджер мог ее разглядеть сквозь прутья решетки. Как только он увидел сородича, тут же насторожился, шерсть на нем поднялась дыбом, он вскочил на грузовик и ринулся в клетку, чтобы схватить маленькую обезьянку. Но не тут-то было! «Щелк!» — дверь за ним захлопнулась, а я принес снятые с пилорамы крепкие доски и дополнительно забил ими клетку снаружи.

Затем мы двинулись в сторону «дома»; на этот раз им была ферма господина Шмоурло, где мы караулили диких слонов, чтобы запечатлеть их на кинолентку.

По приезде я сразу же выпустил малютку Аку из заточения. Она радостно принялась бегать вокруг дома, а потом и по комнатам. Но под вечер ее надо было забрать со двора домой из-за возможности появления леопарда. Но шутка сказать: поймать расшалившегося детеныша шимпанзе! Стоило мне схватить ее за руку, как она сейчас же делала попытку меня укусить. Я вынужден был отпустить ее руку, и она радостно убежала прочь. Тогда я решил испытать себя в качестве ковбоя: пытался поймать ее с помощью лассо. Но попробуйте накинуть лассо на человека, у которого четыре руки!

Уже начало темнеть, а мы никак не могли справиться с маленькой нахалкой. Но надо же, черт возьми, найти какой-то выход из этого положения! Тогда мы решили вот что: я, Михаэль

и несколько африканцев стали отгонять обезьянку от дома, стараясь загнать ее в лес, отрезая ей обратный путь. Как я и ожидал, в лесу малышке показалось неудобно. Она испугалась, заплакала и с воплями бросилась ко мне; в один миг она забралась по мне наверх и обвила мою шею руками. Но стоило мне попытаться надеть ей ошейник, как она опять начала кусаться, вытаскивая и убежала.

Тогда я принял отчаянное решение: неслуха придется отшлепать — ничего тут не поделаешь. И я действительно прикрикнул на нее и пару раз ей наподдал. Ака отреагировала чисто по-шимпанзинному: она рассвирепела, заплакала, завизжала и... замахнулась на Михаэля, стоявшего рядом со мной! Дело в том, что детеныш-шимпанзе не имеет права кусать своих родителей, поэтому они обычно вымещают зло на других, ни в чем не повинных существах. Мне пришлось крепко держать ее за руку, чтобы она не набросилась на моего сына.

Наконец обезьянка утомилась; признав во мне хозяина, она сделалась такой послушной и кроткой, что мне без труда удалось застегнуть на ней ошейник, пряжку которого я на всякий случай еще обмотал проволокой. За этот ошейник Аку на ночь привязали на пеньковой веревке к ее «домику». А днем ей разрешалось свободно бегать по двору.

Но должен сказать, что это был первый и последний раз, когда я побил маленькую Аку, живущую и поныне в нашем Франкфуртском зоопарке. С того самого вечера я стал ее любимым «родителем», а Михаэль — заклятым врагом. Стоило мне только начать его ругать, как она со взвешенной шерстью злобно набрасывалась на него. Если я ее привязывал, она бывала несчастна. И как же она умела выражать эту свою скорбь! Обезьяна кричала, рвала на себе волосы, кидалась на спину и дрыгала ногами и руками, как это делают капризные маленькие дети. Но если я подходил поближе, она тут же взбиралась по мне, обвивала мою шею руками и судорожно впивалась всеми своими двадцатью пальцами. Притом довольно болезненно. Чтобы она меня отпустила, я должен был ее долго уговаривать, успокаивать, играть с ней, а потом огромным скачком отпрыгивать в сторону, вне пределы ее досягаемости. Бедная Ака! Нам было искренне жаль ее, и мы желали и ей, и себе от всей души поскорее уж попасть домой, во Франкфуртский зоопарк.

Наконец надо было трогаться в дальнейший путь. Но как? Мы сидели одни на этой ферме, расположенной в пяти-шести километрах от основного шоссе: сюда никто не приедет. Тогда я

выбрал из библиотеки господина Шмоурло французский роман под завлекательным названием «Мадонна спального вагона» и зашагал по направлению к шоссе. Там я сел на обочине и принялся с интересом листать этот бульварный роман. Как только из леса начинал доноситься рокот мотора, я сейчас же выходил на середину дороги и ждал. Но две-три машины, прошедшие за все утро, ехали либо в неподходящем направлении, либо были уже перегружены.

Наконец мне удалось остановить тяжеленный дизель, везший бочки с бензином. Черный владелец машины был не против взять нас с собой, но ни за что не соглашался свернуть с шоссе и подъехать к ферме по проселочной дороге. По-видимому, у него уже имелся печальный опыт езды по подобным разьеженным колеям. Поэтому он поставил машину на обочине, а сам слез и пошел со мной пешком посмотреть своими глазами, какова дорога. Относительно обезьян я ему вообще не обмолвился ни словом, потому что боялся, что тогда он ни за что не согласится нас взять. Это я оставил в качестве «сюрприза» напоследок. Однако мы с ним поладили, он подъехал на своем грузовике к самым дверям фермы, и мы погрузили к нему в кузов весь свой скарб, включая клетки с обезьянами.

Большая клетка Роджера не влезала в уготованное для нее место, поэтому мы решили поставить ее набок. Но когда мы ее опрокинули, случилось нечто, от чего кровь у меня застыла в жилах: оказывается, доски пола в клетке были просто вложены в пазы, но не закреплены. Пока обезьяна сидела на полу, это никому не мешало. Теперь же, когда пол сделался боковой стенкой, доски эти стали медленно сползать в сторону. К счастью, Роджер был слишком занят обругиванием помогавших при погрузке африканцев, поэтому не сразу заметил открывшуюся лазейку. Будь это самка-шимпанзе, такое не ускользнуло бы от ее внимания — те, как правило, проворнее и сообразительнее; я помчался за дом, схватил валявшиеся там первые попавшиеся доски и, не переводя дыхания, прибил их длинными гвоздями к клетке. И только убедившись, что они надежно укреплены, мы отпилили торчавшие концы, а потом еще обили клетку полосками железа, обмотали проволокой и забили крест-накрест рейками. Уф! Ну вот наконец все было готово, и можно было трогаться в путь.

Ехали мы долго. Впереди нас некоторое время шел другой грузовик, обдавая нас облаком красной пыли, так что вскоре мы выглядели так, будто здорово обгорели на солнце. Тогда наш водитель дал газ, расстояние между машинами все сокращалось, а потом произошло то, что меня в Африке никогда не переставало удивлять: передний грузовик немедленно съехал на обочину и

остановился, уступая нам дорогу, чтобы мы могли спокойно его перегнать.

Однако на подступах к реке Дабу и черным водителям бывает уже не до вежливости. Дело в том, что паром через реку (сооруженный из толстых досок, набитых на полые стволы деревьев), который обслуживает черный паромщик с несколькими помощниками, работает только с восхода солнца и до захода. Ни минутой раньше, ни позже. Паромщик находится на государственной службе, получает зарплату и не желает работать больше, чем ему положено. Перевозка машины через реку занимает около часа. Поэтому тот, кто стоит в хвосте длинной очереди, вынужден прождать полдня, а то и заночевать на берегу, где полно комаров и мух цеце.

Мы с Михаэлем разделись и поплыли рядом с паромом: ведь вблизи подобных переправ, как правило, не бывает крокодилов.

Машина шла только до Ганьоа; не доезжая ста метров до «campement», как здесь называются кемпинги или мотели, я велел остановиться. Дома́ эти гостиничного типа, построены вдоль главных магистралей страны на государственные средства и сданы в аренду частным владельцам. Впрочем, на сегодняшний день в них почти никогда не бывает свободных мест. Однако мне повезло, и я получил двухкомнатный номер. И только после того, как были заполнены все формуляры с их бесчисленными вопросами, только после этого подъехал грузовик, и мы начали выгружать весь свой зверинец, к великому ужасу арендатора кемпинга...

Между прочим, черный владелец грузовика, к моему удивлению, стал отказываться от денег за проезд:

— Ну что вы, месье! Мне это просто доставило удовольствие, месье!

Удивительные люди — эти африканцы! Никогда не угадаешь, как они поступят: то вот так, а то торгуются до одурения, как китайцы.

Пока мы затаскивали ящики с животными во двор, сбежалось около ста пятидесяти африканцев. Вся деревня сбежалась. Девочки-шимпанзе (их теперь у нас было уже две) и другие обезьяны испугались, а Роджер начал буйствовать. Он бросался на стенки своей клетки так, что она раскачивалась во все стороны, и мы вынуждены были ее все время придерживать, чтобы она не опрокинулась. Африканцы улюлюкали и старались совать палки меж прутьев клетки. Роджер до того разволновался, что время от времени стал высовывать руку, хватать меня за рукав и плакать. Как только я уходил, он снова начинал бесноваться.

А потом еще появились и белые постояльцы кемпинга, среди которых был какой-то капитан французской армии, который потребовал объяснить ему, что тут происходит. В течение шести часов я только и занимался тем, что прогонял зевак со двора. Когда стемнело, двор, слава тебе господи, опустел. При тусклом свете электрической лампочки (гордости кемпинга) нам наконец удалось поест, а потом принять душ под подвешенным к потолку ведром с душевым шлангом. После этого мы замертво упали на постели.

Не успели мы заснуть, как под окнами снова начался скандал. Я слышал недовольное ворчание постояльцев, которым помешали спать, и полуголый кинулся во двор, к Роджеру. Оказывается, его возмутила собака, которая стояла возле его клетки и лаяла на него. Это была сторожевая собака кемпинга. С отчаянной решимостью я заманил пса в какой-то сарай и запер его там. Когда я уже улегся в постель, Роджер снова принялся орать и барабанить. Причем антракты между его «выступлениями» становились все короче. Наконец я не выдержал и снова выбежал из дома. Во дворе никого не было. Но тут я понял причину беспокойства Роджера: прямо против его клетки, над входом в кемпинг, висела электрическая лампочка, которая горела сейчас на удивление ярко, потому что была единственной из всех подключенных к движку в столь поздний час. Она слепила глаза обезьяне и не давала ей уснуть. Тогда я разыскал лестницу, влез наверх и слегка вывернул лампочку. Наконец наступил покой до утра.

Еще до завтрака Михаэлю пришлось взять на себя защиту обезьян от зевак. А я побежал разыскивать какую-нибудь возможность уехать отсюда в Бваке, в нашу штаб-квартиру. Но все местные торговцы уверяли меня, что отсюда никакие машины не ходят непосредственно в Бваке, что непременно придется ехать с пересадкой. Но я был уже стреляный воробей и знал цену подобным утверждениям, поэтому продолжал свои поиски. И нашел. Под навесом какой-то фактории, прямо на улице, но зато на модной американской раскладушке спал здоровенный шофер грузовика. Его «аррентис», подручные, завернувшись в одеяла, лежали прямо на земле. Один из них уже проснулся, и я спросил у него, куда они держат путь. К моему неописуемому восторгу, он ответил, что они направляются в английский Судан, но сначала заедут в Бваке. Черный шофер не знал французского, зато говорил по-английски и был рад-радешенек найти хоть кого-то, с кем можно объясниться. Как водится, он принял меня за американца. Мы долго торговались относительно цены за проезд и сошлись наконец на сумме в несколько сот марок за шестьсот

километров. Он пошел на рынок подыскать себе еще несколько попутных пассажиров и ровно в 10, как было договорено, подъехал к воротам кемпинга. Мы начали погрузку, а арендатор кемпинга облегченно вздохнул...

Однако не так просто оказалось в толпе зевак найти несколько дюжих мужчин, решившихся поднять клетку с Роджером и погрузить ее в кузов «камьона»...

Ночной бой с Роджером

Итак, мы пустились в путь со всем своим «Ноевым ковчегом», упакованным в ящики, коробки и клетки и водруженным на грузовик «английского» африканца, направляющегося в Бваке. Наш «ковчег» сильно пополнился за последние дни: теперь у нас было уже три шимпанзе — Роджер и две малышки — Ака и Лулу, затем несколько марышек-мангобеев и других обезьян, были у нас и птицы и виверры. Рядом с нами в кузове сидело по двадцать, а иногда и по тридцать попутных пассажиров, которые нас приветливо угощали орехами кола, запихивая нам их пальцами прямо в рот. Но зато они безо всякого спроса угощались нашими бананами, припасенными для обезьян... Я сидел сзади, возле клетки с Роджером с палкой в руках, потому что беднягу выводило из себя то обстоятельство, что при каждой остановке грузовика вокруг собирались зеваки, кричали, а то и дразнили его. Силища же у него была медвежья, и разломать клетку ему бы ничего не стоило, если не следить за ним неустанно. Кроме того, от страшной тряски по разъезженной дороге в течение многих часов Роджер очень страдал. Он уж и не знал, что предпринять: пробовал ехать стоя на четвереньках и во весь рост, держась руками за прутья, пытался и сесть, но по причине костистого зада это было ему неудобно. Бедный Роджер! Он наверняка решил, что такие грузовики созданы с единственной целью истязать несчастных обезьян! Время от времени он просяще протягивал мне руку сквозь прутья клетки, чтобы я поддержал ее в своей, пожалел и успокоил его. А то снова начинал буйствовать, и я, ей же богу, не мог поставить ему это в вину — уж очень бедняге было не по себе! Тогда он всей тяжестью повисал на прутьях клетки, его могучие мускулы угрожающе вздувались, он визжал, орал и старался схватить меня и укусить. В таких случаях мне приходилось отходить от клетки и ехать стоя. Сидящие впереди черные пассажиры то и дело предупреждали меня криками, чтобы я наклонился, иначе свисающие над дорогой сучья могли бы снести мне голову.

Мы останавливались почти в каждой придорожной деревне, потому что одни пассажиры слезали, а другие забирались на машину. Причем все это каждый раз сопровождалось длительными переговорами и торговлей относительно стоимости проезда. Пере-

возка пассажиров по дорогам Африки — важная статья дохода водителей грузовиков. Ведь там, где нет или почти что нет железных дорог, — это единственный способ передвижения. Так что нанять в Африке грузовик сразу же до необходимого вам пункта — предприятие абсолютно безнадежное; надо платить за каждый километр, как у нас в электричке.

Впрочем, я заметил, что африканцы в Западной Африке охотно разъезжают туда-сюда. Редко мне приходилось видеть, чтобы кто-нибудь из них брел по шоссе пешком. Если не считать платы за проезд, то само путешествие обходится им довольно дешево благодаря древнему обычаю, по которому путник в любой чужой деревне имеет право безо всякого подсаживаться к общему котлу и пользоваться бесплатным ночлегом. Государственные границы здесь существуют только для белых, черные же все равно ездят безо всяких виз.

Каждую более длительную остановку грузовика и дебаты с новыми пассажирами я использовал для того, чтобы распить вместе с владельцем грузовика (который был рад поговорить хоть с кем-нибудь по-английски) бутылку пива в какой-нибудь деревенской пивнушке.

Заодно я старался выведать, нет ли у кого-нибудь в этих местах прирученных диких животных: детенышей обезьян, леопардов или тому подобное. И вскоре уже в кабине водителя сидел прелестный черный мангобей, ручная длиннохвостая обезьяна. Вокруг талии у нее был пояс, к которому прикреплялась веревка, причем, обезьянка не делала ни малейших попыток удрать.

Один прокаженный гордо сообщил мне, что у него дома живет «sing comme les hommes blancs» — «обезьяна, похожая на белых людей». Я не мог понять, что же это у него такое, но, когда он принес свое чудо, очень обрадовался: это оказалась мартышка — белоносый гусар, у которой действительно белое лицо и рыжевато-блондинистые волосы.

Я уже давно не надевал пробкового шлема, потому что понял, что большинству людей они здесь совершенно не нужны. Я носил «зюйдвестку» с мягкими, свободно свисающими полями. Ведь в Южной Америке, через которую тоже проходит экватор, никто никаких шлемов не носит, а надевают простые соломенные шляпы. Но для поездки на грузовике я решил его все же нахлобучить себе на голову, так как между шлемом и головой остается довольно большой зазор, в который приятно задувает попутный ветерок. При этом я обнаружил, что кожаные ремешки, имеющиеся на таком головном уборе, служат не только для красоты: внезапно его сдуло у меня с головы. Мои спутники подняли не-

вообразимый крик, и грузовик остановился. Так что я смог одного из «подручных» шофера послать подобрать его. Но к моему большому удивлению, парень не остановился возле того места, где шлем укатился в кусты, а продолжал бежать все дальше назад, по направлению к деревне. Оказывается, он неправильно меня понял и решил, что я забыл свой шлем именно там. А от деревни мы отъехали уже на довольно порядочное расстояние. Пришлось послать второго его догонять, но, пока этот понял, что от него требуется, первый скрылся уже из виду.

Боже мой, как эти африканцы умеют ругаться! Владелец грузовика прямо-таки бушевал и отвесил затрещину третьему подручному, который ко всему этому делу не имел никакого отношения. Он даже пригрозил, что возьмет с меня неустойку за эту задержку (что ему, разумеется, не удалось).

Тем не менее я потерял всякий интерес к этому великолепному произведению шляпной промышленности и подарил его нашему бою Джо.

Зато в другой раз наш водитель проявил себя как истинный филантроп. Обнаружив непосредственно за крутым поворотом большую колдобину на дороге, он остановился, слез, срубил на обочине молодое деревце и старательно вкопал его посреди дороги в землю.

— Ведь другая машина может попасть туда колесом и сломать ось,— пояснил он мне.— Особенно когда стемнеет!

Должен сказать, что черные водители вообще, как правило, друг с другом весьма предупредительны. Ни разу я не видел, чтобы кто-нибудь затевал бессмысленные гонки, стараясь обойти другого, как это сплошь и рядом бывает у нас, в Европе. Каждый раз, когда нагоняют более медленно идущую машину, та без звука съезжает на обочину и пропускает нагнавшего вперед. Правда, частенько в таких случаях обе машины стоят какое-то время рядом, и водители обмениваются новостями или продуктами.

Но как-то мы надолго застряли перед деревянным мостом, починкой которого занималась целая бригада дорожных рабочих под наблюдением бригадира-африканца. Старые доски из твердой древесины были сняты, и двое или трое из ремонтников, не спеша, в спокойствии душевном, длинными гвоздями прибивали новые. То, что машина, набитая пассажирами, нетерпеливо ожидает переправы, несколько их не волновало. На нашего черного водителя, пытавшегося их поторопить, они не обращали ни малейшего внимания. Можно было рассчитывать, что при таких темпах работы мы простоим здесь полдня. Поэтому водитель подошел ко мне и заявил, что поскольку я здесь единственный белый,

то мне и следует поставить на место нахалов-ремонтников. Ну что ж. Надо сказать, что за время своего пребывания в этой стране я собрал уже довольно солидный набор французских ругательств, однако для более обстоятельного высказывания он оказался мне недостаточным. Но поскольку в таких случаях «тон делает музыку», то есть важны не сами слова, а угрожающая интонация, с какой они произносятся, то я набрал в легкие воздуха и принялся ругаться по-немецки.

Успех оказался ошеломляющим. Ремонтники словно очнулись ото сна, шустро забегали, притащили на мост все валявшиеся вокруг доски и уложили их, не прибывая к балкам. После этого нашей машине-грузовику было милостиво разрешено переехать на другую сторону. Правда, предосторожности ради — очень медленно; а пассажиры на всякий случай слезли и пошли пешком.

Впереди нас бежал слух, что едут два американца, которые «платят деньги за пойманных животных». Поэтому на дороге нас уже ждали люди, у которых было что предложить. Правда, по ценам, для Африки отнюдь не дешевым. Объяснялось это подорожанием мяса. Ведь этих животных можно было с тем же успехом съесть.

Возле обочины часто рядом с бананами, ананасами и пивом можно было увидеть вывешенных для продажи застреленных обезьян. Картина не из приятных.

Михаэль вдруг пожаловался на головную боль, усталость, и ему страшно захотелось пить. Но поскольку возле шоссе не так-то легко найти отфильтрованную воду, я дал ему выпить полбутылки красного вина и заодно 6—8 таблеток сульфонамида: у парня явно был жар. Очень неприятно, когда кто-то заболевает во время поездки на грузовике! На всякий случай я засунул его в кабину водителя. Но к вечеру ему там стало слишком душно, и он попросился на свежий воздух. Так что мы снова поменялись местами.

В восемь часов вечера, когда уже стемнело, сзади поднялся невообразимый крик. Машина рывком остановилась, и кто-то из пассажиров рванул дверцу в кабину водителя, вопя:

— *Votre fils est mordu par le grand chimpansé!* («Вашего сына укусил большой шимпанзе!»)

И в тот же момент до меня донесся крик Михаэля:

— Папа, иди скорее, Роджер уже наполовину вылез!

Я в свою очередь кричу, есть ли у него палка. Оказывается, была, но беснующийся шимпанзе успел вырвать ее у него из рук и теперь уже сам оттуда, из клетки, старался ткнуть ею в Михаэля. Однако с пустыми руками я был бессилен против обезья-

ны. Поэтому что есть духу кипулся бежать к бамбуковой изгороди ближайшего к нам домика деревни, через которую мы как раз проезжали; вырвав из нее несколько бамбуковых палок, я взобрался с ними в кузов машины.

Тут я увидел, что именно произошло. Роджеру удалось вырвать один железный прут клетки из паза и согнуть. Таким образом он высвободил себе место для того, чтобы целиком просунуть свою длинную руку и схватить Михаэля. Первым делом он вырвал у него из рук палку, чтобы тот не мог помешать ему расшатывать и сгибать следующие прутья клетки. Не успел мой сын оглянуться, как Роджер уже протиснул голову и плечо в образовавшееся отверстие. Михаэль в отчаянии старался захихнуть его назад голыми руками. Но это было далеко не просто и очень опасно. Во-первых, ему приходилось непрерывно наклоняться, чтобы не стукнуться о нависающие над дорогой сучья, а главное, что он при этом пришел в слишком близкий контакт с беснувшейся обезьяной. Результат не замедлил сказаться: Роджер ухватил его за руку, сорвал с него полрубахи и, в довершение всего, сильно искусал всю кисть руки.

Мне некогда было заниматься Михаэлем, потому что первым делом надо было утихомирить шимпанзе. Я подскочил к клетке и с силой ударил палкой по цепким пальцам обезьяны, которыми она как раз собиралась расшатать второй прут.

Роджер вел себя как безумный, с размаху кидался на решетку так, что вся клетка качалась, грозя вот-вот опрокинуться. Потом он молниеносным движением высунул руку и выхватил у меня бамбуковую палку. Но у меня наготове была уже вторая, и я продолжал ею лупить его по рукам. При этом мне приходилось лавировать между всеми этими ящиками и коробками, чтобы не подойти слишком близко к клетке, где шимпанзе мог меня дотянуться.

Все пассажиры соскочили с машины и разбежались кто куда. Один лишь наш бой Джо светил мне издали большим карманным фонарем (что ему потом высоко зачтется!), Роджер же не переставал неистовствовать, вырвал у меня и вторую, и третью палку и старался ткнуть ими в меня. Но я зорко следил за тем, чтобы он не успевал ухватиться за следующий железный прут и расшатать его; как только он за это принимался, я бил его немилосердно палкой по рукам...

Может быть, это выглядит жестоко, но, если бы шимпанзе вырвался на волю, могло произойти несчастье. Ведь речь шла не о диком животном, выловленном непосредственно в лесу, — такое бы постаралось поскорее убежать от всех этих двуногих существ.

Роджер же прожил большую часть своей жизни рядом с людьми и нисколько их не боялся. Страшно даже представить себе, как он изувечил бы жертву, на которую бы напал!

Вскоре у меня не осталось ни одной палки. Каким-то чудом у одного из наших попутчиков оказалась сабля. Я схватил ее и несколько раз ударил ею плашмя по судорожно работающим рукам Роджера. Поскольку воцарилась тишина, а удары явно были болезненными, Роджер стал постепенно успокаиваться и наконец забился в дальний угол своей клетки.

Теперь можно было перейти к уговорам, что я и сделал. Когда у самца-шимпанзе такой приступ проходит, с ним можно вполне нормально общаться, как с вполне разумным существом. Вот и на этот раз: я окликнул его, он ответил, подошел к решетке и обиженно протянул мне свои побитые пальцы, чтобы я пожалел его. Он бы охотно дал их мне и полечить, но мне сейчас было не до того. Я поспешно выпрямлял согнутые прутья решетки, кто-то из африканцев дал мне прочную веревку, где-то я раздобыл и проволоку и принялся закреплять ими палки поперек прутьев. Вскоре решетка стала непроницаемой.

И только тогда я смог позвать Михаэля и осмотреть его руку. Она имела страшный вид и ужасно кровоточила. Указательный и средний пальцы были разорваны до костей.

Африканцы утверждали, что здесь в деревне есть врач. Один из них даже вызвался сбегать за ним. Но напрасно: врача дома не оказалось. За местным же знахарем нужно было идти в соседнюю деревню. Но все это длилось бы слишком долго. Поэтому я решил ничего с рукой не предпринимать, а ехать поскорее в Бваке, до которого осталось всего 65 километров. Я выгреб из чемодана два носовых платка и туго перевязал ими руку сына.

Потом мы поехали дальше. Должен признаться, что вся эта история здорово вывела меня из равновесия. Пять лет тому назад меня самого покусал самец-шимпанзе, причем не так уж злобно, почти играя. При этом он мне повредил какое-то сухожилие, и руку в тот же день пришлось оперировать. А потом еще дважды повторить операцию. Но средний палец так и остался на всю жизнь изуродованным: он больше не сгибается. И это еще полбеды — я был на волосок от ампутации всей руки! При этом я имел дело с хорошими хирургами, в первоклассной больнице. А вот что здесь, в джунглях Африки, будет с рукой моего сына — это еще совершенно неясно. Я считал километры...

Но такая махина, как этот грузовик, ездит по подобным плохим дорогам не больно-то быстро, так что прошло еще добрых два часа, пока мы добрались до Бваке. Мы вкатили на машине, набитой пассажирами, прямо во двор нашего друга Абрахама. Причем ночью и в кромешной тьме. Я решил заранее соскочить с машины, чтобы дать знать хозяевам о нашем приезде, но прыгнул так неудачно, что растянулся во всю длину на щебенке, расцарапав себе лицо и обе руки. Так что в дом я заявился с разбитым подбородком и поврежденным носом, притом весь в грязи.

Разумеется, после нашего ночного происшествия ни один из пассажиров не отважился взяться за клетку с Роджером, чтобы сгрузить ее с кузова. Мне пришлось удвоить и даже утроить чаевые, пока нашлось наконец несколько храбрецов. При этом я не переставал опасаться, что при малейшей попытке Роджера заявить свой протест они попросту бросят клетку на землю, она развалится, и животное окажется на свободе. Но к счастью, этого не произошло, и вскоре весь наш многочисленный багаж стоял посреди двора, а машина укатила.

Только теперь я мог вплотную заняться Михаэлем. Я вытащил медикаменты, опустил его руку в раствор марганцовки и затем внимательно обследовал ее. Пришлось вкатить ему немедленно порцию пенициллина, засыпать раны порошком сульфонамида и забинтовать. А потом уж я промыл и заклеил пластырем ссадины на своем лице.

До Абрахама время от времени доходили слухи о том, где нас носит, и, по его приблизительным подсчетам, мы должны были вернуться еще две недели назад. Но вот наконец мы снова попали в цивилизованные условия. Немного передохнув, мы с Михаэлем принялись за изготовление транспортных клеток и имели удовольствие при сорокаградусной жаре распиливать тупыми ножовками толстые железные прутья на небольшие куски, а из твердой африканской древесины, в которую и гвоздя-то не вобьешь, мастерить ящики. Когда мы нечаянно оставляли клещи на солнце, а потом снова брали в руки, то, вскрикнув от нестерпимой боли, швыряли их на землю — до того они накалялись. Так что каждая доска, каждый ящик и вообще все вокруг было буквально пропитано нашим потом, несмотря на то что работали мы в одних плавках.

Вскоре Роджер принялся бушевать и по ночам. В африканском районе городка каждый вечер устраивались танцы под барабанные концерты. Ну разумеется же, Роджеру было необходимо принимать во всем этом живейшее участие. Он кричал и прыгал по своей клетке с такой силой, что она начинала разъез-

жать по всему двору. Через два дня появился местный полицейский, заявив, что должен пристрелить это опасное животное, которое не разрешается держать вблизи жилых домов. Соседи жалуются.

Удивительно, но то же самое я пережил когда-то раньше в Берлине! Люди повсюду одинаковы. Ничего не поделаешь — пришлось нам по очереди спать во дворе на раскладушке рядом с клеткой Роджера, чтобы составлять ему компанию и успокаивать в случае нужды.

Предотъездные хлопоты

Как я уже говорил, у нас с Михаэлем заранее были взяты обратные билеты до Франкфурта. Но теперь, когда мы набрали столько живности, это дело пришлось пересмотреть. Не могли же мы тащить с собой в самолет тяжеленную клетку с Роджером и все эти ящики с другими животными. Да и оплатить провоз такого багажа было нам не по карману. А кроме того, я бы и побоялся везти это теплолюбивое зверье в апреле в самолете: ведь в Европе в это время наверняка еще достаточно прохладно, не говоря уже о багажном отделении самолета, летящего на высоте 3000 метров, где вообще жутко холодно! Есть, правда, еще одна возможность. Поставить клетки с животными в передний отсек для ручной клади, который находится между кабиной пилота и пассажирским салоном. Там значительно теплее, чем в хвостовом отсеке с его тонкой алюминиевой обшивкой. Но никакая воздушная компания не может заранее этого разрешить — такие вещи решает только пилот. И я ничуть не сомневаюсь в том, что, как только Роджер устроит свой обычный концерт, в который охотно включатся и маленькие обезьянки, любой пилот сейчас же потребует перенести ящики в хвостовое отделение.

Поэтому я принялся подыскивать какой-нибудь подходящий морской транспорт, идущий в ФРГ. Однако меня стали уверять, что ни один пароход непосредственно до Гамбурга не идет. Но поскольку меня срочно вызывали домой, в зоопарк, и с животными должен был ехать один Михаэль, я счел слишком рискованным отправлять его с пересадкой в Марселе или Генуе. Как-никак ему было всего шестнадцать лет. Да и с его скудными познаниями французского языка ему было бы трудно уладить все формальности, связанные с пересадкой на железную дорогу вместе со всей этой компанией. Нет, так не пойдет, решил я, и направил телеграфный запрос в портовый город Абиджан. Через пару дней мне ответили, что никакого корабля до ФРГ не предвидится. Однако я по своему опыту знал, что это еще ничего не значит. Поэтому сел на узкоколейку и поехал туда сам.

Поездка в Абиджан занимает целый день, да и то только в том случае, если попадешь на экспресс, который ходит лишь раз в неделю. Оборудован этот поезд весьма удобно и комфорта-

бельно, наподобие наших скорых поездов, только с той разницей, что тут сидишь рядом с какой-нибудь увешанной золотом женой богатого купца из племени диула, которая безо всякого стеснения кормит грудью своего ребенка. Кроме того, этот так называемый экспресс может часами переждать встречный поезд, если тот почему-либо запаздывает.

Поезда здесь вообще не спешают. Машинист, кочегар и проводники обычно черные, белые работают, как правило, только на станциях. Иногда случается, что в дороге кончается топливо, и тогда все пассажиры вынуждены бежать в лес, чтобы набрать дров для топки паровоза. А если у машиниста где-то по дороге, в деревне, есть какая-нибудь пассива, то может случиться, что поезд простоят там пару лишних часов (так мне во всяком случае рассказывали). Единственное утешение состоит в том, что имеется вагон-ресторан...

По дороге я познакомился с одним африканским коммерсантом, весьма элегантно одетым и благообразным человеком. Он рассказал мне, что экспортирует много дозволенных и недозволенных товаров из колонии Берег Слоновой Кости в Либерию. По всей видимости, предприятие было весьма доходным.

— Поначалу африканские таможенники в Либерии никак не соглашались меня пропустить в страну с моим грузовиком, нагруженным оружием,— рассказывал он, ухмыляясь.— Они не пожелали взять у меня денег, короче говоря, ничем невозможно было их соблазнить. До того они оказались неподкупными, что я просто поразился! Эти парни заявили мне, что до тех пор, пока они будут сидеть в таможене, пусть я и не мечтаю перебраться через границу. Тогда я поинтересовался, с каких до каких они сидят в таможене. Оказалось, что с семи утра и до семи вечера. Я подождал, пока они в восемь часов закончили свое дежурство, и потом без лишних хлопот переехал через границу...

Спустя некоторое время «экспортер» встал и пошел в вагон-ресторан. Тот, кто разъезжает с обезьянами по стране, а дома работает в зоопарке, всегда привлекает к себе необычный интерес. Поэтому на освободившееся напротив меня место сразу же сел французский фермер или, как их здесь называют, «colon», тщедушный мужчина, который тоже пустился со мной в приятную беседу. Вскоре вернулся из ресторана африканец (рослый малый атлетического сложения) и пожелал занять свое прежнее место. Однако мой визави делал вид, что не замечает его. Даже после того, как африканец вежливо показал ему свою плацкарту и попросил освободить его законное место, «colon» недовольным тоном лишь осведомился, что разве тот не видит, что теперь он здесь сидит?

Огромный африканец очень спокойно взглянул на свои часы и подчеркнуто вежливо произнес:

— Я жду еще три минуты, уважаемый месье, а потом я позволю себе пересадить вас на другое место.

Я заметил, что мой собеседник почувствовал себя явно неудобно. Он теперь бы уже охотно уступил это место, но не хотел сдаваться и уронить свое достоинство, поэтому продолжал сидеть. Мне и самому никак не хотелось участвовать в этой перепалке и к тому же еще являться невольным поводом для нее. И тут мне пришла спасительная идея: я сказал белому месье что он, собственно говоря, сидит на моем месте, потому что мы незадолго до этого поменялись местами с африканцем. Так что если он не уступит, это буду вынужден сделать я. «Colon» тут же вскочил (не сумев даже скрыть явного чувства облегчения) и вежливо предложил мне занять его место. Таким образом мир был снова восстановлен.

Разумеется же, я нашел в Абиджане через судового маклера пароход, шедший непосредственно в Гамбург. Это было небольшое грузовое судно водоизмещением в 2000 тонн, зафрахтованное под перевозку ценных пород африканской древесины. Я немедленно сел в моторную лодку, которая вывезла меня далеко в лагуну, к тому месту, где качался на якоре пароходик «Жозеф Блот». Был весьма любезно принят капитаном и его помощниками, которые меня пригласили вместе отобедать в кают-компанию. За обедом мы обо всем договорились, причем их устроило даже то, что деньги за провоз моего сына вместе со всем зверьем будут уплачены только по прибытии в Гамбург, притом уже в немецких марках. Ну что ж — по рукам!

Однако до отплытия было еще далеко — судну предстояло добрать часть груза, и только затем, перед самым отплытием, разрешалось привезти клетки с животными. Я пошел осматривать места, которые будут отведены под наш груз, смерил ширину двери и, к своему ужасу, убедился, что большая клетка с Роджером сквозь нее не пролезет. Следовательно, надо было мастерить новую, более узкую клетку (представляете себе удовольствие?).

Затем я полетел назад, в Бваке с большим трудом раздобыл товарный вагон под наш «зверинец» и стал готовить его к отъезду.

Как я уже упоминал, меня ждали во Франкфурте, и Михаэлю предстояло ехать одному с животными. Мой самолет отходил за два дня до его отъезда из Бваке в Абиджан. Я же сел вечером в Абиджане (заметьте, на экваторе!) в самолет, на другое утро был уже в Париже (там как раз бастовали рабочие метрополитена, что меня несколько задержало), в тот же день вечером я

уже сидел в спальном вагоне, мчавшем меня во Франкфурт, куда и прибыл на следующий день (правда, дрожа как осиновый листочек от холода!). Михаэлю же в лучшем случае удастся прибыть сюда не раньше чем через месяц; при этом ему еще предстояло нанять африканцев для погрузки всего нашего скарба в вагон да, осторожности ради, проспать в этом вагоне ночь до отхода поезда, который намечен на другое утро.

Какой-то черный полицейский проявлял повышенный интерес к нашему вагону с его необычным грузом. Михаэль страшно на него злился и наконец, не выдержав, начал ругаться по-немецки:

— Убирайся отсюда, идиот, чего тебе здесь надо?

Каково же было его удивление, когда тот ему тоже по-немецки ответил, что прекрасно понимает, что ему было сказано... Оказывается, он два года провел в Майнце в составе французских оккупационных войск. К счастью, он не обиделся, а, наоборот, решил отметить наш отъезд парой бутылок пива.

До Абиджана Михаэля вызвался сопровождать двенадцатилетний маленький энтузиаст — веселый курчавый негритенок Андрэ. Он караулил животных, когда Михаэль ходил закупать для них еду; да к тому же в Абиджане еще предстояло запастись провиантом на все долгое морское путешествие, обеспечить себе выездную визу от французских властей, уладить все дела с таможенной, капитаном и судовыми маклерами. Нелегкая задача для парня, который французский изучал лишь в школе, да и то только в течение трех месяцев! Тот «африканский» французский язык, который он доучивал уже здесь, в стране, был, прямо скажем, не самый благозвучный и утонченный. К счастью, газеты в Дакаре и городах побережья нас уже неоднократно интервьюировали и затем помещали дружелюбные сообщения о нашей поездке по стране, поэтому нас многие сразу узнавали, и чиновники относились к Михаэлю приветливо и с полным пониманием.

Через шесть дней я, уже во Франкфурте, согласно договоренности, получил от пароходной компании в Абиджане телеграмму, сообщавшую, что пароход «Жозеф Блот» с грузом вышел в море. И пока суденышко не спеша пробиралось по Атлантическому океану, приближаясь к холодным берегам Европы, я считал часы...

А следующую главу я предоставил написать моему сыну Михаэлю.

Михаэль плывет с животными домой

Эту главу мой отец заставил написать меня. А писать, сами понимаете, не так-то просто! Ведь даже школьная экскурсия, какой бы интересной она ни была, если потом тебя заставляют написать о ней сочинение, может сразу же осточертеть... Вот и сейчас, когда я должен описать, как совершенно один вез животных для зоопарка из Африки во Франкфурт, прямо не знаю, с чего и начать. Ну да ладно, попробую.

Между прочим, это я уговорил отца приобрести животных — он совершенно не собирался этого делать. Но я так долго к нему приставал, что он наконец сдался. Так что мой обратный билет на самолет пропал, а вместо него отцу пришлось подыскивать для меня подходящий рейс на пароходе. Потом он улетел, а я остался с животными в Бваке, откуда через день должен был отправиться в товарном вагоне по узкоколейке к побережью. Это было очень здорово, ей-богу, потому что теперь ведь я стал сам себе хозяином!

Поскольку я не доверял здешней железной дороге, то есть не был уверен в том, что поезд завтра утром действительно отправится точно в назначенное время, то уже накануне днем собрал целую ватагу африканцев и с их помощью подвез весь наш багаж к вагону. Я решил заночевать прямо здесь. Мы заранее сторговались с ними за 500 франков; но на перроне они вдруг заявили, что погрузка в вагон не входила в расчет и пусть я еще доложу 50 франков. Но тут оказалось, что вагон еще не убран и в нем полно коровьего навоза. За уборку они требовали с меня еще дополнительно 200 франков. Вот черти! Я был уже в бешенстве, но тут увидел Атика, молодого арабского торговца, с которым мы здесь подружились. Он шушукался с африканцами и явно подзуживал их вытрясти меня хорошенько. Такие шуточки. Ну погоди, решил я, и молча, без звука уплатил требуемую сумму. Зато вечером я на нем отыгрался! Он предложил мне напоследок сходить с ним в ресторан, и я принял приглашение. Тут я, заказав самые дорогие яства и питье, «выставил» его так, что это встало ему дороже всей моей погрузки! Вдобавок я вынудил его подарить мне «на память» маленькую обезьянку, которую продавал какой-то африканец... Так что мы были квиты.

А вообще-то Атик — чудесный малый. Волосы у него вьются крупными кольцами, а лицо приятного оливкового оттенка. Он влюблен в свою родину, Ливан, и мечтает в скором времени туда поехать, поискать себе невесту. Ни о какой другой жене, кроме ливанской, для него и речи быть не может, так он во всяком случае меня уверял.

Когда все наши звери и шмотки были погружены в вагон, я посадил туда маленького Андрэ, чтобы он их караулил, а сам решил сходить напоследок в кино. Потому что неизвестно ведь, когда мне теперь представится такая возможность. Но если бы я знал, чем это все кончится, то ни за что бы, конечно, не пошел!

Когда я возвращался из кино, то обнаружил, что потерял свой бумажник. Я жутко перепугался — прямо мурашки побежали по спине: ничего себе положеньице — один в Африке и без денег! Разумеется, арабы одолжили бы мне наверняка, но все равно это было бы страшно неудобно. Так что я со всех ног припустился назад. Уже темнело. В кино я застал черного уборщика, который ходил меж рядами, подсвечивая карманным фонариком. Я обратился к нему по-французски, и он действительно вытащил из кармана мой бумажник — «да, он здесь валялся, месье, под сиденьем». Но когда я открыл его, в нем оказалось всего 500 франков. Я же точно знал, что там было не меньше 40 тысяч франков! Когда я ему это растолковал, парень стал выворачивать все свои карманы и клясться, что больше у него ничего нет, призывая в свидетели святую деву Марию и Иисуса Христа.

Поскольку я знал, что владелец кинотеатра, здоровенный француз, спит обычно в каморке, позади кассы, то потащил этого нечестивца к нему и стал стучать в дверь к «патрону», пока тот не вышел. Спросонья он никак не мог понять, в чем дело. Но потом упер руки в боки и заорал громоподобным голосом на своего подчиненного. И, смотрите-ка, деньги сразу же появились! Мне здорово повезло, что «патрон» спал именно там, а не дома и что он оказался таким порядочным человеком, а то я влип бы в веселенькую историю!

Когда я подходил к вокзалу, то уже издали услышал громкие всхлипывания. Оказалось, что это ревет маленький славный Андрэ. Он не смог открыть изнутри тяжелую задвижную дверь вагона, и, когда стемнело, на него напал жуткий страх. Шутка ли сказать: один на один с огромным шимпанзе Роджером и злыми духами, которые наверняка обитают в таком темном вагоне! Мне стало ужасно жаль беднягу, и я еле сумел утешить его.

А на следующее утро мы с опозданием всего на четыре часа (!) выехали наконец из Бваке. По дороге «экспресс» повсюду простаивал часами, но, когда я пытался послать Андрэ за чем-нибудь, он каждый раз боязливо отказывался: мальчишка страшно боялся, что поезд в это время тронется и он останется один среди чужих людей, говорящих на непонятных языках, которые, чего доброго, еще съедят его...

Разумеется, повсюду, где мы останавливались, сбегались местные жители поглазеть на наших животных. Они хохотали, размахивали руками и визжали от восторга, отчего Роджер каждый раз приходил в неистовство. Во время одного такого приступа он опять поймал меня за руку (на этот раз за другую) и укусил за щеку. Ранки были незначительные, но я боялся, как бы не занести в них какую-нибудь инфекцию, потому что заболеть во время такой поездки никак не входило в мои планы.

В портовом городе Абиджане я оставил Андрэ на вокзале караулить животных, а сам отправился в пароходную компанию, с которой отец заключил договор на погрузку. Они действительно вскорости пригнали грузовик и все погрузили. Когда мы подъезжали к понтонному мосту, откуда ни возьмись выехал роскошный лимузин «бьюик» с пассажирами-африканцами и создал аварийную ситуацию, поехав против всяких правил. Француз, сидящий за рулем нашего грузовика, страшно вспылал и начал ругаться с черным шофером лимузина. Но поскольку тот не желал уступить дорогу, француз внезапно тронулся с места и просто-напросто отодвинул своим грузовиком лимузин в сторону, помяв и покорежив ему кузов. А сам как ни в чем не бывало поехал дальше.

Когда мы уже въехали во двор пароходной компании, нас нагнал черный шофер лимузина вместе с полицейским. Он прямо кипел от негодования. Началась ужасающая перепалка. Чуть только дело не дошло до драки, но шофер лимузина не очень-то рещался полезть к нашему, потому что вокруг стояли мускулистые грузчики-африканцы из пароходной компании. Я на всякий случай стушевался, потому что мне только не хватало еще, чтобы полицейский записал меня в качестве свидетеля, после чего я был бы обязан явиться на судебное разбирательство в Абиджан...

Поскольку пароход отходил только через два-три дня, клетки и ящики с животными, а также мою раскладушку поставили на это время в гараж. Конечно же, опять со всей округи сбегались зеваки. А Роджер уже совершенно не мог видеть черные лица, и, как только они возникали перед ним, он начинал буйствовать.

Я боялся, как бы и здесь жители соседних домов не пожаловались в полицию из-за постоянного крика и шума, и поэтому старался держать дверь закрытой. Но в гараже было два окна, в которых то и дело появлялись головы зевак. Когда я прилет отдохнуть на раскладушку, они совершенно не давали мне задремать. Тогда я, потеряв всякое терпение, запустил ботинком в штангу над окном, придерживающую железные жалюзи. И, как ни странно, попал с первой попытки! Жалюзи с грохотом опустились на курчавые головы непрошенных гостей; поднялся невообразимый крик, после которого полдня меня уже никто не беспокоил.

В таможене дело прошло совершенно гладко. Таможенник знал моего отца, а кроме того, и сам побывал в Германии в качестве солдата, так что был очень любезен и без проволочек намалевал мелом на всех моих ящиках свои вензеля. Потом я еще пошел закупать бананы, рис и прочий провиант на дорогу, а уж после этого отправился на поиски противостолбнячной сыворотки для инъекции. Это из-за укуса Роджера. Я слышал неоднократно от отца, что в лошадином и коровьем навозе часто встречаются бактерии столбняка. На судне же не было врача, и если там со мной что-нибудь приключится, то я пропал. Поэтому я решил действовать по принципу «береженого бог бережет».

Найдя французскую больницу, я зашел и попытался разыскать в ней врача, но тщетно. По коридорам сновали какие-то санитары, но те были слишком важные, чтобы отвечать на досужие вопросы посетителей. Воображали они о себе так много из-за белых халатов, которые были на них надеты. А мне-то было наплевать на их халаты, я искал врача. Наконец я обнаружил табличку на дверях, из которой понял, что здесь должен сидеть главврач. Я вошел, но разговор у нас как-то не клеился, потому что я неважно говорю по-французски. Однако я захватил с собой медицинский справочник своего отца и просто прочел название того, что мне нужно по-латыни. Это он понял, а к тому же оказалось, что врач немного знает английский, так что мы отлично столковались: я получил шприц и сыворотку, а он — деньги.

После того как суденышко «Жозеф Блот» доверху было загружено огромными бревнами, так что от него мало что осталось видно, мне было разрешено погрузить свой зверинец на борт. Баркас вывез нас в лагуну, где стоял на якоре наш корабль. Африканцы подняли багаж краном на палубу, и я поначалу поставил его из-за жары впереди на носу, затянувши сверху тентом от солнца.

Потом «Жозеф Блот» снялся с якоря и потихоньку «почапал» вдоль побережья в Табу, где еще раз причалил, чтобы спустить на берег африканских грузчиков. Меня предупредили, чтобы я все запирал, пока они не слезли. И хотя при выходе их и обыскивали тщательнейшим образом, тем не менее половина моих бананов, заготовленных для животных, бесследно исчезла. Пришлось мне в Дакаре покупать новые.

Столовался я вместе с капитаном и главным механиком, которого здесь называли «chef mécanicien», в маленькой кают-компании, расположенной перед капитанским мостиком. На обед подавали ужасно жесткое мясо, которое я никак не мог разжевать; поэтому я старался выбрасывать его по кусочкам через иллюминатор в море, когда они не смотрели в мою сторону. Запивали обед красным вином, отчего я все время ходил навеселе, потому что вообще-то не употребляю никаких алкогольных напитков; но тут ничего другого нельзя было достать, а пить хотелось.

Во время первой же нашей совместной трапезы в окно с палубы влезла маленькая шимпанзе Лулу. Как выяснилось, судовой кок, вообще-то отличный малый, не мог отказать себе в удовольствии выпустить ее из ящика, в котором она сидела и хныкала от скуки. От волнения она, разумеется, наделала на белую скатерть, испачкала капитану рубашку и вообще повсюду оставила свои следы, так что в кают-компании завоняло по-страшному! Мне было ужасно неловко, я схватил Лулу и снес ее поскорее назад, хотя капитан и продолжал любезно улыбаться и сказал, что ничего в этом нет особенного. Однако главный механик рассказал мне потом, по секрету, что старик жутко ругался, когда я ушел. А кок вообще был мастер на разныеделки.

Когда после Дакара, где мы в последний раз пристали, постепенно стало холодать, я перетащил весь свой зверинец в закрытое помещение, отведенное для этой цели на носу корабля. Самому же мне дали каюту на корме, что для меня было связано с целым рядом неудобств, но об этом позже. А пока что, несмотря на ясную погоду, океан начал штормить, волны то и дело перехлестывали через борт и заливали нагроможденные на палубу бревна. Перед тем как открыть железную дверь, ведущую в помещение к животным, мне каждый раз приходилось выжидать момент, когда схлынет вода, и быстренько проскакивать внутрь так, чтобы не залилось за порог. Иначе подмокли бы все клетки.

Чтобы обезопасить себя от возможности побега кого-нибудь из моих подопечных, я на всякий случай закрывал дверь снаружи

на длинную железную палку вместо засова. Когда я однажды вечером, после того как покормил обезьян, захотел выйти, дверь оказалась снаружи запертой. Это сделал кок, который не знал, что я еще внутри.

Что делать? Я был совершенно один на носу корабля, потому что вахтенные стоят далеко отсюда, примерно где-то посредине судна на мостике, а все остальные спят тоже ближе к середине. Так что кричать бесполезно: за шумом волн все равно никто не услышит. А сидеть здесь до утра мне как-то не улыбалось — не больно-то тут было уютно! Так что мне пришлось до тех пор «играть в бодучего барана» и кидаться всей своей тяжестью на дверь, пока железная палка не прогнулась и не выпала из скоб. Однако потратил я на эту операцию чуть не два часа и под конец был уже в полном отчаянии.

Как я уже говорил, моя каюта находилась сзади, на корме, и мне ужасно не нравилось, что все матросы без спроса туда заходят и разглядывают нашу аппаратуру и прочие вещи. Наконец мне пришла блестящая идея. Я взял к себе большого питона и пустил его свободно ползать по каюте. Теперь он ползал там и днем, и ночью. Весть эта разнеслась по кораблю с необыкновенной быстротой, и с тех пор уже никто не решался заходить ко мне. Даже щелочку приоткрыть боялись!

Правда, однажды питону удалось обнаружить отверстие в железной переборке каюты и уползти в соседнее помещение, где спали матросы. Это вызвало ужасный переполох. Все одновременно кинулись к двери и застряли в ней; двое матросов боялись сдвинуться с места, дрожа как в лихорадке. Мне пришлось, в виде штрафа, поставить им бутылку водки, но зато я был отпущен, а то они вечно дразнили меня и потешались надо мной, когда меня одолевала морская болезнь.

Правда, первой заболела морской болезнью Лулу, маленькая шимпанзе. Когда началась качка, она просто перестала принимать пищу. У меня осталось еще шесть таблеток вазано, купленных нами для воздушного перелета. Что делать, пришлось мне, скрепя сердце, поделиться с Лулу. Я растолок три таблетки и засунул порошок обезьяне в рот. Она послушно проглотила его, и ей стало заметно лучше (чего не скажешь обо мне!). Уже на следующее утро к ней вернулся прежний аппетит, и она принялась уплетать все подряд с неумолимостью хорошей молотилки...

Суденышко наше раскачивало по-страшному. Когда я сидел за обедом, то боялся даже взглянуть на стоящий передо мной стакан с вином: оно все время перекашивалось из стороны в сторо-

ну. А когда я смотрел в окно, то море вздымалось к небу или небо исчезало в море, а желудок мой подъезжал к горлу... Я старался смотреть только в тарелку. Но все равно по три-четыре раза в день меня прямо-таки выворачивало наизнанку, и чувствовал я себя чертовски скверно. А кок и капитан вдобавок еще подтрунивали надо мной, что меня особенно бесило, потому что сами-то они расположились в середке корабля, где качка почти не ощущалась, и не удивительно, что их там не тошнило. Меня же запахали в каюту на самой корме, где раскачивало, как на качелях, то вверх, то вниз. Вот когда я сидел в кают-компании, то и со мной ничего не происходило!

Потом заболел Роджер. Он начал покашливать и наотрез отказался от еды. Я вывинтил все лампочки отовсюду, где только, по моему мнению, без них можно было обойтись, смонтировал нечто похожее на прожекторы, которые применяются при погрузке, подключил его к сети и стал обогревать им клетку. В ней действительно от такого обогрева становилось немного теплее. А то в этой чертовой посудине, состоящей из одних только железных стен и переборок, был промозглый холод. Ведь «Жозеф Блот» был корабль, рассчитанный исключительно на курсирование в тропиках.

Надо сказать, что и в нетопленных каютах становилось чертовски холодно и неудобно. Когда я монтировал свой «рефлектор», то дважды устроил короткое замыкание, так что весь корабль погружался в темноту, но, к счастью, никто не заметил, что это из-за меня.

Роджер был, честное слово, замечательный малый, очень разумный и сговорчивый. То, что он меня дважды укусил во время своих «припадков», я ему охотно простил, потому что не считал его виноватым. Когда я приготовил шприц с пенициллином, он совершенно добровольно протянул мне руку через решетку и спокойно дал сделать себе укол. Шприц этот, которым я запасся еще в абиджанской аптеке, оказался не вполне исправным: если нажать сильнее, то жидкость выбрызгивает назад прямо в лицо. Роджер вел себя настолько прилично, что не помешал мне довести инъекцию до конца. Он с интересом наблюдал за всей процедурой и под конец захотел получить этот шприц, чтобы проделать все это самому: сделать укол себе или, еще лучше, мне. Каждый раз, когда я вспоминаю теперь об этом славном малом, мне прямо реветь охота! Поскольку он отказывался принимать таблетки сульфонамида, я растолок их в бумажке и засыпал ему в горло. Ему это явно не нравилось: ведь порошок отвратительно горький, однако он не стал плевать и послушно все проглотил.

Покашливание у него прекратилось, и вскоре ему стало заметно лучше.

А я считал дни и ужасно хотел бы быть уже в Гамбурге, а потом в зоопарке. Потому что мне надо было во что бы то ни стало довести все в целостности и сохранности. Для меня это помимо всего было делом чести: как-никак я впервые в жизни совершал такое долгое самостоятельное путешествие!

Уход за животными занимал почти все мое время. Даже ночью они требовали внимания. Для этого мне каждый раз приходилось в темноте с кормы, балансируя по мокрым и скользким бревнам, добираться сначала до капитанского мостика, посередине корабля, а оттуда, уже по нагроможденным на носовой части штабелям ценной африканской древесины, до помещения с животными, на самом носу. Волны вздымались со страшной силой и то и дело перехлестывали через борт, заливая бревна. Но сколько я не просил штурмана вбить в них пару скоб и протянуть сквозь них канат, за который я мог бы держаться в темноте, он не счел нужным это сделать. Так что мне зачастую приходилось ползти на четвереньках, и промокал я обычно до нитки. Если бы меня при этом смыло за борт, ни один человек не хватился бы меня до самого утра. Как-то во время одного такого ночного «рейса» я свалился в щель между бревнами и вывихнул себе ногу.

Примерно возле Азорских островов машина заглохла, и пароход остановился. Пока там что-то чинили, всем желающим было разрешено искупаться. Волнение моря было несильным, но кругом шныряли акулы. Каждого купающегося привязывали за веревку, а капитан в это время с борта стрелял по акулам, так что они вынуждены были держать дистанцию. Все-таки я не думаю, чтобы они решились напасть на человека, но полной уверенности у меня, конечно, не было, и поэтому во время купания мне было как-то не по себе. И черт меня дернул написать из Дакара письмо моим родителям с описанием этого купания! Оказывается, моя мать жутко испугалась и стала упрекать отца в легкомыслии: как он мог меня отправить одного. Я не думал, что она окажется такой трусихой!

Во время той стоянки мы наловили на приманку каких-то здоровенных рыбин размером в человеческий рост, и на обед была вкусная жареная рыба. Но вообще-то с едой становилось все хуже. Мясо они, оказывается, заложили в рефрижератор еще за два рейса до этого: его просто невозможно было разжевать. Овощи же у них кончились, и в качестве гарнира подавали только лапшу, гороховое пюре и все такое прочее, от чего еще пуще хотелось блевать... Вся команда громко возмущалась по

поводу плохого питания; но мне-то приходилось молчать в тряпочку.

Потом вдруг заболел и я. У меня повысилась температура и появились боли под ложечкой. Я совсем пал духом, потому что против болезни всегда чувствуешь себя таким беспомощным. На борту не было не то что врача, даже санитаря. Все это время мне, наоборот, приходилось разыгрывать «лекаря», и поскольку у меня был солидный арсенал разных лекарств, которые мы всегда возим с собой, то я, как мог, врачевал различные болячки у членов команды.

Поначалу я решил, что это малярия. Но ведь во время всего нашего пребывания в Африке мы регулярно принимали атебрин, отчего были уже желтые, как померанцы. Кроме того, в любом французском доме, в который вас пригласят обедать, рядом с прибором непременно будет лежать таблетка хинина. Так что вроде бы от малярии мы себя обезопасили. Правда, с тех пор как я сел на пароход, я перестал принимать атебрин, потому что это дикая мерзость! Если, проглотив ее, тотчас же не сполоснуть горло огромной порцией воды, горький привкус еще час будет чувствоваться во рту и отравлять существование. Вполне возможно, что в самые последние дни моего пребывания в Абиджане меня укусил комар, а болезнь разразилась только сейчас, на корабле. Решил вспрыснуть себе пенициллин, однако температура все продолжала повышаться. С трудом я карабкался по бревнам с кормы на нос ухаживать за животными. Охотнее всего я остался бы лежать в каюте, но это ведь было невозможно. Тогда я вооружился врачебным справочником, который вытащил из чемодана отца, и принялся его изучать. Я прочел в нем массу самых дурацких советов и пришел наконец к выводу, что мне будет очень полезно проглотить большую дозу атебрина. И проглотил ее. Как впоследствии выяснилось, порция оказалась чересчур большой.

Когда мы были на широте Лиссабона, я решил послать весточку своим родным, подать какой-то признак жизни. Я ведь знал своих родителей и мог себе представить, как отец, а в особенности мать рисуют себе страшные картины, что меня уже сожрали акулы или что я умер от аппендицита, и меня, завернутого в простыню, опустили на дно океана...

На борту имелось две рации, из которых одна была сломана, а именно более мощная. Если бы она работала, по ней можно было бы передать текст радиограммы непосредственно в Норд-дейх, где находится немецкая трансатлантическая радиостанция. Все дело обошлось бы в какие-нибудь шесть марок. А так нам пришлось радировать этим маломощным аппаратом на другой

корабль, тот передал текст следующему, а следующий еще следующему, и уже только тот — на французскую береговую радиостанцию, а уж та — в Норддейх. Все расходы по этому делу были с точностью до пфеннига подсчитаны, и счет за эту телеграмму пришел на 25 марок! Я ничего не придумал другого и поэтому телеграфировал: «38 широту перевалили, все здоровы, Михаэль». Мои родители наверняка очень обрадовались.

Тем временем становилось все прохладнее, потому что мы продвигались все дальше на север. Посудину нашу отчаянно швыряло из стороны в сторону, а у меня не на шутку разболелся живот, и пожелтел я, словно бы на меня напала желтуха. Наконец-то мы вошли в устье Эльбы, но прошла еще целая вечность, пока мы добрались от Куксхафена до Гамбурга. Корабль в гавань не вошел, а причалил, не доезжая порта, возле громадной лесопилки, где меня, несмотря на предрассветный час, уже встречал отец и газетные репортеры. Газетчики охотнее всего распаковали бы весь наш багаж, выпустили бы обезьян из клеток, чтобы под открытым небом сделать хорошие снимки. Но об этом не могло быть и речи: дул сильный ветер и было чертовски холодно.

Чтобы дать им возможность хоть что-то поснимать, мы вытащили гигантского питона, который тут же постарался скрыться в ближайшем убежище, которым оказался мой полуоткрытый чемодан. В газетах было потом написано, что это я его так надрессировал, что он добровольно соглашается «идти на место». Кроме того, там утверждалось, что именно этот питон и был той «ядовитой» змеей, которая укусила меня в Африке (в то время как всем известно, что питон, как, впрочем, и все гигантские змеи, неядовит!), но что я тут же «проглотил» антизмеиную сыворотку (которую всегда вводят только путем инъекции). В общем — смех, да и только!

Роджер, уже смертельно больной, так обрадовался встрече с моим отцом, что прямо просил от счастья! Радостно он протянул ему обе руки сквозь прутья клетки. Хороший, добрый мальчик!

Мы сразу же перенесли животных в отапливаемое помещение и ночью того же дня уехали скорым поездом во Франкфурт.

Меня всего трясло от холода, потому что я был одет все в ту же «тропическую одежду» и с собой у меня не было никакого пальто. Так что пришлось обрядиться в кальсоны и брюки папиного знакомого, Фокельмана, директора зоомагазина, который весит, кстати, заметно больше центнера. Можете себе предста-

вить, как я выглядел в его одеждах! Я мог бы дважды обернуть их вокруг себя, потому что я ведь довольно-таки худой! Правда, отец тут же отдал мне свое пальто, но вид у меня все равно оставался такой, словно я собираюсь на паперти...

Ночь эту я проспал в спальном вагоне, впервые за долгое время на приличной постели. На другое же утро они потащили меня в больницу, потому что врачи — ужасные перестраховщики, и когда кто-нибудь возвращается больным из тропиков, то самые пустяковые вещи принимают за черт знает какие ужасные болезни! Из-за этого мне пришлось проторчать целых три недели в университетской клинике, несмотря на то что вскоре я уже чувствовал себя совершенно нормально.

А вот Роджер, тот через день после нашего прибытия во Франкфурт умер.

Это был самый красивый шимпанзе, которого мне когда-либо приходилось видеть, с его серебристо-серой сединой на плечах, мужественный и смелый зверь, хотя и вспыльчивый, но все равно высокопорядочный и добрый. С ним прекрасно можно было ладить.

Во Франкфурте его еще пробовали лечить: делали ему уколы и мучили разного рода снадобьями. Ветеринара он невзлюбил и видеть его не желал. Как только тот подходил к нему, он пытался его прогнать, хотя был уже совсем без сил и едва мог подняться. Но когда он видел моего отца, то из последних сил полз к нему навстречу, поднимался во весь рост и обнимал руками за шею. Он полюбил нас на всю свою недолгую обезьянью жизнь.

Какая все-таки несправедливость! Мы столько с ним мучились, чтобы довести из глубин Африки в Европу; спасли его от бывшего хозяина, который уже собирался его пристрелить, и вот... он умер. Под самый конец, когда все уже было позади! Попади он четыремя-пятью днями раньше в необходимые условия, с правильным лечением, он бы наверняка еще сумел выкарабкаться. Мы бы сделали для этого все возможное!

В университетской клинике при вскрытии у него обнаружили в легких каких-то паразитов. Там, дома, в Африке, это ему вряд ли могло повредить, а вот простуда во время перевозки на корабле спровоцировала бурное развитие заболевания.

Этот прекрасный экземпляр шимпанзе даже сейчас, после своей смерти, продолжает служить науке: он является гордостью экспозиции зоологического музея во Фрейбурге.

Что касается всех других животных, то они доехали целыми и невредимыми. Особенно хорошо чувствовали себя шимпанзята

Ака и Лулу, которых наша Катрин, живущая у нас дома уже пару лет, встретила радостными возгласами «ух, ух!». Сначала они немножко дрались, но потом так сдружились, что водой не разольешь, и сегодня уже неясно, кто, собственно, дети в этом доме — мы с братом или эти маленькие, черные дьяволята...

Мне было даже как-то смешно после всего этого (я имею в виду нашу пятимесячную эпопею в Африке и в особенности мое самостоятельное морское путешествие) сесть снова за парту в школе имени Гельмгольца, в которой я учусь...

Когда я снова вернулся

Когда очень близкого и дорогого человека не можешь больше ни увидеть и ни услышать, то непременно возникает желание побывать в тех местах, где когда-то бывал вместе с ним и проводил веселые и счастливые дни.

Так и со мной. Теперь, когда я потерял своего сына Михаэля, меня все время тянет на те места, где мы работали с ним вместе. А работали мы в самых разных частях Африки: и в Конго, и в Уганде, в Руанде, Танзании, Кении. И все эти долгие годы мы заботились только об одном, искали только одно: животных. Теперь, когда мне приходится делать это одному, я особенно остро ощущаю это желание — побывать там, где мы бывали с ним. Поэтому я и решил непременно поехать снова на Берег Слоновой Кости.

Я уже неоднократно получал приглашение туда приехать. Правда, там уже не было моего старого друга Абрахама. Сынова разбогатев в Африке, он тем не менее никак не мог примириться с жизнью на чужбине, его все время тянуло домой, на свою немецкую родину. Да и климат африканский оказался для него губительным (однажды он чуть не умер у меня на руках от инфаркта). Но вернувшись, он вскоре снова разорился, и несколько лет тому назад мы его схоронили во Франкфурте, по еврейскому обычаю, в простом гробу из неструганых досок, скрепленных с обоих концов полосками жести... Но жив ведь еще наш добрый знакомый Жан де Куадью и приятель Михаэля, ливанец Атик, и многие другие люди, с которыми мы подружились тогда еще, в нашу первую поездку.

Но на этот раз я летел уже не «на перекладных» с пересадками, а на мощном реактивном самолете новой авиалинии «UAT» прямо до Абиджана, столицы Берега Слоновой Кости. Город этот по-прежнему остается самым красивым из всех африканских городов; весь в пальмах, он просторно расположился на лесистых холмах, опоясывающих прозрачные, синие прибрежные лагуны... Но я не узнаю его: повсюду небоскребы, роскошные отели, бульвары, элегантные магазины, широкие, сверкающие витринами улицы, лихие изгибы гигантских мостов, непрерывный поток машин по шоссе, ведущему вдоль берега. Удивительнее же всего, что после трехлетней независимости страны здесь стало еще

больше французов и вообще европейцев, чем прежде... Что же касается здания аэропорта, то оно вполне могло бы украсить собой и Бордо и Гамбург.

Подавленный всем этим великолепием, я скорее пересеживаюсь в другой, менее мощный самолет, который должен перебросить меня во внутренние районы страны, а именно в Бваке, нашу прежнюю штаб-квартиру, туда, где кончается влажный и душливый тропический пояс побережья и начинается здоровая сухая саванная степь.

Самолет хоть и менее мощный, но все же четырехмоторный, а не с двумя пропеллерами, как это было тогда. Вместо деревянного сарая и забора из колючей проволоки в Бваке теперь выстроено настоящее здание аэропорта, по всем правилам искусства, с таможей, красивым баром, рекламными витринами и тенистой, заасфальтированной стоянкой для машин.

На возвышенности близ самой дороги, ведущей от аэродрома в город, красуется огромная, только что отстроенная, современная, многоэтажная больница.

— Уж несколько месяцев, как она закончена,— поясняют мне,— но не функционирует из-за отсутствия предусмотренных сметой средств.

Бваке стал сейчас резиденцией епископа, и я застал момент окончания строительства великолепного кафедрального собора. Несколько плотников как раз навешивали в нем двери. Я так засмотрелся на их работу, что чуть было не проглядел маленькую старую миссионерскую церквушку, своего рода сарайчик, сложенный из кирпичей, обмазанных глиной, с шаткими скамейками внутри...

Во время той нашей первой поездки в эту страну мы провели в гостиницах не больше двух ночей, потому что все остальное время жили либо дома у нашего друга Абрахама, либо принимали приглашения его гостеприимных приятелей-французов или африканцев. Вот и здесь, в Бваке, мы в гостинице разве что выпили по одному аперитиву. Теперь же я должен буду в ней поселиться. Хозяин ее — поляк. Во время последней войны он вовремя уехал сюда от нас, немцев. Номера теперь снабжены кондиционерами. Я каждый раз дрожу от холода, когда вхожу в такое помещение в своей «тропической одежде»: шортах и куцей рубашке с короткими рукавами. Но спится так, конечно, лучше, чем в духоте. Электрический свет теперь не гаснет в половине одиннадцатого, как раньше (потому что сосед, к движку которого прикреплена и ваша проводка, в это время ложится спать), а горит всю ночь напролёт. Ток теперь государственный, и лампочки светят не тускло и мигая, а ярко и ровно. Так что я даже могу

подключить к сети аккумуляторы своего киноаппарата и зарядить их.

На другое утро я начинаю расспрашивать местных жителей, не помнят ли они некоего господина Абрахама, который здесь жил тогда-то и тогда-то. Нет, не помнят. Но как же так? Ведь должны же здесь еще жить люди, которые его знали, виделись, разговаривали с ним. Нет, каждый пожимает плечами. Даже дома его я не в состоянии отыскать! Его красивого, тогда еще только построенного дома, в котором мы жили неделями. Я бегал, бегал и окончательно заблудился среди этих незнакомых мне улиц: все теперь здесь было ново и вполне современно. Но тот вон колодец, вернее маленький бассейн посреди рыночной площади, показался мне знакомым. Когда-то он был гордостью рынка, новенький, только что зацементированный. Теперь вода в нем иссякла, он захирел, зарос травой и бурьяном. Каким-то жалким и смешным он выглядит среди окружающего его современного городского пейзажа.

Но на следующий день я в одном из здешних такси, которых достаточно только поманить пальцем, чтобы они моментально подкатили, случайно проехал мимо бывшего дома Абрахама, того самого дома, принадлежавшего некогда ему. Вот же он стоит — розовато-красный, с белыми прожилками меж неровных, неотесанных камней, из которых сложен. Он почему-то меньше и не так красив, каким я его запомнил. Палисадник, когда-то ухоженный (гордость его хозяина!), теперь совсем зарос и запущен. В нем расквартированы два основательно разбитых автомобиля. Я стучу в заднюю дверь, выходящую на двор. Семья автомеханика, проживающая сейчас в этом доме, и понятия не имеет ни о каком господине Абрахаме. Нет, они не знали такого. Даже никогда не слышали. Квартирную плату они переводят теперешнему владельцу дома в Париж.

И не удивительно. Ведь здесь живет теперь масса европейцев, их четыре, а то и целых пять тысяч; Бваке за это время превратился в город средней величины. Кто в таком городе еще знает друг друга? Как ужасно, что следы человеческой жизни так быстро и так бесследно исчезают!

На следующий день я останавливаю двух стариков, медленно бредущих вдоль этой улицы. Один — в шлепанцах, согнутый крючком, другой опирается на палку. Я заговариваю с ними. Да, они тоже беженцы последней войны, но они так и застряли здесь, не вернулись на родину.

— Абрахам? Абрахам? Ну конечно же, мы его знали! Он умер в Европе, а дочь его вышла замуж.

Потом что-то, видимо, всплывает в их памяти, какое-то про-

светление на минуту озаряет улыбкой старые, изможденные, плохо выбритые лица:

— Так вы случайно не тот самый доктор, который тогда го- стил у него вместе со своим сыном и привез с собой такую уйму разного зверья? Ах, это вы и есть? Ах, вот как? Ваш сын тоже умер за это время? Примите наши соболезнования.

И двинулись дальше, медленной и усталой походкой. На того, кто сам стоит на краю могилы, смерть другого человека не про- изводит уже никакого впечатления.

А наш старый кинотеатр еще на месте. Правда, появилось два новых, огромных, как все новые здания, с колоннами, эмпорами и вторым ярусом, но, как водится, без крыши. Крутят цветной фильм «Собака Баскервелей» и еще два каких-то. Перед послед- ним я засыпаю. Потом иду домой. Один. Асфальтированные ули- цы залиты светом неоновых фонарей. Меня останавливает один, а следом за ним другой молодой африканец — нет ли у меня ка- кой-либо работы для них? А если нет, то не могу ли я хотя бы взять с собой в Европу одного или двух из их детишек? Им не- чем кормить их. Я поинтересовался, почему же они при столь тя- желых обстоятельствах не переедут из города в деревню, где они могли бы поселиться, выращивать игнам или просо, чтобы про- кормить свою семью. Но нет, оказывается, они образованные люди, учились в школе и теперь не хотят больше работать в поле.

Нашего тогдашнего приятеля, ливанца Атика, который так любил над нами подшутить, но и помочь никогда не отказывался, здесь больше нет. Это мне после долгих бесплодных распросов удалось наконец разузнать у другого ливанца. Оказывается, Атик уехал отсюда уже несколько лет назад. Он живет теперь в ис- панском Фернандо-По. Ничего не поделаешь, надо искать новых друзей.

Жорж Рур, возглавляющий дело охраны природы Берега Сло- новой Кости, написал объемистую книгу о животном мире этого края и за последние годы неоднократно обменивался со мной письмами. Его добрый знакомый, господин Брунель, возглавляет общество, обучающее жителей местных деревень возделыванию и выращиванию табака. А поскольку он одновременно увлечен- ный знаток и любитель птиц, то мы сразу же нашли общий язык: он предоставил в мое полное распоряжение автомашину своей жены (вместе с шофером). На этой машине я проехал бо- лее тысячи километров по стране, притом по ровным, прямым, пусть и не всегда заасфальтированным, но очень красивым до- рогам. Правда, иногда едешь по ним в течение двух-трех часов, не встречая ни одной другой машины.

Я направляюсь на этот раз в самый крайний, северо-западный

угол страны, где никогда прежде не бывал, это почти что на самой границе с Ганой и Верхней Вольтой. Там за это время основан природный резерват Буна¹.

В кемпинге, предназначенном для туристов, мне отпирают один из павильонов, свободно и живописно разбросанных вокруг ресторана, построенного прямо посреди леса. Павильон представляет собой просторный, солидный, свежеевыкрашенный деревянный дом, он состоит в известном смысле из одного лишь второго этажа, возвышающегося над кронами деревьев. Дело в том, что дом стоит на бетонных и деревянных сваях. Чтобы попасть в жилые помещения, надо подняться по широкой деревянной лестнице на веранду, уставленную шезлонгами и плетеной мебелью. В доме две просторные спальни с восемью постелями, с модным холодильником (разумеется, керосиновым), кафельные ванны, оборудованные по последнему слову техники; из кранов течет чистая, прозрачная вода; имеется кухня с газовой плитой и полным комплектом посуды, начиная от открывалки для бутылок и кончая тарелками и бокалами всех сортов и размеров. Вдоль всего фасада и задней стены дома укреплены специальные жалюзи, которые можно, при желании, открыть под таким углом, чтобы ветер, струящийся над верхушками деревьев, продувал комнату насквозь.

Вот с какими удобствами можно сегодня в стране Берег Слоновой Кости обозревать слонов и антилоп...

В ресторане, тоже стоящем на сваях, можно заказать различные сорта охлажденного пива, в том числе и немецкого. На кухне вам приготовят все что угодно, включая африканские и арабские национальные блюда (правда, в «облагороженной» форме), такие, как «путу» (Poutou), клецки из игнама или вареные бананы. Многие из этих блюд поначалу напоминают жвачку, если же добрить их соответствующей приправой и специями, то начинаешь понимать, в чем их прелесть.

Кемпинг этот, видимо, весьма популярен: недостатка в посетителях здесь нет. Однако из «книги для гостей» я узнаю, что я здесь первый иностранец, не живущий на Береге Слоновой Кости или хотя бы вообще в Западной Африке. Значит, европейцы еще не обнаружили этого идиллического уголка, несмотря на то что их более чем достаточно приезжает по делам службы в столицу страны — город Абиджан.

Весь следующий день я разъезжаю на маленьком грузовичке по всему резервату.купаюсь в реке Комоз, совсем неподалеку от мирно ворчащего стада бегемотов; стою перед воздвигнутым не-

---

¹ С 1968 г. резерват входит в национальный парк Камоз (Самое).

посредственно в самой глуши высоким мраморным обелиском над могилой лесничего Матты, убитого здесь браконьерами в 1959 году. Это третий европеец, отдавший свою жизнь за дело охраны африканской природы. Я вижу много животных: здесь и редчайшие лошадиные антилопы, и газели, коровьи антилопы, дукеры, различные обезьяны, огромные рогатые вороны с их синекрасными головами, а ночью, в постели, я слышу доносящийся откуда-то издалека львиный рык. Однако поскольку местность эта представляет собой саванну, поросшую редким кустарником и куртинами деревьев, то животных здесь не так-то легко увидеть, а еще труднее фотографировать. Не то что в Серенгети и на других открытых степных просторах Восточной Африки! А кроме того, они и довольно пугливые, потому что здесь еще много браконьеров, которые на них охотятся. Тем не менее Буна — все же единственное место на Береге Слоновой Кости, где ее жители имеют возможность полюбоваться свободно живущими слонами.

Слустья пару дней я предпринимаю попытку отыскать своего старого друга, «вождя» Жана Куадью. Но когда я добираюсь до его деревни, то нахожу его дом запертым. После долгих расспросов я разыскал наконец одного из его братьев, который на другом конце деревни построил большую и красивую бензоколонку. Неужели действительно прошло только тринадцать лет с тех пор, как мы сидели здесь меж глиняных богов, украшенных волосами из куриных перьев?

С тех пор как страна перестала быть французской колонией, Жану Куадью и другим «вождям» прекратили выплачивать жалованье (раньше они считались как бы государственными чиновниками), так что ему пришлось подыскивать себе работу, приносящую достаточный доход. Двое его сыновей окончили за это время учебу, одна дочка вышла замуж за врача, а сам он со всей остальной семьей перебрался в столицу Абиджан, где стал директором судовой компании.

Но мне хотелось еще хоть раз попасть в какую-нибудь старую африканскую деревушку, где еще нет коттеджей, построенных в современном европейском стиле, где не бормочет день и ночь напролет радио... Так что я проехал из Буна-резервата еще дальше на север, туда, где живет племя лоби. Конец пути мне пришлось проделать пешком, потому что в деревню ведет лишь узенькая тропинка. Зато я нашел, что искал: здесь еще с давних времен каждая семья строит себе дом, состоящий из нескольких комнат, столь низких, что я, например, не могу распрямиться в них во весь рост. Зато из комнат на крышу, через нечто напоминающее дымоход выведен древесный ствол с насеч-

ками, по которым обитатели дома, и мужчины и женщины, взбираются наверх, чтобы там насладиться вечерней прохладой. Крыша совершенно плоская, и сделана она из утоптанной глины, настолько ровной, что напоминает зацементированную площадку.

Женщины здесь по-прежнему разгуливают обнаженными по пояс, просо они растирают в муку каменными ступками в плоских лоханках, а теплое самогонное пиво помбе мне, как и прежде, подавали из калебаса, передаваемого по кругу. Однако к глиняным стенкам домов уже тут и там прислонены велосипеды, и, когда я хочу сфотографировать цесарку, кто-то протягивает мне руку, требуя «cadeau» — подарок, так как он владелец этой цесарки.

Старик, занятый изготовлением чего-то напоминающего деревянный топор, и есть, оказывается, деревенский староста. На нем поношенная европейская одежда. Я договариваюсь с ним о том, чтобы завтра вся деревня устроила для меня танцевальный концерт. Он затребовал 85 марок, то есть пять тысяч колониальных франков, зато я выторговал себе условие, что расплачиваться буду только с ним одним и не должен никому больше выдавать «cadeau».

Таким способом мне на другой день удалось организовать за свой счет танцевальный праздник. Причем среди бела дня и при солнечном освещении, чтобы я мог все удобно заснять на пленку. Так что когда вам приходится смотреть подобные фильмы, то знайте, что такие танцы аборигены устраивают специально для кинокамеры, за деньги, а не ради собственного удовольствия. Потому что ради удовольствия здесь никто не станет танцевать под палящими лучами солнца, ради собственного удовольствия здесь танцуют только ночью... Именно поэтому нам тогда, когда мы в первый раз жили среди бауле, никак не удавалось снять фильм — мы могли лишь фотографировать со вспышкой. В те годы люди здесь смотрели на нас непонимающим взглядом, когда мы требовали от них, чтобы они танцевали днем. Теперь же даже столь отдаленно живущие племена, как эти лоби, привычны к подобному рода пожеланиям приезжих кинолюбителей.

Музыка, знакомая мне издавна, увлекаемая из местного «рояля», состоящего из деревянных планок разной длины, издающих звуки разной высоты, в сопровождении щипковых инструментов, звучала красиво и ритмично, как всегда. Но что касается танцоров, то на каждом втором были надеты европейские штаны и рубаха, а то и соломенная шляпа или спортивные тапочки. Лишь немногие из девочек оставались в своей естественной наготе, остальные же нацепили бюстгалтеры или яркие

кофточки или считали неудобным не обвязаться хотя бы цветастым набедренным платком...

Но чем позднее становилось и чем ниже опускалось солнце к горизонту, тем оживленнее становились пляски. И когда я уже вынужден был упаковать свою камеру из-за недостатка света, тут-то оплаченный мною танцевальный вечер только и пришел в самый разгар, а танцоры вошли в настоящий раж. И пока мы в сумерках гуськом добирались домой по тропе, петляющей меж редко разбросанных деревьев, до нас еще долго доносилась гулкая ритмичная дробь барабанов...

Вот такой я увидел теперь Западную Африку.

Профессора Б. Гржимека не нужно представлять советскому читателю. Пять его книг переведены на русский язык, две из них издавались дважды.

Профессор Б. Гржимек — известный во всем мире прогрессивный ученый, страстный борец за охрану природы. Его талантливые книги завоевали всеобщую любовь. Их с неослабеваемым интересом читают и ученые и школьники.

Большинство книг Б. Гржимека посвящено Восточной Африке, куда он совершил многочисленные поездки, где провел многие годы, изучая животный мир и организуя природные резерваты и национальные парки. Однако первую экспедицию вскоре после конца второй мировой войны Б. Гржимек предпринял во Французскую Западную Африку, в Берг Слоновой Кости. Страна была слабо изучена, многие районы не обжиты, и это давало надежды найти там хорошо сохранившуюся фауну.

Как видно из книги «Мы жили среди бауле», надежды оправдались лишь отчасти. Примитивные формы ведения хозяйства, незаинтересованность колониальной администрации в долгосрочных мероприятиях по охране природы привели к резкому оскудению фауны. Лишь в очень отдаленных и труднодоступных районах Б. Гржимеку удалось найти бегемотов и слонов, а в единственном, организованном в 1944 г. строгом природном резервате гор Нимба — шимпанзе. В конце 50-х — начале 60-х годов Б. Гржимек вторично посетил эту страну.

Как и в других своих книгах, Гржимек с беспокойством пишет о будущем дикой природы Африки, отступающей и разрушающейся под напором цивилизации. Он считает, что неконтролируемое и бездумное использование природных богатств земли в не столь отдаленном будущем может обернуться катастрофой для окружающей среды, для флоры и фауны даже самых отдаленных уголков нашей планеты.

Хотя население земного шара в последние десятилетия действительно быстро растет (особенно в развивающихся странах), было бы неправомерным видеть только в этом главные причины разрушения окружающей среды. Они заключаются прежде всего в хищнической эксплуатации природных богатств ради получения быстрой и высокой прибыли. Именно этой цели в значительной мере была подчинена многолетняя экономическая деятельность колониальных держав в Африке.

Со времени второй поездки Гржимека в Берг Слоновой Ко-

сти прошло 10 лет. В последние годы зарубежные наблюдатели все чаще называют эту страну одной из «витрин Запада» в Африке, образцовой «экономической моделью» для развивающихся стран.

По темпам экономического развития Берег Слоновой Кости действительно превосходит многие независимые африканские страны. Занимая одно из первых мест в мире по производству кофе и какао-бобов, Берег Слоновой Кости с помощью иностранного капитала и иностранных займов заново освоил или расширил производства ряда других экспортных культур, создал довольно развитую перерабатывающую промышленность. Заметную роль в экономической жизни Берега Слоновой Кости играет быстро растущий класс африканской буржуазии — прямое следствие официальной политики строительства «массового, народного капитализма».

В то же время в развитии Берега Слоновой Кости все четче проявляются негативные последствия ориентации на капитализм, тесной связи с иностранным капиталом, сохраняющим значительные позиции в экономике страны. По-прежнему не уделяется должного внимания охране природы, сократилось производство ряда важных продовольственных культур. Резерват Буна, о котором пишет Б. Гржимек, организованный в 1953 г., лишь в 1968 г. был преобразован в национальный парк Камоэ и расширен до 1 млн. 150 тыс. га. Кроме него в стране существовал лишь маленький национальный парк Банко, созданный в 1926 г. на песчаной косе в устье реки Банко в 10 км от столицы Берега Слоновой Кости — Абиджана. Он представлял собой скорее пригородную зону отдыха для живущих в Абиджане французов, чем национальный парк.

Только в 1968—1972 гг., при поддержке международных организаций, было создано семь охраняемых природных участков общей площадью 683 тыс. га. Из них три национальных парка и четыре ботанических и фаунистических резервата, где частично эксплуатируются природные ресурсы.

Несмотря на относительно большую площадь заповедных территорий — 1 млн. 838 тыс. га, что составляет около 5,5% площади страны, положение с охраной природы в Республике Берег Слоновой Кости до сего времени неблагоприятно.

Так, дождевые леса интенсивно эксплуатируются, главным образом иностранными компаниями, и площади их быстро сокращаются. На лесосеках красно-желтые латеритовые почвы быстро эродуют, и на месте богатейшего тропического леса образуются практически бесплодные земли.

В сельском хозяйстве многих районов сохранилось еще под-

сечно-огневое земледелие, что при быстром росте населения приводит к образованию больших площадей бросовых земель. Развивающееся, главным образом на юге страны, товарное земледелие, специализированное на экспортных тропических культурах, и здесь влечет за собой истощение почв.

Слабо развитое животноводство, сосредоточенное в саваннах северной части страны, не обеспечивает мясом не только горожан (мясо импортируется из Мали и других стран), но не удовлетворяет и потребности сельского населения, среди которого широко развито острое белковое голодание. Это неизбежно порождает браконьерство. Несмотря на существующие ограничения и запрещение добычи редких видов животных, продолжается массовое истребление диких копытных, обезьян и других животных, в том числе слонов и человекообразных обезьян. По отчетам экспедиции, снаряженной при поддержке международных природоохранительных организаций в середине 70-х годов, незаконная охота в стране процветает, в результате чего сложилось катастрофическое положение с дикими животными в большинстве районов. Даже заповедные территории подвергаются постоянным нашествиям браконьеров, борьба с которыми крайне затруднена.

Вместе с тем мрачные прогнозы Б. Гржимека, полагавшего, что «через пару десятков лет» произойдет полное опустынивание страны в результате выпаса домашних животных, не оправдались (глава XIII). Дело не столько в том, что «нагана охраняет диких животных» и не позволяет быстро развиваться животноводству, как пишет автор, сколько в том, что домашние животные не могут достаточно полно использовать растительный покров африканских саванн. Большинство растений для них непригодно, отсюда необычайно низкая продуктивность домашнего скота. Одновременно из-за скученности и малой подвижности домашние животные разбивают растительный покров саванн. В итоге скотоводство в саваннах, как правило, малорентабельно. Напротив, разнообразные дикие копытные, каждый вид которых при совместном обитании использует определенный набор растений, отчего пастбища выдерживают несравнимо большую нагрузку, оказываются очень продуктивными. При этом, находясь в постоянном движении, дикие копытные не выбивают пастбища. Подсчитано, что биомасса диких копытных в саваннах Африки без заметного ущерба для пастбищ достигает 35 т на 1 кв. км, тогда как максимальная биомасса домашнего скота может быть доведена в тех же саваннах до 3,6—5,5 т на 1 кв. км. На опытных фермах было показано, что без ущерба для воспроизводства диких копытных можно получать до трех тонн то-

варного мяса с той же площади, что почти в 10 раз больше, чем получают от содержания здесь домашнего скота.

Еще более перспективными оказались опыты по совместному содержанию на саваннных пастбищах домашних животных и таких антилоп, как канна, гну, водяные козлы. Эти работы в производственном масштабе проводятся главным образом в Восточной и Южной Африке, однако в саваннах Западной Африки, в том числе и в Республике Берег Слоновой Кости, первые опыты дают хорошие результаты.

Как и в других своих книгах, в «Мы жили среди бауле» Б. Гржимек не ограничивается описаниями флоры и фауны. Многие страницы этой книги посвящены описанию быта, обычаев и культуры бауле — наиболее многочисленного народа Берега Слоновой Кости.

И именно здесь, на наш взгляд, в полной мере раскрываются такие черты Гржимека-исследователя, как объективность и вдумчивость, острая наблюдательность и способность фотографически точно описать увиденное.

Б. Гржимек вводит читателя в сложный и интересный мир африканской деревни, знакомит его с «буднями» колониального управления. Многие зарисовки Б. Гржимека из повседневной жизни французской колонии конца 40-х — начала 50-х годов сделаны в свойственной ему иронической манере. Однако и здесь Б. Гржимек остается ученым-гуманистом, борцом против расовой дискриминации и колониализма.

Книга Б. Гржимека имеет большое значение как правдивый документ, отражающий положение в Береге Слоновой Кости к началу 50-х годов. А это очень важно для понимания современных процессов, протекающих в природе, обществе и экономике этой страны.

А. Г. Банников, А. М. Пегушев

к стр. 3

* Генерал-губернаторство Французская Западная Африка (ФЗА) — административно-территориальное объединение французских колоний в западной части Африканского континента. Создано в 1895 г. Центром ФЗА был Дакар, ныне столица Республики Сенегал. К концу 50-х годов в состав ФЗА входили Мавритания, Сенегал, Французская Гвинея, Берег Слоновой Кости, Дагомея, Французский Судан, Нигер, Верхняя Вольта. Законодательство ФЗА действовало также в подмандатной территории Того. В 1960 г., когда все входившие в ФЗА колонии добились независимости (Гвинея стала независимой еще в 1958 г.), ФЗА распалась.

к стр. 7

* К середине 70-х годов население Дакара с пригородами превысило 700 тыс. человек.

к стр. 9

* Французский Институт Черной Африки (общепринятая французская аббревиатура — ИФАН) был создан в 1936 г. как комплексная научно-исследовательская организация, занимающаяся изучением природы, истории, этнографии, археологии, социологии, лингвистики, географии и т. д. В 40-е годы филиалы ИФАНа были созданы во многих странах западноафриканского региона. В 1959 г. все они стали самостоятельными организациями. После распада французской колониальной империи в Западной Африке переименован в Фундаментальный институт Черной Африки (аббревиатура ИФАН сохранилась) и перешел под контроль правительства Сенегала.

* Абиджан во время первого путешествия Гржимека был административным центром колонии Берег Слоновой Кости. С 1960 г. — столица Республики Берег Слоновой Кости.

к стр. 13

* Бауле — сельскохозяйственный народ, населяющий междуречье Нзи и Бандамы в центральной части Берега Слоновой Кости. Согласно преданиям, бауле ведут свое происхождение от «людей аа», т. е. от ашанти. По своей культуре и языку бауле действительно близки народам ашанти и фанти (Гана), говорящим на языках группы акан. Основательницей «королевства» (точнее, племенного объединения) бауле считается Аура Поку, старшая дочь Ауры, правительницы одного из городов (предположительно г. Кумаси) в Гане. В начале XVIII в. после смерти Ауры власть захватил ее старший сын, не признавший за сестрой права наследования. Аура Поку и ее сторонники бежали

и, переправившись через реку Комоз, достигли земель, которые стали их новой родиной. В память о малолетнем сыне, принесенном Аурой Поку в жертву ради спасения своего народа, она дала ему новое название — «ба уле», что означает «народ ребенка». Предполагается, что Аура Поку правила в королевстве бауле до середины XVIII в.

к стр. 13

В пересказе Гржимека легенда об исходе бауле несколько отличается от ее варианта, записанного немецким этнографом Г. Химмельхебером во время его двух этнографических экспедиций в Берег Слоновой Кости (1933 и 1934—1935 гг.). Собранные Г. Химмельхебером мифы, легенды, басни, пословицы и загадки бауле были опубликованы в сборнике, который в 1960 г. вышел в Москве в русском переводе под названием «Аура Поку».

Заметную роль в обществе бауле, как и многих других африканских народов, играют служители традиционных верований и культов: колдуны, предсказатели, прорицатели, гадатели и т. д. К одному из таких пророков-предсказателей и обращаются бауле в пересказанной Гржимеком легенде. Название «марабут» употреблено здесь Гржимеком, очевидно, неточно. Марабутами называют святых и духовных лиц в странах Магриба и в исламизированных государствах Африки. Возможно, человек, сообщивший Гржимеку эту легенду, был мусульманином.

Подобные сведения о традиционных религиях и культах Берега Слоновой Кости и других стран континента читатель найдет в переведенной на русский язык книге французского исследователя Б. Оля «Боги Тропической Африки» (М., 1976.).

к стр. 14

В конце XIX в. все земли бауле были захвачены французами и включены в состав колонии Берег Слоновой Кости.

Сосредоточив в своих руках все важнейшие звенья управленческого аппарата ФЗА, французы в то же время довольно широко использовали на низших административных постах представителей зажиточных слоев местного населения. На должности вождей деревни, кантона и провинции, как правило, назначались африканцы. Об одном из таких людей — кантональном вожде Жане Куадью — и рассказывает Гржимек.

к стр. 14

В соответствии с конституцией Франции 1946 г., принятой под давлением прогрессивных сил этой страны, все жители «заморских территорий» (в том числе и Берега Слоновой Кости) получили права французского гражданства, включая права выборов в так называемые генеральные советы колоний, Ассамблею Французского Союза и парламент Франции. Однако дискриминационные цензы закрывали подавляющему большинству африканского населения дорогу во все эти представительные органы. Другими новыми привиле-

гиями, в частности возможностью получать высшее образование в метрополии, также смогла воспользоваться крайне незначительная прослойка населения.

к стр. 15

* Гржимек не совсем точен в толковании этого понятия. Фетишизм означает веру в вещи (предметы), обладающие сверхъестественной, могущественной силой. Фетишистские представления в той или иной мере свойственны для всех традиционных африканских верований. Поклонение многим богам характерно для политеизма, который, по мнению ряда исследователей, является следующей после анимизма стадией в развитии религии.

к стр. 18

* В колониальный период судопроизводство во многих африканских странах осуществлялось как бы на двух уровнях: на основе законодательства, действовавшего в метрополиях, и в соответствии с традиционным (обычным) африканским правом. В ряде независимых африканских государств кодифицированные нормы обычного права включены в официальные государственные законодательства. В некоторых странах кодификация обычного права началась еще в колониальный период.

к стр. 26

* Нотаблями называли членов советов нотаблей — совещательных органов при губернаторах французских колоний в Западной Африке. Нотабли назначались губернаторами.

к стр. 27

* Разновидность (или сорт) ямса — одной из главных продовольственных культур африканского населения Берега Слоновой Кости.

к стр. 29

* Гуро — одно из племен Берега Слоновой Кости. Этническая территория гуро расположена к югу от земель баул.

к стр. 42

* Потто относится к особому подсемейству африканских полуобезьян, включающему всего два вида (обыкновенный и калабарский потто). Эта древняя группа полуобезьян вместе с африканскими видами галаго и азиатскими видами лори образует семейство лоризид, существенно отличающихся от многочисленных полуобезьян-лемуров Мадагаскара. Обыкновенный потто имеет длину тела с головой всего 35—40 см и весит около 1 кг или немного больше. Действительно, у потто на передних лапах указательный палец редуцирован до небольшого бугорка, а на задних — снабжен «туалетным коготком», при помощи которого зверек расчесывает свою длинную шерсть. Сильно вытяну-

тые остистые отростки грудных и нижних шейных позвонков, образующие на коже бугорки, окруженные длинными волосами, вряд ли могут представлять опасность для человека, взявшего животное руками. Вообще потто очень спокойные и медлительные ночные животные, кормящиеся беспозвоночными животными, семенами, ягодами, фруктами, сочными листьями, реже яйцами птиц, ящерицами или мелкими зверьками.

к стр. 45

* Паук — один из главных персонажей фольклора бауле. Его роль сходна с ролью хитрого лиса в сказках многих европейских народов. Истории о пауке составляют целый раздел в упоминавшемся выше сборнике «Аура Поку».

к стр. 50

* Гагенбек Карл (1844—1913) — основатель крупнейшей немецкой фирмы по ловле и торговле дикими животными. Он впервые создал зоопарк, в котором животные содержались не в клетках, а в открытых вольерах, где им были созданы условия, максимально приближающиеся к природным. Организатор ряда экспедиций в Африку, Южную Азию и другие районы для поимки животных. В известной книге «О зверях и людях» (русский перевод, 1957 г.) описал свою деятельность как создателя зоопарков нового типа.

к стр. 52

* Проказа (лепра) — инфекционное заболевание, вызываемое бактерией Микробактериум лепра. Общее число больных на земном шаре в середине 70-х годов достигало примерно 10 млн. человек. Средняя продолжительность инкубационного периода — 4—6 лет (максимальная — до 20 лет и более). В настоящее время от проказы успешно вылечивают, но курс лечения довольно продолжительный. В нашей стране больных проказой помещают в специальные лечебные учреждения — лепрозории, где больным бесплатно созданы хорошие условия для жизни и длительного периода лечения.

к стр. 53

* Имеется в виду норвежский врач Даниэль Корнелиус Даниэльссен. В 1844—1858 гг. он проделал на себе серию опытов с целью установить, является ли проказа инфекционной болезнью. Возбудитель проказы был открыт и описан другим норвежским врачом — Герхардом Армауером Хансеном.

к стр. 60

* Народ диула (около 400 тыс. человек в начале 50-х годов, из них примерно половина проживала в северной части Берега Слоновой Кости, остальные — в Сенегале, Гвинее и других странах Западной Африки) вместе с родственными народами малинке и бамбары образует этническое объединение мандинго. Язык диула является одним из трех диалектов языка мандинго.

В средние века диула подверглись значительному влиянию ислама. В Бе-

реге Слоновой Кости и соседних странах диула издавна известны как искусные торговцы и перевозчики грузов.

к стр. 67

* Орехи кола — крупные семена, около 3 см в диаметре, вечнозеленых деревьев семейства стеркулиевых. Некоторые виды рода кола культивируются в тропиках, главным образом на их родине в Африке. «Орехи», содержащие около 2,5% кофеина и 0,05% теобромина, находят применение в медицине, но главным образом — для изготовления тонизирующих напитков, например кока-колы.

к стр. 94

* Термиты — особый отряд насекомых с неполным превращением, а муравьи — представители не только другого отряда, но и другого отдела насекомых с полным превращением. Не все термиты кормятся только древесиной. Их пищей могут служить все растительные остатки, а также навоз, мертвые насекомые, другие мелкие животные, гумус и т. п. В СССР встречается 5 видов термитов, распространенных в Средней Азии, южном Казахстане, на Кавказе, в Закавказье, Молдавии и южной Украине. Термиты, обитающие у нас, делают подземные гнезда, которые иногда уходят на глубину до 10—12 м.

к стр. 108

* Ньямие (Ньямье, Ньяме, Ниаме) — бог неба, один из главных богов в пантеоне бауле и некоторых других народов Западной Африки. Вместе со своей женой Ассией он управляет миром, причем Ньямие занимается небесными делами, а Ассию — земными. К числу главных божеств мифология бауле относит и Анагаму, брата Ньямие. Существуют различные версии мифов об Ньямие и Анагаме, в которых Анагаме выступает либо как младший, либо как старший брат Ньямие.

Так же противоречиво объясняется и роль каждого брата в сотворении земли и заселении ее людьми. Верховным божеством бауле считают Алудву, «отца вселенной», создавшего всех других богов, включая Ньямие и Анагаму.

к стр. 110

* Имеется в виду «Общество леопарда» — одно из довольно многочисленных тайных африканских обществ доколониального и колониального времени. Некоторые тайные африканские организации продолжают функционировать и в настоящее время.

Организованные на общинно-классовой основе тайные общества, как правило, объединяли только взрослых мужчин. «Обществу леопарда» приписывают нападения на людей и жестокие ритуальные убийства, совершаемые со специальными приспособлениями, напоминающими когти и клыки хищных зверей. Сенсационные сообщения о тайных обществах, появившиеся в колониальной и западной прессе, часто были очень далеки от истины.

* Самори Туре — создатель обширного и сильного государства в Западной Африке (1870—1898 гг.), выдающийся африканский полководец. В состав государства Самори входили северные районы Берега Слоновой Кости, его влияние распространялось на обширные соседние территории, включая земли бауле. В 90-е годы Самори оказал упорное сопротивление французской колониальной экспансии. В 1898 г. он был захвачен в плен и сослан в Габон, где и умер в 1900 г.

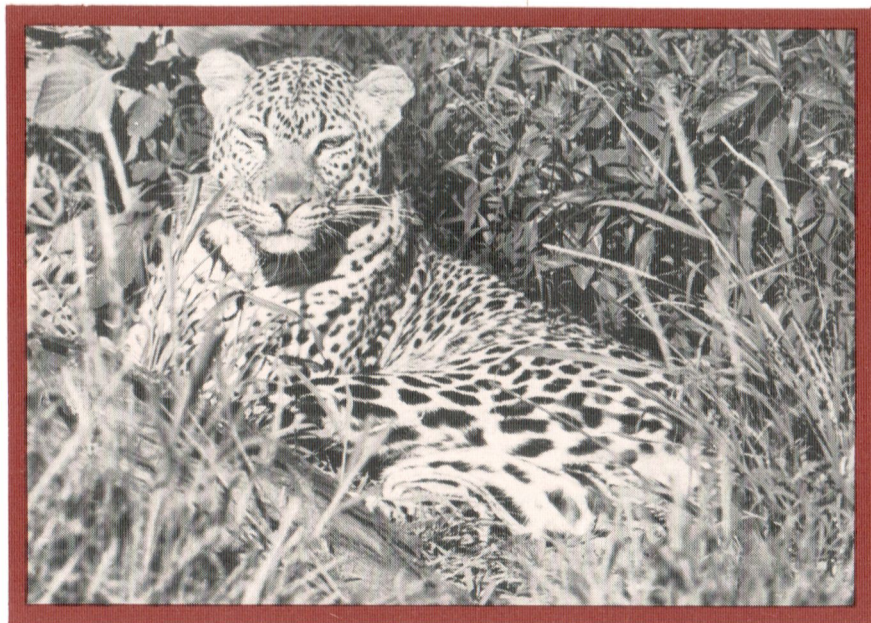
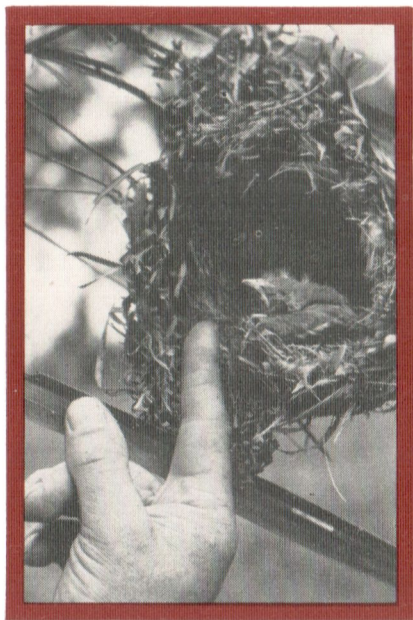
Оглавление

	Вместо предисловия	
	Не только ради животных	1
	Глава первая	
Знаете ли вы, как надо снаряжаться в Африку?		3
	Глава вторая	
В гостях у африканского правителя		13
	Глава третья	
Мирный доктор из Европы без оружия		23
	Глава четвертая	
В гостях у бегемотов реки Бандама		32
	Глава пятая	
Несчастные прокаженные		52
	Глава шестая	
О ценах, заработках, золотых слитках и удивительных поваренных рецептах		60
	Глава седьмая	
Птицы плетут корзинки		69
	Глава восьмая	
У человекообразных обезьян в заповедной стране		77
	Глава девятая	
Юная богиня леса		88
	Глава десятая	
Многочисленные города посреди степи		92

	Глава одиннадцатая	
	Про боя Джо, «про леса-табу», тотемные блюда и кинотеатры в буше	103
	Глава двенадцатая	
	«Король Тимоко»—похититель бананов	114
	Глава тринадцатая	
	Еще нагана охраняет диких животных	134
	Глава четырнадцатая	
У нас прибавление семейства: Роджер и Ака		140
	Глава пятнадцатая	
	Ночной бой с Роджером	149
	Глава шестнадцатая	
	Предотъездные хлопоты	157
	Глава семнадцатая	
	Михаэль плывет с животными домой	161
	Глава восемнадцатая	
	Когда я снова вернулся	173
	Послесловие	181
	Комментарии	185

Лысая ворона из семейства тимелиевых (*Picathartes*) — чисто африканская птица. Местные жители всегда ее боялись, считая «прислужником злых духов». Не рекомендовалось ни видеть ее, ни говорить о ней. В европейском зоопарке впервые появилась в 1954 году

◀ Гнездо ткачика готово. Самец начинает суетиться вокруг своей постройки, громким пением и хлопанием крыльев привлекая внимание самок. На языке ткачиков это означает примерно: «Молодой холостяк с отдельной квартирой ищет подругу жизни...»

◀ Поперечный разрез гнезда ткачика. Внутри шарообразного сооружения находятся два птенца. Палец вложен в «шланг-туннель», через который родители-ткачики проникают в свою маленькую крепость

◀ Леопард отдыхает, скрытый наполовину высокой травой

Удивительное создание — трубказуб (*Orycteropus afer*), которого не видят даже сами африканцы (из-за его ночного образа жизни), а уж европейцы и подавно. Трубказуб роет свои норы глубоко под землей. Народность бауле называет его *pandan fendî*

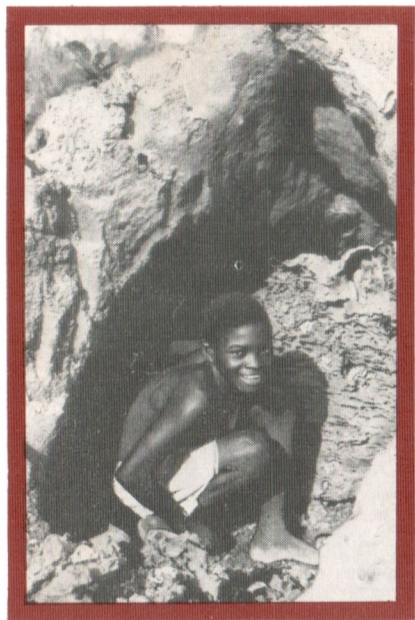
«Барабан» шимпанзе — поваленный и полый древесный ствол. Сверху он весь отполирован ногами и руками барабанящих по нему самцов

Это настоящее чудо в глуши Африки: большой и благоустроенный лабораторный корпус Института ИФАН, построенный при въезде в «заповедную страну»

Четырнадцать дней нам потребовалось на то, чтобы ►
заполучить этот снимок угрожающего самца-шимпанзе, снятого в природной обстановке

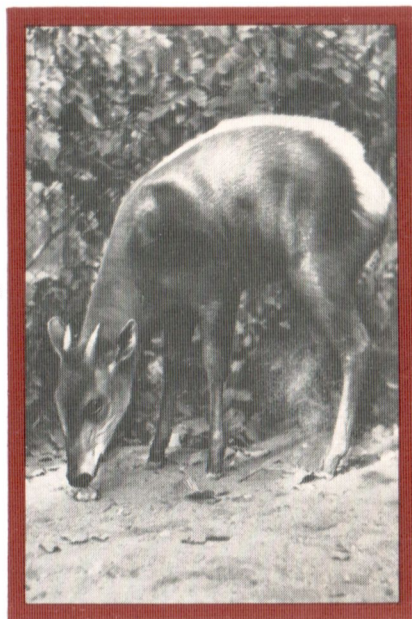
◀ Мальчик Андре сидит в разрытом термитнике. Светлые пятна в стене — это грибные камеры, устраиваемые термитами в своих сложных сооружениях

◀ Это не гигантский гриб, а строение особого подвида термитов, строящих подобной формы термитники

◀ Самка — «королева» термитника — мешок, набитый яйцами. Виднеется передняя часть ее первоначально крохотного тельца. Это настоящая фабрика по производству яиц: несколько десятков тысяч в день

Желтоспинный дукер (*Cephalophus sylvicultor*) — наибольшая из этих карликовых антилоп, беспумно шныряющих среди лесного кустарника

Этот старик из племени бауле — участник первой мировой войны — никак не может забыть ее ужасов и весьма эмоционально изображает стрекот пулеметов, грохот разрывающихся гранат и гудение самолетов

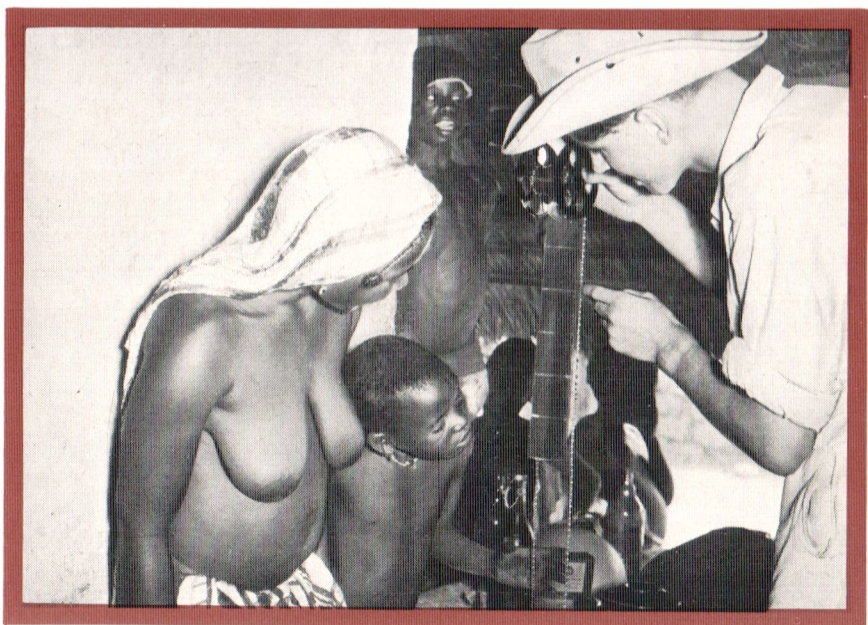

Это наш верный помощник Джо,
сопровождавший нас во время всего
путешествия в страну бауле.
Здесь он как раз примеряет дере-
вянную ритуальную маску. Он уверен,
что в таких масках таятся злые духи

В школе ►

Проявление пленки — таинственное, но ►
ужасно интересное занятие. У Михаэля в
это время всегда много зрителей

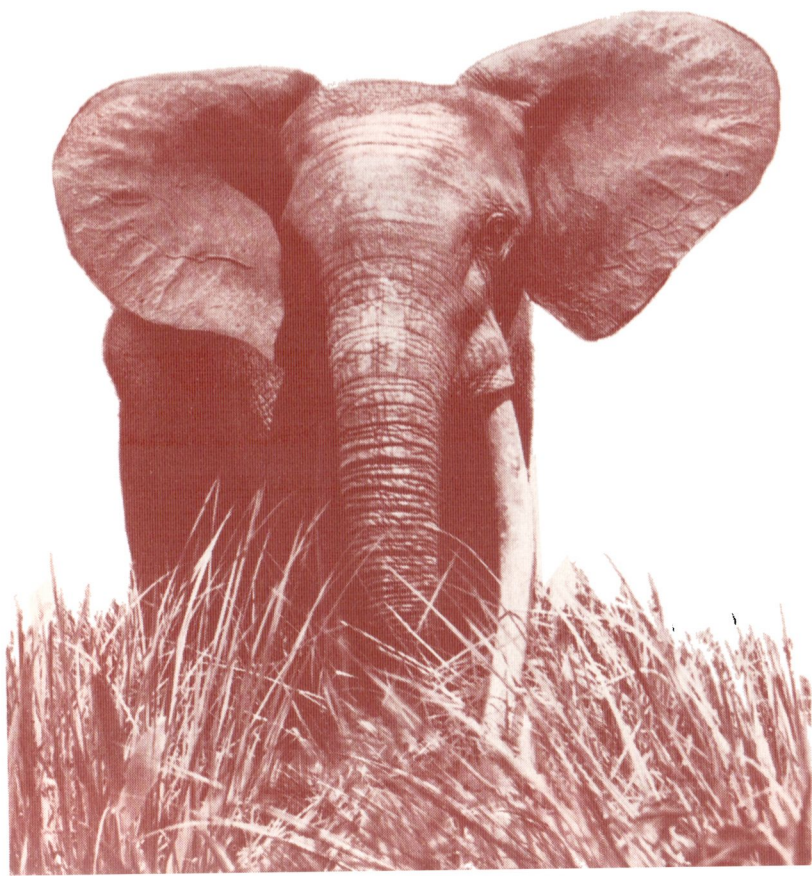

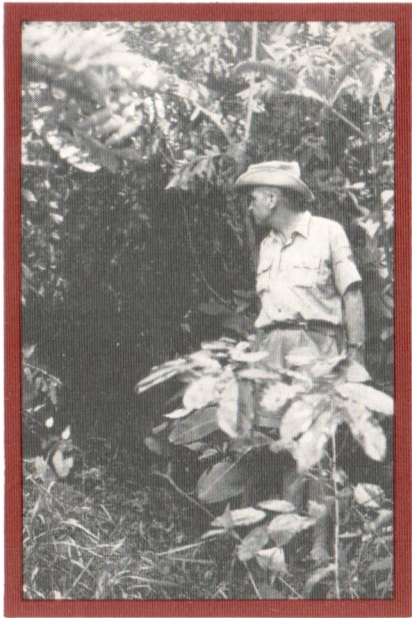
Это — «король Тимоко» собственной персоной

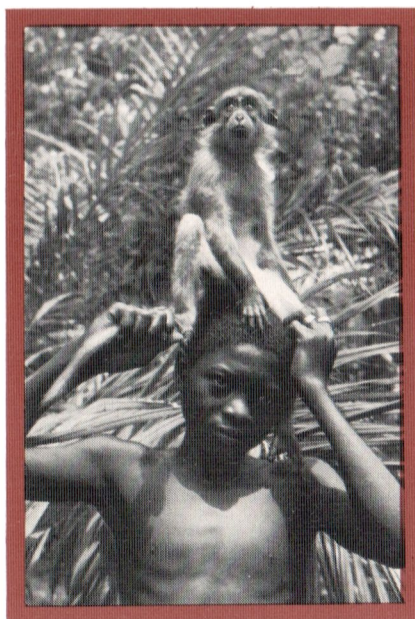
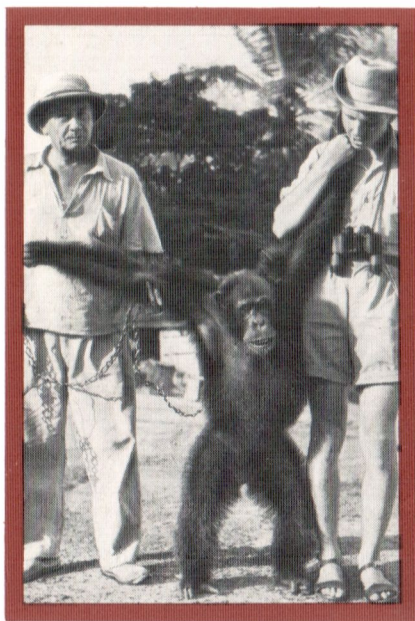
Этот проход в зарослях девственного леса проложил слон. По нему можно удобно пробираться в глубь леса ▶

Михаэль показывает отметины на деревьях, оставленные боками продирающихся сквозь чащу слонов. А спины их еще выше ▶

Дупло этого баобаба размером с хорошую комнату ▶

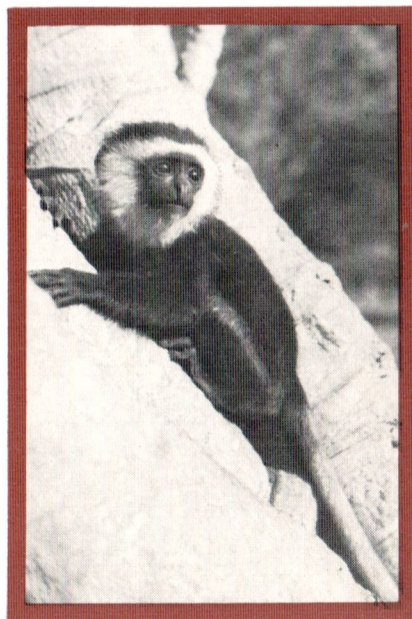

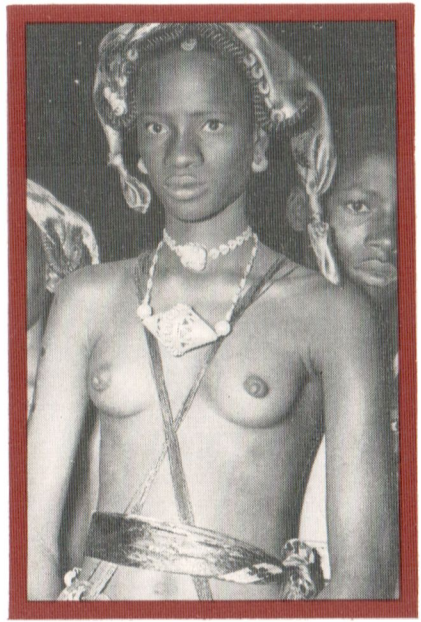
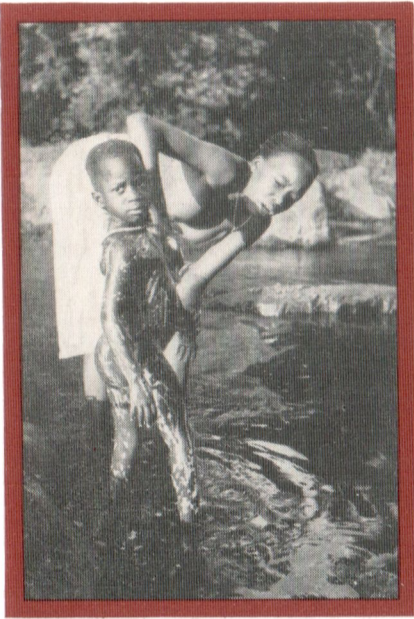

- ◀ Потто, этим полуобезьянам, требуется не меньше целого дня, чтобы продвинуться на десять шагов вперед
- ◀ Это Роджер — самец-шимпанзе, которого мы забрали с собой на радость его хозяину
- ◀ Белоногая марьяшка
- ◀ Наш маленький спутник Андрэ с ручной марьяшкой-мангобеем, которую мы благополучно привезли затем во Франкфуртский зоопарк

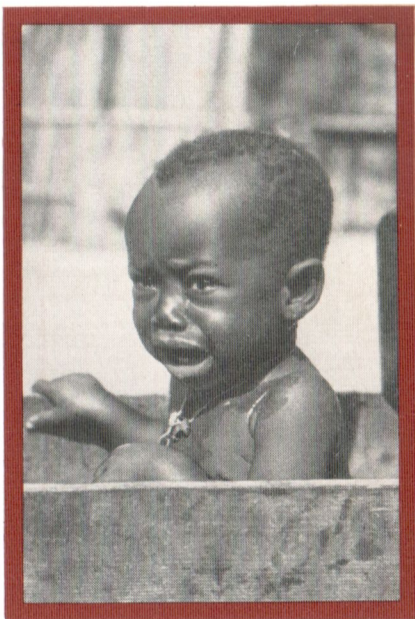
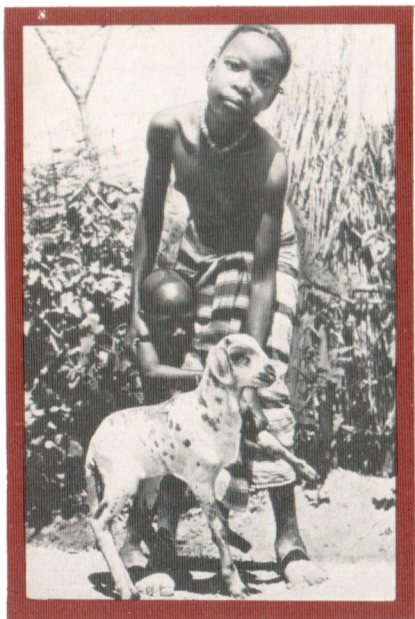
Детеныш шимпанзе в природных условиях

Белобородая обезьяна — вид, относящийся к колобусам

Сестрица, братик и овечка позируют фотографу

Все дети разбежались при виде киноаппарата. А вот этот малыш ходить еще не умеет и вынужден терпеть общество «этих страшных белых дядей»...

То, что мы носим обычно на плече, здесь принято носить на голове. Михаэль с девушкой из племени бауле

- ◀ Африканцы моются часто и охотно, причая к чистоплотности своих детей
- ◀ Все драгоценности, надетые на этой девушке из племени бауле, из чистого золота
- ◀ Мальчишки из племени бауле радостно плещутся в ручье, протекающем недалеко от деревни

БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

Мы жили среди бауле

Заведующий редакцией
О. Д. Катагощин
Редактор В. Н. Тихомиров
Редактор карт Л. Ф. Восканян
Младший редактор Ю. С. Макаревич
Художественный редактор
Е. М. Омелянская
Технический редактор Е. А. Данилова
Корректор З. Н. Смирнова

ИБ № 969

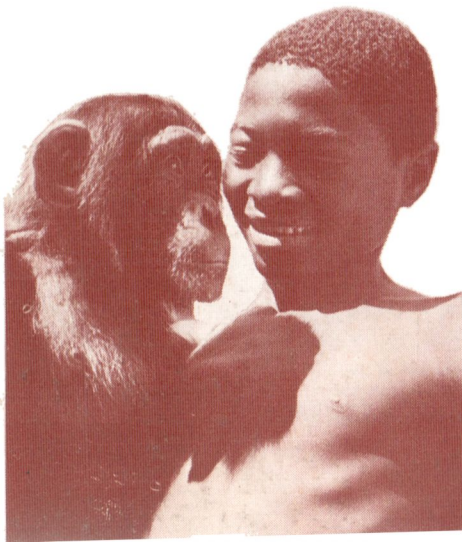
Сдано в набор 25.12.78. Подписано в
печать 19.04.79. Формат 60×84¹/₁₆. Бу-
мага типографская № 2. Литерат. гар.
Высокая печать. Усл. печатных листов
13,02 (с вкл.). Учетно-издательских ли-
стов 13,63 (с вкл.). Тираж 70 000 экз.
Заказ № 3535. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Мысль», 117071,
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и орде-
на Трудового Красного Знамени Пер-
вая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли, Москва, М-54, Ва-
ловая, 28.

Андрэ подружился с маленькой Акой

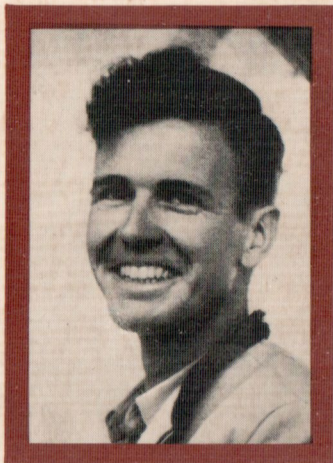
**Во время каждой остановки наш грузо-
вик с клетками обступала толпа зевак** ►

10009/388
1-53

Мы жили среди бауле

Это было первое путешествие в Африку, которое вместе со мной проделал мой сын Михаэль. Было ему тогда всего шестнадцать лет. В то время мы еще не задавались целью чем-то помочь, что-либо изменить или спасти — тогда мы приезжали чему-то научиться, увидеть своими глазами, понять. И ни один из нас тогда еще не знал, что этот континент войдет в нашу жизнь на долгие-долгие годы, а одному из нас суждено будет остаться в этой земле навсегда...

Бернгард Гржимек

